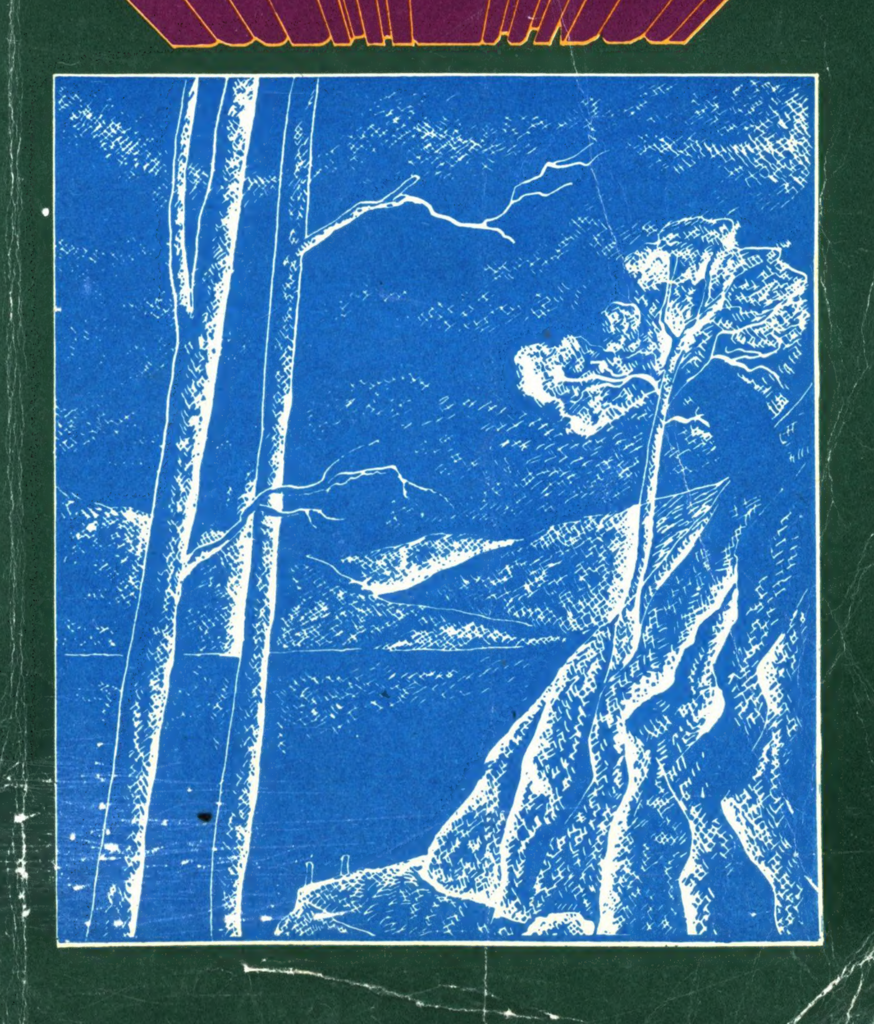
ИНЕССА БУРКОВА

ЛЮБЛЮ ВОЗВРАЩАТЬСЯ

ИНЕССА БУРКОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1979

66.3(2)6
Б91

Буркова И. Е.

Б91 Люблю возвращаться.— М.: Политиздат, 1979.— 160 с.

И. Е. Буркова побывала в Якутии, на КамАЗе, на Байкале, потом не раз возвращалась в эти полюбившиеся ей края, встречалась с оленеводами тундры, строителями Малого БАМа, крупнейшего автомобильного комплекса, учеными, решающими проблемы экологии, охотниками и рыбаками.

В этой книге писательница рассказывает о судьбах встречавшихся людей, их делах, творческих исканиях, заботах, волнующих проблемах.

Б $\frac{11301-013}{079(02)-79}$ 299—78 0802010203

66.3(2)6
32С5

«Есть три эпохи у воспоминаний»,— сказал поэт. В моей книге такими эпохами стали каждая из трех встреч с первопроходцами, строящими магистраль века, с теми, кто, открывая неизведанное, спорит с вечной мерзлотой, преображает Сибирь и Дальний Восток, создает и осваивает невиданную доселе технику. Повсюду, где мне удалось побывать за последнее время,— в Якутии, у оленеводов тундры, строителей Малого БАМа, флагмана отечественного автомобилестроения в Набережных Челнах, на Байкале, у охотников, рыбаков, ученых, решающих проблемы экологии,— кипит напряженная созидательная работа по выполнению поистине грандиозных планов, намеченных XXV съездом КПСС.

Наверное, первая встреча с новыми городами, рабочими поселками, порой еще не обозначенными на карте, новоселами, которых уже через год-другой называют старожилами,— самое волнующее и запоминающееся, ибо несет в себе радость открытия, радость знакомства с мужественными, сильными и любящими свое дело людьми. Мне всегда кажется, что одной встречи мало. И потому я люблю возвращаться, люблю, чтобы обязательно последовала вторая и третья встреча, ибо тогда начинается познание существа дела и людских характеров, здесь зримо начинаешь ощущать масштабность перемен, происходящих в разных уголках нашей страны, стремительный ритм времени. Здесь постигаешь величие помыслов и дел советских людей. И еще —

пусть не покажется это слишком банальным для искушенного читателя — такие встречи позволяют воочию убедиться, как мечта раздвигает границы сегодняшнего дня, зовет вперед и обретает реальные контуры в нашей повседневной жизни.

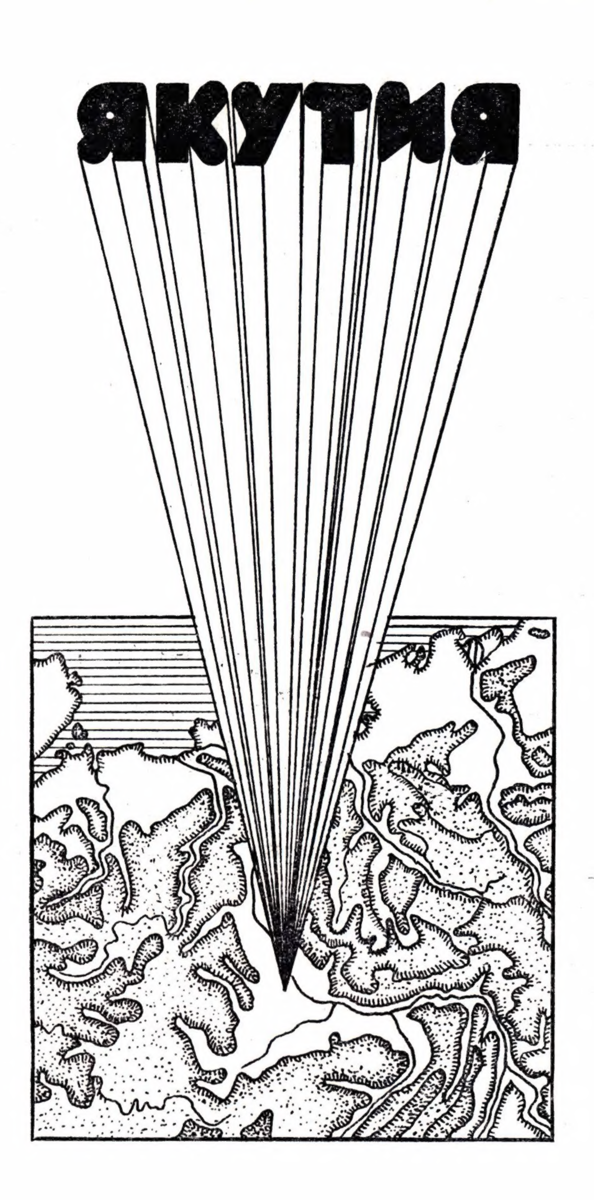
...Кажется, совсем недавно стоял на тихом камском левобережье мало кому известный районный городок. Редко кто приезжал сюда: люди предпочитали правобережье с его шишкинскими борами и памятниками старины. Но вот неподалеку от окраины Набережных Челнов на площадке в сто квадратных километров взметнулись ввысь корпуса заводов, вырос большой индустриальный город. А сегодня многие встречают на наших дорогах «КамАЗы».

Помню, как в гости к камазовцам приезжала группа специалистов Байкало-Амурской магистрали. Александр Погребной, главный инженер дирекции строящейся дороги, сказал тогда: «Первые шаги всегда трудные. Изучаем ваш опыт, систему управления, проникаем в тайны скоростного строительства. Будем применять у себя». В то время БАМ только начинался, а сейчас по линии БАМ — Тында — Беркакит с юга Якутии уже прошли первые эшелоны с великолепным коксующимся углем.

«Труд первопроходцев всегда сложен. Но он и интересен и почетен,— сказал в апреле 1978 года Леонид Ильич Брежнев на встрече со строителями центрального участка БАМа.— Вчера вы впервые ступили туда, где еще был вековой покой тайги, а сегодня там уже не только пролегла магистраль, но и закладываются первые города, выросли поселки...

Пройдет немного времени, и в этих краях трудом человека будут созданы новые промышленные комплексы».

И я, дорогой читатель, снова поеду в знакомые мне места, встречусь с людьми, которых уже знаю по предыдущим встречам...

ЯКУТИЯ

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

1975 год. Июнь

1

Первое мое знакомство с Якутией состоялось в ту пору, когда там проходили Дни российской литературы и искусства.

Десять часов перелета в комфортабельном Ту-154, и вот мы уже на якутской земле. Подан трап, распахнут люк — ударило солнце. Ослепило. Обволокло теплом почти по-крымски, сухим и жарким. Ну и ну! Вечная мерзлота, полюс холода, а температура плюс тридцать. Сразу ясно представишь себе, что значит континентальный климат. Зимой до минус семидесяти и летом до плюс тридцати. Перепад в сто градусов. Где еще встретишь такое?

Яро грело солнце.

Радостью сияли глаза якутян, спешивших навстречу. Горячи были рукопожатия, теплы и сердечны слова:

— Милости просим, гости!

Гостей было много. Летели с разных концов России. Для каждого гостя нашлось тепло при встрече, для каждого из двухсот тридцати. Деятели театра, кино, эстрады, музыкального, изобразительного искусства и литературы привезли якутянам свое мастерство, слово художника.

То были двадцатые числа июня. Самые долгие, жаркие дни, самые краткие, еле приметные, ночи. Солнце почти не садилось. Сон не шел. Белые ночи Севера, торжественные, волновавшие, усиливали настроение приподнятости.

Писатели приехали во главе с Сергеем Михалковым. Из Москвы — Антонина Коптяева, Сергей Сергеевич Смирнов, Виктор Тельпугов, Семен Шуртаков, из Ленинграда — Олег Шестинский, из Башкирии — Муса Гали, из Татарии — Заки Нури, из Калмыкии — Давид Кугультинов.

После открытия Дней литературы и искусства участники, разделившись на группы, разъехались по районам.

Всюду в тот день был национальный праздник — ысыах, ведущий начало из глубины веков.

Я знала об этом празднике из литературы. Ысыах всегда проводится перед самым сенокосом. На аласе (луг среди леса с маленьким озером посередине) собирается все население окрестных наслегов, стар и млад. Нарядно одетые, они рассаживаются на поляне — тюсюлгэ, огороженной веревкой из конского волоса с подвешенными берестяными игрушками и разноцветными лентами. У входа в тюсюлгэ врыты сэргэ — деревянные коновязи, украшенные резьбой. К ним привязаны кони, празднично убранные. Из леса выходят девять юношей и восемь девушек в белом, символизирующие стерхов — белых журавлей, почитавшихся у якутов священными птицами. Возглавляет шествие седовласый олонхосут — певец (от «олонхо» — эпос). У сэргэ он опускается на колено и заводит песнь, восславляющую изобилие — алгыс. Потом из чорона, деревянного кубка с резьбой, олонхосут окропляет сэргэ, коней, землю вокруг, чтоб была она, матушка, доброй к людям, дала бы много сочной травы — пищу коням, коровам, оленям. Обрызгает землю олонхосут — и начинается праздник ысыах, что в переводе и значит примерно «окропить».

Мы видели этот праздник. Видели дружный хоровод — осуохай. Сами стали в круг с якутами, взявшись за руки. В такт танцу подпевали без слов. Якуты на своем языке славили жизнь — импровизировали, как повелось издревле. Мы видели традиционные состязания в силе и ловкости. Видели конные скачки, когда рядом со взрослыми мчались подростки, припав к конским гривам, и обгоняли порой — брали первенство. Мы участвовали в общем пиршестве — пили богатырский напиток кумыс из чорона, передавая его по кругу друг другу, как братину.

Все как исстари бывает на ысыахах. Но в это древ-

нее, почти языческое торжество как-то очень просто вошли сегодняшние обычаи. На стадионе с трибуны, по радио подвели итоги весенних работ в районе. В честь Международного года женщин состоялся парад якуток. Красивы и изящны были они в национальных костюмах, расшитых бисером, опушенных белым песцом. Юные и пожилые, они поражали женственностью, сдержанностью, достоинством, а иная выделится вдруг среди всех своей величавостью, непривычной здесь белокожестью — глаз не отвести. Потом заполнили стадион дошколята. С серьезными лицами они старательно выполняли физкультурные упражнения. Закончив, по-детски раскованно, радостно пустили в небо сотни воздушных шаров с бумажными голубями. Затем был парад мотоциклистов. Мы увидели, сколько в районе молодежи, любящей технику, скорость, азарт. И вдруг вся округа огласилась торжественными звуками марша. Строем, стараясь чеканить шаг, подтянутые, гордо вскинув головы, на арену вышли ветераны Великой Отечественной. Диктор сказал:

— Из нашего Чурапчинского района на фронт ушли две тысячи сто человек. Домой вернулись семьсот. Сегодня осталось в живых триста двадцать. Все они здесь, перед вами.

Две трети ушедших на фронт полегли за Родину. Тела их покоятся там, где проходила война. Под Старой Руссой, на Новгородчине, есть братская могила воинов-якутов. Среди них — чурапчинцы. Новгородцы благодарно чтут память якутских героев.

Триста двадцать ветеранов войны. Всех разыскали. Все откликнулись, отправились в путь — в Чурапчу. Все собрались там в день ысыаха, посвященного 30-летию Победы. Все до единого вышли строем с орденами, медалями на груди. Кто опирался на палочку, кто на костыль, у кого-то вместо руки пустой рукав был заправлен в карман.

Вечером все триста двадцать фронтовиков собрались под одной крышей — в спортивном зале, превращенном в банкетный. Здравицы в честь защитников, победителей. И непременно каждый, провозглашавший тост, сопровождал его пением — народной песней, современной, популярной, или романсом. А чаще песней-импровизацией, как любят якуты. Прямо тут, на глазах, рождались слова и мелодии. Одна песня посвящается

фронтовику — проректору Якутского университета Афанасию Акимовичу Макарову. А эта — участнику гражданской и Отечественной войн, восьмидесятилетнему Еремею Григорьевичу Куличкину. Новая песня — Вере Кирилловне Захаровой, она тоже среди почетных гостей. О ней, первой якутской летчице, воевавшей в Белоруссии, Польше, Германии, рассказал однажды по Всесоюзному телевидению Сергей Сергеевич Смирнов в передаче «Подвиг».

— В Белоруссии? — поднялся навстречу Вере Кирилловне Виктор Тельпугов.— Я ведь тоже там встретил войну — парашютистом-десантником,— там был ранен.

— И я ваш земляк,— подошел к героине Заки Нури,— партизанил в белорусских лесах и болотах, в отряде Константина Заслонова.

«И я...», «И я...» — подходили многие ветераны. Обнимались, хлопали друг друга по спине.

В перерыве, выйдя в сад, собирались по «землячествам»:

— Первый Украинский фронт?

— Ленинградский?

— Северо-Западный?

— Под Сталинградом кто воевал?

— Где куряне?

— Севастопольцы?..

Возгласы радости, объятия, воспоминания, шутки. Старики уже ветераны, старики... Принарядились к празднику, и каждый старался глядеть молодцом — солдатам не положено думать о хворях и ранах. Мне вспомнились стихи якутского поэта Семена Данилова, посвященные Заки Нури:

Мы по жизни идем, постепенно белея,
Любопытством глаза не устали цвести.
Но уже застают нас врасплох юбилеи,
Как засады на трудном солдатском пути.
Впрочем, некий секрет, знать, и нам был подарен.
И над нами наш возраст не так всемогущ —
Ты согласен со мной, друг мой, рослый татарин,
Партизан белорусских нехоженых пущ?
Твой отряд молодцов разных судеб и наций
Был грозой для фашистов в былые года.
Всем ищейкам врага за тобой не угнаться
После смелых налетов бывало тогда.
Ты шагал по тропе — автомат за плечами,
Выжидал, затаившийся в березняке,

Добывал «языка». А в землянке ночами
Ты стихи сочинял на родном языке.

Ветераны, собравшись в саду, курили, толковали о боях, об освобожденных городах и селах. Отводили душу в воспоминаниях.

Мне захотелось поговорить с Верой Кирилловной Захаровой. Но она была окружена таким тесным кольцом друзей, что пришлось отложить знакомство с героической летчицей.

Возобновилось застолье. Вот поднялась мать восьмерых детей Пелагея Дмитриевна Борисова. Запела песню-импровизацию. Нам переводили слова:

«Я перед вами в долгу, наши воины. До последнего вздоха в долгу. Вы спасли меня от смерти. Вы отбили фашистов, осадивших город Ленина. Там погибали ленинградцы и все, кто приехал туда перед войной. Там погибли от голода тридцать студентов-якутов. Только троим повезло. Мне в их числе. Нас успели спасти от гибели вы, фронтовики-заступники. Махтал — спасибо вам! За то, что живу, за то, что растут у нас с мужем дети...»

Голос ее звучал сильно и страстно, слезы лились по щекам.

Ысыах был самым удивительным из всех виденных мною праздников. Назавтра гостей провожали в родные наслеги, в города и поселки, где живут они нынче. Два вертолета развозили их по отдаленным наслегам района.

— Куда так спешат фронтовики? — спросил кто-то из нас у секретаря Чурапчинского райкома партии.

— На покос,— ответил Илья Павлович Листиков.

— Но фронтовики-то ведь немолоды, откосили свое.

— Нет, не откосили,— покачал головой стоявший рядом старик с медалями на груди.— Рано списывать нас в запас. Мне семьдесят. А буду косить со всеми, буду косить всегда, пока стою на ногах, пока руки держат косу.

— Народная традиция,— сказал Листиков.

Мы видели сенокос, узнали, откуда пошла эта традиция. Трудно достается здесь сено. Собирают его по травинке. С косами выходят всем миром, прочесывают каждую полянку, каждую ложбинку. Мало таких просторных аласов, где можно использовать технику. То

тут, то там вместе со всеми отмахивают косами фронтовики.

«Якутия начинается с Чурапчи»,— слышали мы здесь не раз. Сперва улыбались в ответ. Но, узнав поближе этот район, поняли, что патриотизм жителей вполне обоснован. Животноводческий район. Чурапча дает якутянам немало прекрасного, жирного молока, продуктов из него, излюбленного у якутов конского мяса, поставляет комбинатам кожу. Чурапча обогащает Якутию и духовно, дарит таланты. Из Чурапчинского района вышло немало ученых, научных работников, в том числе первый якутский лингвист Семен Новгородов, составивший якутский алфавит. Чурапча пополняет Якутский драматический театр одаренными актерами, изобразительное искусство — талантливыми художниками. Якутская графика широко известна теперь не только во всей нашей стране, но и далеко за ее пределами. В литературу пришли из Чурапчи тринадцать писателей, и среди них один из первых советских якутских писателей — Эрилик Эристин. С совхозом, носящим имя Эристина, теснейшим образом связан Якутский Союз писателей. Писатели часто бывают здесь, дружат с животноводами, пишут о них. Рядом с наслегом Чакыр построен Дом творчества.

— Хорошо бы создать вам в совхозе музей Эрилика Эристина,— предложил эристинцам на прощание Виктор Петрович Тельпугов.— И библиотеку книг с автографами российских писателей,— добавил, подумав.

— Это мысль! — радостно воскликнул председатель рабочкома совхоза Гавриил Дмитриевич Ефимов.

Чурапчинцы и в спорте не отстают, особенно в вольной борьбе, близкой к якутской национальной борьбе. Семьдесят восемь мастеров спорта насчитывается в районе, среди них олимпийские чемпионы Роман Дмитриев и Павел Пинигин.

Есть право у чурапчинцев на гордость.

Пока одни участники Дней литературы и искусства знакомились с Чурапчой, другие побывали там, где добывают золото, алмазы, уголь, ищут газ и нефть. Встречались с читателями, зрителями. Были и тысячные аудитории, и в несколько сот, были и скромные — всего пять—семь человек: бригада буровиков, бригада оленеводов, поисковая партия. К этим читателям в тайгу и тундру приходилось лететь на вертолетах.

2

Через несколько дней группа писателей летела из Якутска на Крайний Север. Самолет шел строго по 130-му меридиану — в Булунский район, в бухту Тикси, что расположена за 1800 километров в низовьях Лены.

Якутия проплывала под нами. Все было масштабным, размашистым. Пейзажи чередовались, знаменуя смену природных зон. Под Якутском распласталась тайга. Потом пошла лесотундра, горные хребты Верхоянья, и видно было, как меняются на них по вертикали зоны растительности, становясь все скудней от подножия к вершине, совсем уже голой. Наконец, показалось побережье Великого Ледовитого океана — арктическая пустыня. Почти постоянно под крылом самолета блестели большие и малые озера (их сотни тысяч в Якутии). Тянулись ленты рек, речушек. Самая главная из рек — Лена. Даже с большой высоты ощущалось могущество Лены, одной из величайших рек мира.

Все было интересно, ново и притягательно. Однако с особым нетерпением ждала я, когда появится тундра. Никогда не бывала в тундре. Знала о ней лишь по книгам, кино, по полотнам Рокуэлла Кента. Знала, что это и горы, и равнины, и болота, что есть там и зелень, и ярких красок цветы. Но еще в детстве у меня почему-то сложилось представление: тундра — плоская, серая, болотистая, бескрайняя. Из-за этого чуть не прозевала ее, хотя не отводила взора от иллюминатора.

— Тундра! Тундра! — услышала вдруг голоса соседей по самолету.

— Где?! — встрепенулась я.

— Да вон, вон под нами, глядите!

Внизу громоздились свинцово-черные горы устрашающих очертаний. Словно гигантские доисторические чудища грозно столпились стеной, чтобы противостоять натиску Ледовитого океана. А когда мы, пересев в вертолет, полетели низко над «чудищами», я увидела, что «кожа» их совсем не черная. То желтизна, то лиловость, то зелень проступает на темном фоне — цветы и травы тундры.

Приземлились в распадке, в стойбище оленеводов. Пока спешили хозяева, спешили нам навстречу, я с любопытством осматривалась.

Тундра! Стою на ее земле. Твердая земля, не топкое болото, вся усыпана мелким плоским щебнем. Будто кто-то настрогал темно-серую спрессованную глину и разбросал тут толстым слоем. А сквозь щебень пробивается еле приметная рыжеватая травка и маленькие подснежники на коротеньких ножках.

Подошли к нам хозяева, оленеводы. Несколько мужчин, две женщины, молодые парни и даже школьники. Пригласили к палатке, возле которой стояли низкие скамейки. Все расселись, и потекла беседа. Оленеводы рассказали о себе, о стойбище. Оно зовется Эгебаста — Медвежья Голова. Когда-то тут убили медведя. Стойбище — три палатки, нарты, длинный низкий стол, скамейки. Все свернуть и погрузить на оленей можно вмиг. На одном стойбище задерживаются обычно всего три-четыре дня, пока олени не выщиплют всю траву, а зимой — ягель. Потом снимаются, перегоняют стадо дальше. Но обязательно рядом должна быть вода. Неподалеку от нас журчала река, струилась, сверкая, по щебенному дну, плоская, мелкая, оленю по «щиколотку», но быстрая — начало брала в горах. Летом маршрут у бригады большой — несколько сот километров. Сорок раз разбивают стоянки, сорок стойбищ.

Пастухи всегда начеку: нельзя упустить далеко пасущееся стадо, нельзя прозевать подкравшихся к оленям волков, которые зимой часто так и ходят вслед за стадами. Волкам подкидывают отравленное мясо или стреляют в них, если они изловчатся подобраться вплотную к оленям. На волков есть управа. А вот перед другим врагом, казалось бы смехотворным,— перед мошкарой, комарьем, оводом люди бессильны. Заедает гнус и их, и животных. Особенно нагло ведет себя овод — кладет личинки прямо в шерсть оленя. Олень становится беспокойным, плохо нагуливает вес, а иной даже заболевает и падает.

Каждую осень проводят забой оленей — двух-трехлетних. Мясо и шкуры поставляют государству. Из молодняка формируют новое стадо и откочевывают с ним на юг зимовать. Здесь, на севере, в распадках, нельзя оставаться: часты туманы, дуют сильнейшие ветры, метет-свирепствует пурга — не удержаться на ногах человеку.

Бригадир Иннокентий Васильевич Никитин привел нам цифры. Поголовья они сохраняют каждый год от

94 до 99,7 процента. Их бригада дала доход хозяйству в прошлом году триста тысяч рублей. Каждый олень стоит двести — двести пятьдесят рублей — в зависимости от веса, упитанности. В семьдесят четвертом году они сдали 99 процентов мяса первой категории. Бригада их с 1973 года — чемпион района.

В стойбище Эгебаста все дышит простотой и покоем. Широко расступились великаны горы. Вдали пасется стадо оленей, как в древности было. И вдруг — «чемпион», «план», «категория». Современность.

Ребята-школьники (они на каникулах кочуют с родителями) подогнали к нам стадо. Олени пугливы, не подпускают к себе, начинают кружить. И такой подымается гул, словно воет, стонет кто-то. Рога оленей, на бегу рассекающие воздух, создают эту тревожную музыку. Восьмиклассник Петя ловко кинул аркан. Он размотался на лету, петля вцепилась в бархатистый коричневый рог молодого оленя. Петя потянул к себе пленника, тот пошел к нему, не упираясь. Я погладила оленя по холке, притронулась к его рогам — и мгновенно отдернула руку: рога оказались неожиданно теплыми, даже горячими. Я опять прикоснулась к рогу и вновь удивилась: под ладонью часто-часто пульсировала кровь. Мы привыкли к рогам, висящим на стене — закостеневшим, холодным. А на оленьей голове они мягкие, теплые — живые. Я села на оленя верхом. Ноги мои чуть не касались земли. Легонько ударила оленя пятками, он затрусил от стойбища. Желтое солнце. Сочно-лиловая дымка вдали подернула горы. Как на полотнах Рокуэлла Кента. Простор кругом. Тишина. Лишь слышалось полусонное бормотание речушки. Мне вдруг стало ясно, почему якуты умеют и любят петь. Выходя на промысел, оленевод, охотник одолевает в одиночестве огромные расстояния. И он поет. Поет о том, что видит. Едет верхом, перегоняя стадо, и поет. Поет у костра. Поет якутка, выделывая мех, расшивая бисером одежду, качая младенца. Каждый якут умеет и любит петь с малолетства. Это традиция. Долгое одиночество вырабатывало веками и такие черты характера якута, как неторопливость, размеренность, сосредоточенность в поведении и поступках. Это характерно для всех народностей Крайнего Севера.

...Я повернула оленя к стойбищу. Там уже начиналась беседа о литературе, о жизни. Сергей Сергеевич

Смирнов рассказал оленеводам, как работал над «Брестской крепостью». Потом поделился своими впечатлениями о тундре, о труде оленеводов. Назвал их героями. А уж он-то знал цену геройству! Кочевать в тундре, преодолевая постоянные трудности, под силу не всякому. Давид Кугультинов его поддержал:

— Точно, герои. Как наши чабаны. Степь, как и тундра, сурова.

А художник Олег Буткевич, почти беспрерывно трещавший кинокамерой, объяснил, почему он так старательно фиксирует на пленку все, что окружает его здесь, в тундре, в стойбище. Отец его, ныне восьмидесятилетний пенсионер, в конце двадцатых — тридцатых годах был специалистом Наркомзема и создавал в Заполярье оленеводческие колхозы. Привезет ему сын киноленту, повествующую о том, что стало тут через полстолетия.

Марианна Емельяновна Ярославская, скульптор, давно живущая в Москве, назвала оленеводов земляками: она родилась в Якутске, в семье политссыльных революционеров, деятеля Коммунистической партии Емельяна Ярославского и его жены Клавдии Кирсановой.

Несмотря на то что разговаривать с эвенками-оленеводами приходилось через переводчика, чувства изливались открыто и просто. Надо было видеть, с какой жадностью ловили пастухи каждое слово гостей, с каким трепетом брали в руки подарки — скульптуры, картины, книги с автографами, как сердечно прощались, когда за нами прилетел вертолет.

3

В Тикси, куда мы прилетели, было двадцать градусов — совсем как в Москве в конце июня. Спину ласкало теплом яркое солнце. А ноги скользили по толстому, в полтора метра, льду. Великий Ледовитый океан. Он открывается ото льда ненадолго и не везде. В бухте Тикси лед где-то растаял, а где-то и нет.

Теплынь и... лед. Все смешалось, никак не разберешь, какое сейчас время года. Но вот откуда-то сорвался, как шальной, ветер, погнал нас по льду, норовя свалить с ног. Север сразу дал себя знать. Захолодало,

небо насупилось. Где укрыться от ветра и холода? Каково-то в Тикси зимой, трехмесячной непроглядной полярной ночью, когда свирепствует пурга, шквальный ветер, морозы трещат под шестьдесят градусов, птицы, замерзая на лету, падают замертво. Тикси зимой попадает в чрезвычайное положение. Создается пурговая комиссия. Она запрещает выезд из поселка, временно прерывает занятия в школах, оставляет детей в детских садах и яслях, устраняет аварии, помогает обмороженным. Тикси вступает в войну со стихией, с натиском Великого Ледовитого, который якутскому народу представлялся в образе гигантского чудища-морозища. Чудище каждой осенью начинало медленно шевелиться, подымалось все выше и выше живой горой, в конце концов заслоняло собой все небо: наступала полярная ночь. Время от времени открывало оно пасть, делало выдох — угнетало матушку-землю пургой и лютым холодом.

Тикси стоит почти в центре холодной мерзлой зоны: мерзлота здесь толщиной в шестьсот метров, температура грунта — минус двенадцать градусов.

А идешь по Тикси теплым летним днем и забываешь об этом. Поселок как поселок. Современные дома из железобетонных панелей и плит. Только вгрызается каждый дом в мерзлую почву десятками бетонных свай гораздо глубже, чем в Центральной Якутии. Оконные рамы во всех домах тройные. Котельная всегда дымит — топят здесь даже в июне. Это нам повезло, что выпали теплые деньки, а вообще в Тикси среднелетняя температура плюс 5,7 градуса. Вдоль улиц тянутся странные нескончаемо длинные то бетонные, то дощатые короба в полметра-метр высотой: там проложены утепленные трубы водопровода, канализации. На втором этаже детского сада огромная застекленная под крышей площадка, где гуляют дети зимой — вместо улицы. И нет в поселке ни единого деревца: тундра. Зато в каждом окне цветы, огурцы, помидоры, даже картофельная ботва. Радуют себя тиксинцы этой зеленью. Не унывают, не горюют, живут как везде. Пользуются благами цивилизации. Смотрят, например, телепередачи по системе «Орбита». Слушают радио, говорят по телефону со всеми городами Советского Союза, читают свежие газеты, журналы, книги. Они не оторваны от страны.

Но не надо быть особенно догадливым, чтобы почувствовать, как дорого все достается тиксинцам, даже сейчас, когда на помощь пришли наука и техника. Дом поставить — одолеть вечную мерзлоту.

— Как вы боретесь с мерзлотой? — попросила я рассказать секретаря Булунского райкома партии Николая Егоровича Андросова.

— Что вы, что вы! «Боремся»?! — замахал он на меня руками.— С мерзлотой бороться нельзя. Она природа. Мать. С ней надо, наоборот, вести себя почтительно, иначе прогневишь ее. Тогда не оберешься бед и несчастий. А если с мерзлотой будешь уважительным, она даже поможет.

Поначалу странными показались мне эти слова. Запрещено бороться с мерзлотой... Но ведь она — зло, огромное зло Севера. Деревья из-за нее не растут. Жить и строить людям трудно. Реки не знают берегов, меняют русло. За что же уважать мерзлоту? И в то же время убедительно прозвучало: мерзлота — природа, мать. Верно, природа. Воевать с ней бессмысленно. Что-то тут есть. Наверное, это очень интересно. Просто слабое представление имею я о вечной мерзлоте.

Тикси начинался с нескольких белых палаток. Пятого августа 1932 года пароход «Лена» с двумя баржами на буксире высадил на пустынном берегу бухты первых поселенцев во главе с Е. Н. Фрейбергом. Они основали здесь полярную станцию и назвали бухту Тикси, что значит по-эвенкийски «причаливание». Причалили, устроились, положили начало сегодняшнему современнейшему поселку.

Тикси и сейчас оправдывает свое название. Сюда, в крупнейший порт на Ледовитом океане, приходят и здесь причаливают корабли — завозят отовсюду технику, материалы для строек Якутии, для предприятий республики — сырье, для якутян — продовольствие и промтовары. Грузы переваливают на речные суда и отправляют вверх по Лене, ее притокам Витиму, Алдану, Вилюю, Олекме, разошедшимся в разные стороны по большей части Якутии. Речным транспортом перевозится основная масса грузов республики, меньшая — автомобильным, совсем незначительная — воздушным. А железных дорог здесь тогда еще не было. Только-только начали строить Малый БАМ. Так что в Якутии

многое зависит от того, как будут работать моряки и грузчики Тикси за 120 суток навигации.

В Тикси «причаливают», приземляются самолеты трансконтинентальной полярной авиатрассы, республиканских и местных воздушных линий. Это преимущественный способ передвижения пассажиров на Севере.

В Тикси причаливают и гидрографические суда, возвращаясь из различных рейсов. Суда эти, оснащенные специальным оборудованием, ведут разведку, дают информацию: где и когда морские торговые и пассажирские корабли могут спокойно плыть по водам Великого Ледовитого океана, где и когда им надо укрыться заранее, если вздумает бунтовать коварный, безжалостный океан.

В Тикси поступают вести из космоса. Полярная обсерватория принимает их и, обработав, передает в Якутск, в Институт космофизики и аэрономии Сибирского отделения АН СССР.

Из космоса же, а также с метеостанций побережья Ледовитого океана от Диксона до чукотского Певека стекаются в Тикси метеорологические сводки. Проанализированные, обобщенные, они направляются в Москву, в Гидрометцентр. И конечно же метеорологи обслуживают воздушный, морской и речной флот Севера, предупреждают население об опасности — о приближении пурги, сильных морозов или ветров.

Вот сколь значителен Тикси, на карте помеченный всего лишь скромным кружочком, какие положены для поселков городского типа.

Мы жили в Тикси несколько дней. Познакомились с моряками Северо-Восточного управления Морского Флота, с рабочими порта, летчиками, метеорологами. Побывали на гидрографическом судне «Дмитрий Стерлигов», поразившем нас тонкой техникой и комфортом. Были в метеорологическом управлении, ходили из комнаты в комнату, слушая рассказ начальника управления Леонида Петровича Ананьева. Тут сложная и чуткая аппаратура. Она дает оперативные и точные (на 88 процентов) метеосведения. А это особенно важно в Тикси, который зовут кладбищем циклонов. Именно здесь сшибаются ветры с запада и востока, очень часто бывает нелетная погода.

Я слушала Ананьева и все время вспоминала первых полярников, основателей Тикси. Они также восемь

раз в сутки вели наблюдения погоды. Замеряли, записывали температуру воздуха, влажность, облачность, силу и направление ветра и прочее. Но условия труда первопроходцев были совсем другими. У них не было нынешнего просторного, теплого, удобного каменного здания. Не было связи с центром по быстродействующим каналам, телетайпов, фототелеграфа, магнитофонов, транзисторных приемников и передатчиков, радиобюллетеня из Москвы для сравнения наблюдений. Не получали они информации с космических спутников. Первых обитателей Тикси насчитывалось всего несколько человек. Теперь в метеорологическом управлении работает шестьсот специалистов, в основном молодежь с высшим образованием, хотя немало и практиков. Иные из них трудятся тут уже четверть века.

Допоздна мы засиживались, беседуя с тиксинцами. Прощались с ними, когда уже наступала ночь. По часам, по времени — ночь. Белая, самая белая, какие есть на земле. Солнце висело над горизонтом, прикасалось теплом своим к рукам и лицам нашим. Полусонные, мы шли по поселку, золотисто светящемуся. И частенько встречались нам дети. Одни, в майках с красными цифрами на спинах, гоняли футбольный мяч. Другие играли в прятки. Чья-то мама высунет вдруг голову в форточку, сердито позовет сына домой, а тот, пригнувшись, крадучись скроется за углом. Игра продолжается. День и ночь перепутались у ребят. День и белая ночь, точно такая, как день.

Когда однажды утром мы покидали Тикси, солнце по-прежнему неутомимо сияло с небес. Мы шли через летное поле к Ан-24. Каждый бережно нес оленьи рога — сувенир.

— Рогатый рейс,— донеслась до нас из толпы провожавших беззлобная шутка.

Наверно, мы выглядели забавно со стороны: все с рогами. Но для нас это память о стойбище Эгебаста, об оленеводах, о тундре, о Крайнем Севере. Мы разместили свои драгоценные сувениры в багажниках самолета, уселись в кресла, пристегнули ремни. И вдруг нас попросили выйти. Вылет задерживается: погода нелетная.

Как нелетная? Оказалось, неожиданно потянул сильный боковой ветер, незаметный внизу. Самолет мог потерять управление. Метеорологи оградили нас от беды в этом коварном уголке царства Эола.

* *
*

За десять дней пребывания в Якутии наши группы побывали в районах на севере, юге и в центре. Мы многое успели увидеть. Но это был лишь беглый взгляд, знакомство с Якутией в самых общих чертах. Раздразнила меня эта поездка. Так всегда бывает, когда выезжаешь на короткий срок в новое место. Хочется вновь приехать сюда, уже надолго, чтобы поглубже вникнуть во все, что поразило твое воображение, распалило любопытство во время первой поездки.

Я знала, что в Якутию еще вернусь. И не раз.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

1976 год. Июль

1

И вот через год я снова в Якутске. Решила на этот раз подробно познакомиться с работой Института мерзлотоведения, единственного в мире научного учреждения, исследующего вечную мерзлоту, и побывать на строительстве Малого БАМа. Таковы были мои планы на эту командировку.

К встрече с «мерзлоткой», как именуют в быту Институт мерзлотоведения, я подготовилась дома. С увлечением прочла популярную книгу бывшей научной сотрудницы Нины Александровны Вельминой «Ледяной сфинкс» (так называл мерзлоту академик Обручев), одолела несколько монографий и сборников статей, семь томов «Материалов международного конгресса мерзлотоведов 1973 года». Я уже знала, что вечная мерзлота — это оледенение породы, чаще подземное, иногда выходящее на поверхность. Мерзлая зона занимает около половины территории Северной Америки, северо-восточную часть Евразии, Гренландию, Антарктиду. Это двадцать четыре процента всей суши.

Самая «мерзлая» из всех стран — наша: десять с половиной миллионов квадратных километров мерзлоты, около половины всей территории. В Сибири восемьдесят процентов мерзлой земли, а в Якутии — сто. В зоне мерзлоты лежит значительная часть Канады, сорок процентов площади Монголии, правда, мерзлота тут не сплошная, а в виде островов, как и в Северном Китае.

Самая древняя мерзлота — в Якутии, между Леной и Колымой. Ее возраст — около миллиона лет.

В Якутске, как и прошлым летом, стоял звенящий зной — тридцать пять градусов. На окраине в озере с наслаждением плескались ребята. Я шла мимо них к институту, завидовала им, поминутно вытирая пот с лица, и никак не могла соединить в своем представлении этот зной и мерзлоту.

Знакомство с институтом я начала с подземных лабораторий. Мне дали ватник и стеганые брюки. С неохотой облачилась в них. Но, едва открыв дверь в шахту и ступив на первую ступень, запахнулась плотнее, съежилась. Обдало холодом. Спускаясь по лестнице, считала ступени. Когда она кончилась, прикинула: глубина шахты метра три-четыре. С уровня трех метров начинается постоянная мерзлота в районе Якутска. Открыла дверь — в лаборатории еще холоднее. Двери дощатые, электрическая лампа вверху. А вот стены, пол, потолок — из песка. Такое увидишь не везде. И очень странно: песок не сыплется на голову, не проваливается под ногами. Он спрессован, скован льдом. Пощупала песчаную стену — холодна и тверда. Машинально попыталась отколупнуть песчинку. Да где там! Вечномерзлый грунт крепок, как бетон. Стоят приборы на столике. Термометр показывает минус четыре градуса. Мерзлота под Якутском именно такой температуры.

Еще ниже спустилась. Вторая лаборатория — другие приборы, другая тема наблюдений. Мерзлота здесь — монолитный лед. На термометре опять минус четыре. Потолок как будто украшен для Нового года: густо висят серебряные узорчатые пластинки. Так сконденсировалась и замерзла влага. Мне почудилось даже, что, подуй сейчас ветер, пластинки зазвенят тонко и весело. В Якутске я встречала потом в интерьерах общественных зданий такие льдистые потолки из серебристых подвесок.

Собиралась обойти все одиннадцать лабораторий института, расспросить как можно больше научных сотрудников об их работе. Но был полевой сезон. Все разъехались по экспедициям. Я застала лишь троих, которые на два-три дня появились по делам в Якутске.

В наземном здании познакомилась с заведующим лабораторией общей геокриологии Игорем Александровичем Некрасовым. Когда вошла, он правил корректуру новой книги.

Стены лаборатории были увешаны картами, на кото-

рых обозначено, где расположены породы многолетнемерзлые (сплошные и островные), а также сезонномерзлые, то есть мерзлые в течение лишь зимы, где наледи, какие породы тут и там, какова их температура. Карты геокриологические; они рассказывают о распределении и характере мерзлоты.

— Вас, очевидно, интересует, чем занимается наша лаборатория? — спросил Игорь Александрович.— Общей геокриологией.

— По-русски, общим мерзлотоведением?

— Верно. Гео — земля. Крио — холод. Холодная земля. Мерзлота. Значит, мы ведем геолого-географическое исследование мерзлых зон. Инвентаризуем их район за районом, устанавливаем, где, как лежит вечная мерзлота. Карты,— Некрасов заметил, что я их рассматриваю,— итог нашей работы. Специфика лаборатории — масштабность. Мы даем картину больших зон. Даже полушарий.— Широким жестом он показал на карту Северного полушария.— Другой итог — книги, монографии.

Он вынул из шкафа увесистую стопу книг.

— Тут последние десять лет нашей работы.

Я перебрала стопу. Пять монографий, три сборника статей, изданные «Наукой» и Якутским книжным издательством. О мерзлотных условиях Забайкалья, Прибайкалья, северо-востока и юга Сибири, Станового нагорья и Витимского плоскогорья, Байлако-Становой области, бассейна реки Яны, о мерзлоте Южного Верхоянья и его последнем оледенении.

— Подготовили рукопись новой книги «Вечная мерзлота зоны БАМа»,— продолжал Игорь Александрович.— Мерзлотоведы вместе с изыскателями и проектировщиками приступили к исследованию зоны будущего БАМа в тридцатые годы.

Известно, что Байкало-Амурскую магистраль начали строить еще до войны. Были проложены пути от Волочаевки до Комсомольска, от Известковой до Ургала, от станции Бам до Тынды. Во время войны рельсы пришлось снять и перевезти их туда, где в тот критический период они были нужнее, —под Сталинград. Рокада, построенная под выстрелами и бомбежками из бамовских материалов, сыграла свою роль в разгроме врага под Сталинградом.

После войны восстановили линию Ургал — Извест-

ковая и построили новые: от Тайшета до Кусть-Кута и от Комсомольска до Советской Гавани.

— Сейчас БАМ — наша главная забота,— подчеркнул Игорь Александрович. И рассказал мне о том, что их картами и описаниями пользуются изыскатели-проектировщики, определяя, где следует строителям прокладывать трассу БАМа.

Одновременно мерзлотоведы проводят оценку всей территории вокруг трассы БАМа — для будущих территориально-промышленных комплексов, для городов, поселков и станций.

— Наши карты и описания зон помогают проектировщикам определить, где следует приспособиться к вечной мерзлоте, а где можно ее уничтожить: предварительно снять растительный, моховой, торфяной покров, дать породам протаять в течение двух-трех лет и, только когда осядут грунты, возводить насыпь.

Некрасов говорил увлеченно и уверенно — привык иметь дело с Сибирью. Даже когда завел речь о сюрпризах мерзлоты, которые она готовит БАМу, чувствовалось, что это его не пугает.

— Трудности могут быть на каждом шагу. Например, сейсмичность. Скажем, на карте оконтурена зона девятибалльной сейсмичности. А на поверку в данном узком отрезке пространства она окажется выше или ниже. Это зависит от свойств мерзлоты, ее мощности, глубины залегания, температуры и возраста. Наконец, от того, каков грунт — песок, суглинок или гранит. Слышали о землетрясении в Муйской впадине?

— Нет,— ответила я.

— По ГОСТам считалось, что сейсмичность там в пределах четырех баллов. А в 1957 году впадину тряхнуло с силой в одиннадцать баллов. Выше уже не бывает. За последние полстолетия в нашей стране подобного землетрясения не было,— заметил Игорь Александрович.— Оно зафиксировано в каталогах ООН.

— Были ли жертвы? — спросила я.

— Ни единой. В Муйской впадине никто не жил. Мы летали на место землетрясения. Затоплены были леса на больших площадях. Макушки деревьев торчали из воды. Озера вышли из берегов. Образовались рвы глубиной в четыре-пять метров, шириной до десяти метров. Вершины окружавших впадину гор были повержены, склоны искорежены. Хаос в Муйской впадине царил та-

кой, что, казалось, здесь прошла битва циклопов, пустивших в ход неведомое всесокрушающее оружие.

Восточная часть будущей трассы БАМа менее изучена, чем западная. Особенно от Комсомольска до Зеи. Раньше считалось, что там нет мерзлоты, теперь возникло предположение, что есть, к тому же неустойчивая, к которой приспособиться гораздо труднее. На эту мысль Игоря Александровича навела железнодорожная ветка от Ургала до Известковой — между старой транссибирской магистралью и БАМом.

— «Больная» дорога,— сказал Некрасов.— За двадцать лет она почти вышла из строя. Насыпь местами дала осадку, железнодорожное полотно лежит волнообразно. В поселке Ургал дома дали трещины, покосились, того гляди завалятся. Мерзлота. Не учли ее, когда строили. Поезда по этой «больной» дороге не идут, а ползут: десять километров в час. И легонькие — всего шесть вагонов.

Я удивилась. Что же будет там, на БАМе, когда пойдут большегрузы в восемь тысяч тонн? Возможно, где-то что-то не учтут, ошибутся — на такой протяженности все может случиться. И почему не изучили толком мерзлотную ситуацию прежде, чем решили проектировать дорогу Ургал — Известковая?

— Она изучена. В крупных масштабах,— возразил Игорь Александрович.— Мы брали пробы в свое время в нескольких местах — мерзлоты не нашли. В то время ее могло не быть, позже появилась. Теперь нам предстоит изучать этот район детальнее. И почти одновременно ведется строительство магистрали.

Напряженный ритм у мерзлотоведов, оказавшихся в самой круговерти бурной стройки. Тесная связь ученых с практикой народного хозяйства характерна для всего Института мерзлотоведения, в том числе и для лаборатории гидротермической мелиорации. Мне повезло, что заведующий лабораторией Александр Владимирович Павлов тоже находился в те дни в Якутске. Ему лет сорок. Он худощав, с мелкими чертами лица, с острым взглядом глубоко посаженных глаз. Деловито, лаконично, предельно ясно Павлов рассказал мне об исследованиях и практических разработках лаборатории для нужд народного хозяйства. Хлопотливо и неутомимо собирала под его руководством лаборатория данные наблюдений метеорологов за атмосферой, биологов и лесо-

водов — за растительными породами, почвоведов, геологов, геофизиков — за почвами и горными породами. На одной, на другой, третьей территории. Потом Павлов обобщил эти сведения, выявляя закономерности теплообмена между горными породами, наземными покровами и атмосферой, издал монографию, которую два месяца спустя перевели в США. Эти теоретические фундаментальные исследования имеют прямой выход в практику.

— Примеры? — отвечая на мой мысленный вопрос, сказал Александр Владимирович.— Сколько угодно. Наши исследования используются для разработки способов оттаивания мерзлых грунтов на россыпных месторождениях золота в Северной Якутии. При проектировании любых зданий и инженерных сооружений. И если нарушит кто-то мерзлый ландшафт, угрожая гибелью сооружениям, тоже не обойтись без наших карт теплообмена.

В Якутии все здания стоят на свайных фундаментах. Сначала вбивается в грунт несколько десятков свай. На верхние двухметровые концы их, торчащие из земли, ставится первый этаж. Каждый дом получается как избушка на множестве «курьих ножек». Но видны эти ножки лишь во время строительства. Потом основание здания обшивается цинковыми рифлеными щитами, не пропускающими солнечные лучи к грунту под домом. Свайный фундамент ограждает мерзлоту от оттаивания под тяжестью всего сооружения. Строители стараются как можно меньше тревожить мерзлоту и даже максимально использовать ее силу. Сваи вбивают так, чтобы нижняя часть их непременно опускалась в мерзлоту. Наземный слой грунта летом протаивает. Зимой, замерзая, он начинает пучиться и старается вытянуть вверх сваю. Мерзлота внизу цепко держит ее, не позволяет подняться. Дом стоит спокойно — благодаря мерзлоте. Выходит, если с мерзлотой обращаться деликатно, разумно, она не приносит зла, а даже становится союзницей, о чем впервые я услышала от Андросова в Тикси. Интересно, что, чем суровее мерзлота, тем большую пользу можно извлечь из нее. Труднее иметь дело с мерзлотой на южной ее границе. Там она «дышит» — постоянно перемещается то севернее, то южнее, то глубже, то выше. В работе необходима особенная внимательность, строгий расчет и последовательность. Чем

холоднее грунты, тем они стабильнее и тем более солидные нагрузки выдерживают. Но если суглинок, насыщенный льдом, протает, то он превращается в жижу и все, что поставлено на нем, заваливается, падает. Видела я в Якутске одно- и двухэтажные дома, поставленные в те годы, когда еще не брали в расчет мерзлоту. Они покосились, дали трещины. Случалось, и разваливались совсем. Способ строительства на свайном фундаменте разработан в Институте мерзлотоведения. Первыми применили его на практике норильчане (в Якутии тогда еще не было строительно-промышленной базы) — удостоены за это Ленинской премии. Теперь все новые постройки на сибирском Севере, в том числе и в Якутии,— на сваях.

— Закономерности теплообмена должны учитываться и в сельском хозяйстве Якутии,— продолжал Александр Владимирович.

В центре и на юге республики в колхозах и совхозах развито исконное занятие якутов — животноводство и заимствованное от русских переселенцев земледелие. За короткое, но жаркое лето успевает оттаять и прогреться верхний слой почвы — вырастают растения.

— Знаете, когда начинают у нас сеять? — спросил Александр Владимирович.

— Нет, не знаю. Конечно, позже, чем в Европе?

— Само собой. Дожидаются, когда почва оттает ровно на глубину лемеха. Пройдет плуг — в борозде засверкает лед. Мерзлота опять помогает: держит над собой влагу, дождевую, талую и конденсационную.

Но вообще-то во многих местах влага из почвы выпаривается летним солнцем, не хватает ее до полного нормального вызревания растений. Мелиорация в Якутии может и должна принести не меньшую пользу, чем в белорусских болотах, в Голодной степи Узбекистана,— поднять урожаи в 2—3 раза. Только проводить ее нужно, непременно считаясь с мерзлотой.

Еще в тридцатые годы в Якутии пытались осуществить лиманное орошение. Это был первый опыт. На небольших площадях использовался сток мелких рек. Позднее некоторые колхозы начали вводить лиманное орошение, стремясь задержать летом воду на лугах и пастбищах. Но плотины рушились, почвы засолялись или заболачивались. Институт мерзлотоведения взялся помочь земледельцам и животноводам. Лаборатория

Павлова повела исследования в двух направлениях, выявляя, как нужно строить плотины и как рационально распределять воду на поля, чтобы мелиоративная система действовала эффективно. Предложили систему мерзлотных низконапорных плотин. Зимой делают насыпи с мерзлым грунтом; он смерзается, создается мерзлое ядро, которое не протаивает за лето, прочно держит грунт. Плотина служит безотказно, как гранитная. Мерзлота и здесь союзница. Лаборатория разработала оптимальный режим лиманного орошения, учитывая свойства почв, гидрогеологию участка, погодные и, конечно, мерзлотные условия.

Рекомендации Института мерзлотоведения по проектированию плотин и режиму лиманного орошения утверждены Министерством мелиорации и водного хозяйства ЯАССР, а также Востоксибгипроводхозом в Абакане, определяющим мелиоративную политику Севера.

— Я вижу, ваш институт на Севере авторитетен? — спросила я.

— Да, но, к сожалению, не у всех. Иные вместе с мерзлотой игнорируют и нас, знатоков ее и защитников. Вспоминают про нас, когда уже во все концы идут сигналы бедствия. Вот, например, сегодня, как раз такой SOS я принял по телефону из треста Якутнефтегазразведка.

— Что случилось у них? — спросила я.

— Буровые вышки стали крениться, того и гляди упадут. Ясно: буровики сняли растительность, прикрывающую мерзлоту, почва разжижилась от тепла.

— Что вы ответили буровикам? — поинтересовалась я.

— Прилетим. На месте посмотрим. Поможем подправить вышки.

— И много таких, не знающих мерзлоты?

— Много,— ответил Александр Владимирович.

— И вы спокойно относитесь к этому?

Он пожал плечами:

— Объективная реальность. Сразу ничего не изменится. Началось массовое, многоплановое освоение мерзлой зоны: строят, добывают полезные ископаемые, орошают почву. Действуют привычными методами, да еще такими темпами, что нет времени даже задуматься над чем-то непонятным. Им дают напряженный план, они выдвигают встречный, а мерзлота требует осмотри-

тельности, расчета. Вот и ЧП. Бегут к нам: «Спасите!» Спасаем.

— И это не сердит вас? — удивилась я.

— Почему должно сердить?

— Ну хотя бы потому, что вас постоянно отвлекают от научной работы, от исследования.

— Во-первых, почти любое ЧП — не мелочь. У нас на Севере все стоит дорого из-за мерзлоты. Метр проходки буровой — это 780 рублей. Во-вторых, появляясь на производстве или на стройке, где не знают о мерзлоте, мы на месте помогаем людям понять, что это такое.

— Обжегшиеся уже считаются с вами? — спросила я.

— Еще как! Нефтегазразведка, например, сразу заключила договор. Будем рассчитывать им тип теплоизоляции на буровых в различных районах. Ну, а приезжая на место происшествия, мы получаем и для науки материал. Кстати, нас все больше и больше признают практики. Руководство Ленинского района, например, обратилось к нам и к Институту биологии Якутского филиала СО АН СССР с просьбой создать в поселке Нюрбе мелиоративный стационар. Попробуем там применять машинное дождевание на лугах и пастбищах. В совхозе «Хатасский» начали мы работы по осенне-зимнему дождеванию. А о том, какую пользу приносим мы, мерзлотоведы, строителям БАМа, порасспрашивайте лучше Николая Александровича Граве.

Заместитель директора института Граве только что вернулся из Тынды, с заседания научного совета по проблемам БАМа Академии наук СССР.

Множество институтов, академических, ведомственных, проектных, изыскательских и даже учебных, помогают строителям Байкало-Амурской магистрали — каждый по своему профилю. В секции наук о Земле Президиума АН СССР создан специальный научный совет по проблемам БАМа, включающий представителей не только столичных, но и сибирских, дальневосточных институтов. Возглавляет совет академик Аганбегян, директор Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. В середине июня совет собирался прямо на строительстве. Обсудили координационный план научно-исследовательских работ по проблемам БАМа, выслушали все замечания строителей, их просьбы, вопросы к ученым.

— Основные проблемы у строителей БАМа, во-первых, сейсмичность,— сказал Николай Александрович.

— Да, мне говорил об этом Игорь Александрович. Трасса БАМа часто пересекает сейсмичные зоны. Какие институты занимаются этой проблемой? — спросила я.

— Институт земной коры и наш,— ответил Граве.— Вторая проблема — охрана окружающей среды.

Понятно. Актуальнейшая проблема века. Вдоль трассы БАМа со временем начнутся разработки полезных ископаемых, возникнут шахты, рудники, заводы и фабрики, крупные территориально-промышленные комплексы, такие, как Южно-Якутский угольно-металлургический. Нужно заранее думать о том, сколько и каких новых выбросов в атмосферу, в водоемы и в почву может получить нетронутая природа. В определенных дозах это безвредно. Незначительное загрязнение водоемов, например, поддерживает жизнь водорослей и бактерий, а те в свою очередь очищают воду. Задача науки заключается в том, чтобы уточнить предельно допустимые нормы выбросов в окружающую среду. Грандиозные стройки десятой пятилетки, и в частности создание Байкало-Амурской магистрали, химизация, мелиорация обширных земельных просторов приведут к серьезным преобразованиям природы нашей страны, в том числе Сибири и Дальнего Востока.

Многие институты активно работают на БАМе, составляется единый план их исследований. Географы, мерзлотоведы изучают режим осадков, испарений, поверхностного и подземного стока воды, геологическое строение слоев земной коры, географию почв, климат, теплообмен. Ученые озабочены тем, чтобы охранять окружающую среду, не нарушать ее гармонии.

— Третья наша проблема на строительстве БАМа — прогноз мерзлотных условий, которые возникают при возведении и эксплуатации сооружений,— продолжал Николай Александрович.— Например, проложили дорогу, а зимой ее заливают наледи. Наш институт должен объяснить происхождение каждой наледи, рассчитать режим пользования мерзлотным грунтом на данном участке. С нашей помощью проектировщики могут принять меры для предотвращения пагубных последствий взаимодействия человека с мерзлотой.

— Некрасов приводил мне в пример «больную» дорогу Ургал — Известковая,— сказала я.

— Э-э, тут еще рано так утверждать,— возразил Граве.— Некрасов подхватил идею инженера Жукова, высказанную им еще в тридцатые годы. Надо проверить, не ошибся ли в своем предположении Жуков. К сожалению, мерзлотная ситуация восточного участка БАМа в деталях действительно пока мало известна нам. Карты распространения мерзлоты, таликов, глубины промерзания дают картину в самых общих чертах, на основании ключевого метода: исследуется небольшой пятачок и данные о нем переносятся на весь аналогичный тип территории. А для строительства железной дороги нужны точные расчеты каждого участка-нитки с учетом характера льдистости, состава грунтов, инженерно-геологических обоснований. Возможно, Ургал — Известковая и не «больная» дорога, а просто разрушилась оттого, что ее не эксплуатировали двадцать лет, значит, и не следили за ней. Надо проверить. Некрасов — увлекающийся человек. Стремится побыстрее набрать данные и сделать вывод, обобщающий. А там, мол, разберемся.

Иногда выясняется — ошибка.

— Не хотите ли вы сказать, что Некрасов поспешен в своих научных суждениях? — спросила я.

— Нет, ни в коей мере,— ответил Граве.— Просто ему свойствен огонек первооткрывателя, увлеченность, повторяю. Он нащупывает, выдает идею. Такие люди в науке нужны. А есть ученые иного склада. Кропотливо собирают материал, ведут длительные наблюдения. И уж потом делают обоснованные выводы. Такова, например, Мария Кузьминична Гаврилова, старший научный сотрудник. Она возглавляет наш стационар на Малом БАМе. Сейчас она там, в Золотинке.

— Я повидаюсь с Гавриловой, еду завтра на БАМ.

Мне хотелось услышать все от самой Марии Кузьминичны. Граве я попросила рассказать его творческую биографию, которая началась почти одновременно с зарождением мерзлотоведения.

Эта молодая наука возникла только в тридцатые годы нашего века. Когда мерзлотоведение делало первые шаги, Граве был студентом географического факультета МГУ. Сын профессора МГУ, хирурга, в шесть лет потерявший отца, умершего молодым, тридцатилетним, Николай Граве еще в университете заинтересовался смелой идеей биолога Каптерева, предложившего

оживлять микроорганизмы и водоросли, изъятые из вечной мерзлоты.

— Помню, как на доклады Павла Николаевича Каптерева приходили академики Карпинский и Вернадский,— рассказывал мне Николай Александрович,— поддерживали его.

С экспедицией Каптерева Граве поехал в Бодайбо — район, тщательно геологически изученный. Надо было найти в отложениях остатки торфяников, чисто вынуть их, геологически обосновать места проб. Вернувшись в Москву, студент четвертого курса Николай Граве сделал доклад в Академии наук, в Комитете по вечной мерзлоте. И тут же получил приглашение на работу в этот комитет после окончания университета. Получив диплом, он поехал в командировку в Якутию, в Абалах, где проектировалось строительство курорта. Младший научный сотрудник комитета Граве должен был показать изыскателям, как залегают льды и каково их происхождение. Обследовал площадь в сто квадратных километров, составил подробную карту. И с тех пор навсегда связал свою судьбу с вечной мерзлотой. Он и войну провел на мерзлоте, в Якутии, в должности консультанта-мерзлотоведа аэродромов, помогал готовить и поддерживать площадки для американских самолетов «Дуглас», которые перегоняли с Аляски через Чукотку, Якутию, через всю Сибирь — на фронт. В неслыханно короткий срок была создана в Заполярье эта сложная авиатрасса. Руководил ею и был командиром авиадивизии Герой Советского Союза Илья Павлович Мазурук. Военный опыт пригодился позднее, в мирное время, когда в Якутии создавалась современная разветвленная сеть воздушного сообщения.

Даже во время войны Граве выкраивал время для занятий наукой. В 1943 году он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Ископаемые льды водораздела рек Лены и Алдана». 1945—1947, 1950—1954 годы провел на мерзлотной станции на Чукотке. В результате собрал материал для докторской диссертации «Вечная мерзлота Чукотско-Корякской горной страны», которую защитил в 1957 году. В следующем году переехал в Якутск для работы в отделении Института мерзлотоведения, который включился в научные исследования по программе Международного геофизического года. Граве руководил экспедицией в Сунтар-Хаяте, где сфокусиро-

ваны самое мощное оледенение на северо-востоке страны и гигантские наледи. Экспедиция впервые начала вести теплобалансовые наблюдения в этом регионе. Результаты работы были обобщены в двух монографиях и докладе, прочитанном Граве в Стокгольме при подведении итогов Международного геофизического года. С тех пор он не раз участвовал в международных научных форумах.

Потом Граве уехал с семьей в Москву, работал в Институте географии АН СССР, в научно-исследовательском институте Госстроя СССР. В октябре 1975 года снова вернулся в Якутск, в Институт мерзлотоведения, и приступил к работе по теме «Охрана окружающей среды в Якутии».

Не было важнее темы тогда, когда началось интенсивное освоение зоны вечной мерзлоты. Оползни, обвалы, сплывы грунта, провальные озера и болота возникают часто при вмешательстве человека. Что вызывает эти нежелательные явления, как с ними бороться? Ответить могут только мерзлотоведы. Материал дают все лаборатории института: теплофизики, общей геокриологии, геотермии, геофизических методов, криогенных процессов, физики и механики мерзлых грунтов. Каждое лето, как сейчас, пустеют стены института: все выезжают в экспедиции в разные концы Сибири и Дальнего Востока. Есть у института постоянно действующие научно-исследовательские станции: в Игарке и в поселке Чернышевском, на Вилюйской ГЭС. Есть и стационары: у озера Сырдах в Центральной Якутии, на Тянь-Шане, в Золотинке на Малом БАМе.

Работы якутских мерзлотоведов представляют интерес для мировой науки. На международных географических конгрессах непременно заслушиваются доклады Якутского института мерзлотоведения. Так было на XX конгрессе в Англии в 1964 году, на XXI — в Индии в 1968 году, на XXII — в Канаде в 1972 году.

— Подготовили мы доклады и для XXIII международного географического конгресса, который состоится на этот раз в Москве,— сказал мне Николай Александрович.— Интерес к нашим исследованиям так велик, что ученые разных стран едут к нам, на край света. В 1969 году в Якутске созывался всесоюзный симпозиум по палеографии. В 1973 году — вторая конференция по мерзлотоведению. С нами поддерживают постоянные

контакты институты и отдельные ученые Монголии, Польши, Чехословакии, Англии, Канады, США, Франции, Японии и других стран. В Монголии в течение двух лет работала наша экспедиция. В результате появилась книга «Геокриологические условия в Монгольской Народной Республике».

Весь ученый мир следит за исследованиями якутских мерзлотоведов. Они ищут ответ на вопрос, какими были их страны в период древней мерзлоты, которая захватывала почти всю Европу. Сейчас там остались лишь следы ее — ледники на вершинах высоких гор. Якутия представляет собой как бы музей, точнее, великолепную природную лабораторию, где исследуется вечная мерзлота, «утраченная» другими странами. Мерзлота девственная. И мерзлота, где поселился человек. Институт изучает вечную мерзлоту и ищет наилучшие способы взаимодействия с ней человека, деликатные, уважительные к природе.

2

На следующий день я отправилась на строительство Малого БАМа.

Самолет наш пересек облака. Сквозь омытые стекла внизу показалась земля, покрытая лесом. Светло-зелеными пятнами в лесу проплывали аласы. Иногда появлялись возвышенности; склоны их темнели, каменистые, шершавые, словно кто-то содрал с них растительность. Это встревоженная человеком вечная мерзлота дала о себе знать. Открыли ее солнцу, теплу — лед растаял, грунт превратился в жижу, потек вниз, таща за собой деревья, кусты, корни которых потеряли опору. Вот и стали склоны этих гор черными.

Все ниже и ниже спускался наш самолет. На нас неслась уже голая земля, разрисованная неправильной формы «сотами» — трещинами. Мне приходилось видеть Голодную степь в трещинах-морщинах. В Якутии, в краю мерзлоты, летом открытая земля тоже трескается. Горячее солнце растапливает ледяные прожилки, как лазером прорезает извивающиеся траншейки.

Мягко приземлились на гладкую дорожку Чульманского аэропорта. И я сразу отправилась на поиски конторы АЯМтранса. Еще в Якутске нам подсказали, как

вернее всего добраться до Золотинки — поселка бамстроевцев. «Идите в АЯМтранс. Там всегда найдешь попутку не только до Золотинки, до самого Большого Невера — ближайшей для якутян железнодорожной станции на Транссибирской магистрали».

Ближайшая... В четырехстах километрах от Чульмана. А если от Алдана, начального пункта АЯМа, то будут все шестьсот пятьдесят.

АЯМ — Амуро-Якутская автомагистраль — единственный путь из Южной Якутии к железной дороге. Автомобильное предприятие АЯМтранс — старейшее в Сибири и на Дальнем Востоке. Оно ведет свою историю с октября 1929 года, когда закончилось строительство АЯМа от Большого Невера до Алдана.

В 1923 году в районе Алдана были открыты запасы золота экспедицией горняка-таежника, участника боев за Советскую власть Вальдемара Петровича Бергина. Для развития золотодобывающей промышленности Южной Якутии и проложена была Амуро-Якутская магистраль. Строили ее вручную, в тяжелейших условиях: через топи и мари, через горные перевалы, Становой хребет, одолевая сопротивление вечной мерзлоты, сурового сибирского климата, используя как ориентир старинные тропы, по которым пробирались верблюды, лошади старателей и редких смельчаков-торговцев. В октябре 1929 года отправился в путь первый караван с грузами для Алдана. До 1938 года автомобилей у АЯМтранса было очень немного — несколько машин марок «АМО», «Бюссинг», «Форд» и «Ярославец». В основном грузы из Невера в Алдан доставляли на верблюдах и лошадях. Кое-где по АЯМу стояли конюшни. Люди спали в одежде рядом со скотом под крышей или чаще под открытым небом, где застала их ночь. Рейс длился 35—40 суток. Позднее стали поступать в АЯМтранс новые машины. Правда, были они тихоходны и не приспособлены для работы на Севере. Случалось, шофер включал первую передачу, выскакивал из машины и шел рядом, чтобы согреться. Заносы на дороге приходилось разгребать в пути самим шоферам.

Постепенно развивался и креп трест АЯМтранс, в шестидесятых годах превратившийся в крупнейшее предприятие Якутии. В его ведении — шоссейные дороги, машины, ремонтная техника, гаражи, свои электростанции, жилые дома, детские сады, ясли, пионерские

лагеря, клубы, столовые, магазины. «МАЗы», «КрАЗы», «БелАЗы», автопоезда пришли на смену верблюдам и первым маломощным машинам. Шофер «КрАЗа» с прицепом выполняет теперь за один рейс такие перевозки, с которыми водители «ЗИС-5» в тридцатых годах могли справиться только за два месяца работы. Машины АЯМтранса возят нынче грузы по зимним дорогам на расстояние до трех тысяч километров — на золотые прииски Севера к самому Ледовитому океану. Доставляют туда с железной дороги Амурской области продукты, промтовары, горючее, технику, передвижные электростанции, стройматериалы. Зимой, когда океан недоступен для флота.

Вслед за АЯМтрансом в семидесятые годы возникли новые автотранспортные организации Якутии: Алмаздортранс, Якутдортранс, БАМпатобъединение (производственно-автотранспортное объединение БАМа). В каждую из них первая автоколонна, первые кадры приходили из АЯМтранса.

Без труда можно найти его резиденцию в Чульмане — АТХ, автотранспортное хозяйство.

Вот тут-то и пришлось мне задержаться, несмотря на то что совсем недавно хотелось как можно скорее попасть на знаменитый БАМ. АЯМтранс удержал в Чульмане. Сперва надолго засела в диспетчерской, куда зашла, чтоб справиться о попутной машине на Золотинку. Наблюдала, как четко регулирует диспетчер передвижение грузов по трассе в шестьсот пятьдесят километров. С интересом глядела на шоферов, входивших в диспетчерскую. То молчаливых, уставших, то налитых силой, спокойно-уверенных. Одни приходили отмечать свой маршрутный лист, чтобы ехать дальше, другие кончали смену, третьи ее начинали. Была свидетельницей и того, как диспетчер снял с рейса шофера.

— У вас давление повысилось,— объяснил ему, заглянув в заключение врача из медпункта.— Отправляйтесь в профилакторий на укол и процедуры.

Решила тоже пойти в профилакторий и провести там остаток дня и весь следующий. Ходила по кабинетам с новейшей физиотерапевтической аппаратурой, хвойными ваннами, кислородными палатками, грязелечением (лечебную грязь завозят сюда по зимнику из Абалаха, что недалеко от Чурапчи). Беседовала с врачами, медсе-

страми, шоферами, проходившими лечение или профилактику во время рейса. Не только в Чульмане, в Алдане и Тынде есть у АЯМтранса такие профилактории. Каждый из двух с половиной тысяч работников АЯМтранса ежегодно лечится и отдыхает в профилактории или получает путевку в санаторий. Благодаря этому заболеваемость у аямовцев стала самой низкой во всей Якутии. Сократилось число страдающих профессиональными болезнями.

В профилактории гостей угощают кислородным коктейлем (витаминный настой, насыщенный кислородом), показывают кислородную палатку. Эти новшества ввел начальник АЯМтранса Марк Израилевич Зинштейн. Руководитель огромного, сложного, разветвленного предприятия постоянно находит время для социально-бытовых дел. Вот хотя бы один пример: Зинштейн отдыхал в санатории «Золотой колос», увидел там новинку — кислородную палатку, проконсультировался со специалистами и целый год вел настойчивую переписку с Москвой, с «Медтехникой», пока не прислали палатки в профилакторий — для шоферов, страдающих кислородной недостаточностью в условиях Севера.

Из профилактория вновь возвратилась в диспетчерскую, чтобы отправиться наконец на попутном грузовике в Золотинку. И опять на какое-то время осталась в Чульмане. Конфликт в диспетчерской привлек мое внимание.

— Не дам выезда,— строго сказал диспетчер шоферу, оторвавшись от радиопереговоров.— Вам положено отдыхать. Вы уже девять часов за рулем.— Он ткнул пальцем в маршрутный лист водителя.

— Да я... Да мне...— попытался добиться своего шофер.— Я совсем не устал.

— Вы что, Афанасьич, первый год на АЯМе? — осуждающе покачал головой диспетчер.— Нет. В гостиницу! Ах да, вы чульманский. Домой, домой! Без разговоров!

В смену разрешается шоферу быть за баранкой не более одиннадцати часов. Петру Афанасьевичу Полоненко предстоял перегон до Алдана. Это двести тридцать километров, пять часов езды. Получилось бы тринадцать, а не одиннадцать. Диспетчер и оставил его отдыхать, не выпустил на трассу. Когда недовольный шофер скрылся за дверью, диспетчер сказал мне:

— Я понимаю, Афанасьичу дорог каждый час, каждый тонно-километр. Но порядок есть порядок. Никому не делается исключений. Даже ему,— кивнул на дверь,— Петру Афанасьевичу Полоненко, опытнейшему шоферу, передовику, нашему первому миллионеру.

— Миллионеру? — переспросила я.

— Да. За год он выполняет перевозки на миллион тонно-километров,— пояснил мне диспетчер.

Эти миллионы тонно-километров вносят существенную лепту в полтора миллиона рублей прибыли, которые ежегодно дает АЯМтранс государству. Первым добился миллионного рубежа в 1972 году экипаж Полоненко — Барикова. В 1973 году три экипажа стали миллионерами. В 1974 году — пять, в 1975-м — девятнадцать, в 1976-м — тридцать пять экипажей.

Не хотелось уезжать, не посмотрев аямовской гостиницы.

Приезжих встречают тишина, покой, домашний уют и чистота. В прихожей в углу выстроились в несколько рядов одинаковые мягкие шлепанцы. Шоферы у входа переобуваются в войлочные тапки, идут в раздевалку, в душевую. Одевшись в свежие пижамы, расходятся по спальням или в холлы — играть в шахматы, шашки, слушать радио, читать газеты, журналы, книги. В спальнях стоят широкие, полутораспальные, деревянные кровати. Отдыхать так уж отдыхать!

— Раньше были печи в шоферских, теснота, неуютность,—рассказывала домовитая дежурная.— Автомобильная грязь, бензиновые запахи всегда считались неизбежными. Нынче гостиница для шоферов — превосходный отель.

Внизу столовая. Работает круглые сутки. В любой час, хоть среди ночи, шофер может вкусно поесть.

Рядом клуб, где шоферы на отдыхе смотрят кинофильмы, занимаются в кружках художественной самодеятельности.

Невдалеке автобаза, имеющая теплые гаражи, ремонтные мастерские, в которых механизированы трудоемкие процессы. Работают автоматические мойки, есть воздухообогрев автомобилей, налажена радио-и телевизионная связь, действуют медпункт, душевые и гардеробные.

Такие автобазы и пункты отдыха созданы в Алдане, Чульмане, Нагорном, Тынде и Невере.

Расхаживая из цеха в цех по Чульманской автобазе АЯМтранса, я наткнулась во дворе на группу шоферов, толковавших, чувствовалось, о серьезном. Подошла, прислушалась. Говорили по очереди все, молчал лишь один, русоголовый, высокий.

— Кто это? — шепотом спросила у стоявшего рядом шофера.

— Марк Израилевич Зинштейн,— с уважением ответил тот.

Начальник АЯМтранса приехал из Алдана, где находится его управление. Шоферы были недовольны: расценки занижены, заработки упали.

Зинштейн выслушал каждого, а потом спокойно сказал:

— Сейчас все проверим. Кто со мной?

Вместе с одним из шоферов он направился в диспетчерскую, оттуда к «КрАЗу». Сел за руль. Я попросилась третьей в кабину.

— Хронометрируйте,— мягко сказал шоферу Зинштейн, положил ему на колени блокнот, карандаш и дал газ.

Всю дорогу до карьера мы ехали молча. Я не сводила глаз с рук начальника АЯМтранса, уверенно державших громадную баранку. Было приятно смотреть, как грузовая машина покорно слушается водителя, будто крутит этот человек баранку изо дня в день.

После рейса Зинштейн объяснил шоферам, где они теряют время.

— Все верно, мужики,— заключил один из шоферов.— Извините за беспокойство,— сказал он начальнику АЯМтранса.

— Пустяки,— ответил тот.— Установили истину — и хорошо.

Шоферы разошлись.

В гостинице, распивая чай в уютной кухоньке, мы проговорили с Зинштейном до глубокой ночи. Он мне рассказывал о шоферах, их нелегком труде, чувстве товарищества (если на трассе увидит, что стоит машина — поломка или горючее кончилось,— ни за что не проскочит мимо, остановится, поможет, даже когда свой план «горит»). Называл лучших: Юрия Поликарпова, Владимира Пастухова, Василия Тюрина, Леонида Селенчука, Владимира Шедко, Юрия Мяо-Цинлина... Их было много, характеризовал каждого.

— Словом, у нас очень много прекрасных тружеников,— заключил Марк Израилевич.— Трудно и выделить кого-то.

— Но есть и плохие? — спросила я.

— Пожалуй, их нет,— подумав, возразил он.— Лодыри и хапуги у нас не держатся. Трудности и коллектив выводят их быстро на чистую воду.

— А как же сегодняшняя история с заниженными расценками? — осторожно спросила я.

— А что? Все нормально,— спокойно ответил Зинштейн.— Бывает, что наши экономисты ошибаются. Шоферы не держат камня за пазухой — говорят об этом прямо. Проверяем, исправляем. В данном случае ошиблись они.

Еще долго рассказывал Зинштейн о шоферах. О Халивариных, отце и сыне, двух миллионерах. О лауреате премии Ленинского комсомола Сафьяне Гайнутдинове, Геннадии Кашине и ветеранах Борисе Касько, Борисе Гаранине, Владимире Заозерном, поставивших всесоюзные рекорды. О Степане Ивановиче Пономаренко, который пришел на автобазу шестнадцатилетним подростком, семь лет работал автослесарем, руководил бригадой, участком, стал шофером, и вот уже шестнадцать лет он один из лучших водителей, кавалер орденов Октябрьской Революции и Трудовой Славы III степени. Только о себе Марк Израилевич никак не хотел говорить. Все о других. Лишь постепенно, во время многих наших встреч в эту и следующую мою поездку по Якутии, удалось узнать о его жизни. Родился он в Одесской области. Вырос в Евпатории. Во время войны их семья эвакуировалась в Куйбышев. Там он с четырнадцати лет работал токарем на оборонном заводе. После войны, двадцатилетним, уехал в Магадан. Добровольно отправился в суровый край. Хотел испытать себя вдали от дома, узнать, на что способен. Для матери нашел объяснение: Борис (брат) женился, трудно будет жить вчетвером, потом впятером в одной комнатенке барака.

Привыкал к морозам, к бессонным ночам, дальним рейсам. Одолевал шоферское дело, много месяцев проездив рядом с водителем, изредка заменяя его.

С благодарностью вспоминает Марк Израилевич своих магаданских учителей, товарищей по работе: А. И. Геренштейна, сорок три года руководившего авто-

трансом Дальстроя, Л. А. Малинина, С. М. Шепелева, С. С. Толкачева, И. А. Рыхлицкого. Это они отработали превосходную транспортную схему, внедренную позднее на АЯМе. Это их начинание развил Зинштейн, возглавив в 1968 году АЯМтранс. У них учился ценить человека, находить и растить в нем начала добра, трудолюбия, самоотверженности, уверенности в себе, в важности дела, которым занимаешься. У них он учился не выделять себя, став начальником.

3

Проведя несколько дней в Чульмане, я отправилась на БАМ, в Золотинку. Пять часов тряслась на попутном грузовике по АЯМу. В связи со стройкой в десятки раз увеличился объем перевозок. Идут и идут большегрузы с прицепами, цистернами, трайлерами. Везут горючее, железобетонные конструкции, бульдозеры, подъемные краны, экскаваторы, разные товары в контейнерах, бочках и ящиках.

Золотинка открылась неожиданно после очередного подъема. Старая Золотинка. По обе стороны шоссе обычные деревенские избы и длинные деревянные дома на сваях. В избах живут местные — эвенки — оленеводы, потомки старателей, которые назвали поселок и речку Золотинкой: мыли в ней когда-то золотоносный песок. В длинных домах — геологи, изыскатели. Строители БАМа обосновались за четыре километра отсюда, за рекой и высоким увалом,— в Золотинке Новой.

Она расположилась на взгорке. Ярко окрашенные — желтые, зеленые, белые — деревянные дома выстроились ровными рядами — широкими улицами. Чистая, по-праздничному сияющая новорожденная Золотинка. Магазины (продовольственный, промтоварный, книжный и культтоваров), столовая, средняя школа, детский сад, клуб, фельдшерский пункт, конторы, отделение милиции. Шестнадцатиквартирные жилые дома, некоторые из них превращены пока в общежития. Просторные, светлые комнаты, пластик, веселые обои, центральное отопление. Все это никак не вязалось с представлением о палаточно-неустроенном быте энтузиастов-первопроходцев. Даже синие вагончики, которые

первыми появились в Новой Золотинке, оборудованы с заботой о людях.

В Новой Золотинке расположились несколько подразделений, строящих БАМ, поэтому техники сконцентрировано много: грузовики, самосвалы, лесовозы, подъемные краны, грейферы, канавокопатели, бульдозеры, в том числе японские «Камацу», экскаваторы советские, японские «Като», американские «Катерпиллеры». Отсюда строители, вооруженные этой современной техникой, ведут наступление на вечную мерзлоту. Там, где пройдет линия Малого БАМа Тында — Беркакит, рубят просеки, ведут отсыпку железнодорожного полотна, строят мосты, прокладывают тоннели и водопропускные пути. А потом уложат рельсы. И тогда поезда начнут вывозить из Нерюнгри уголь, золото, слюду Алдана. А когда-нибудь повезут по Малому БАМу в Большой еще и чугун, сталь, цветные металлы, апатиты, минеральные удобрения.

В июле 1976 года Новая Золотинка стала многолюдным поселком. А всего год и три месяца назад тут была нехоженая мерзлотная тайга. Ни единого домика. Ни единого человека. Только по АЯМу, чуть выше, проносились грузовики. Никто и не думал здесь останавливаться, никто и не знал, что возникнет тут красивый поселок работящих строителей Малого БАМа.

Основали Новую Золотинку сто шестнадцать добровольцев 1-го Белорусского ударного комсомольско-молодежного отряда имени Николая Кедышко.

Один из них, бригадир плотников Василий Журавский, белоголовый, с румянцем во всю щеку, спокойный, внешне даже медлительный, рассказывал, как начинался 1-й Белорусский, как создавались Новая Золотинка и СМП-578.

Двадцать седьмого марта 1975 года устроили им в ЦК комсомола Белоруссии торжественные проводы. Напутственное слово сказала мать Героя Советского Союза Николая Кедышко, имя которого было присвоено 1-му Белорусскому ударному комсомольско-молодежному отряду строителей Байкало-Амурской магистрали.

Вера Павловна Кедышко говорила взволнованно:

— Дети мои дорогие, сыны и дочери! Позвала вас страна — надо ехать, надо строить, надо идти вперед! Над вами сегодня не свищут пули, не летают самолеты с черными крестами на крыльях, сегодня ваш фронт

там, на далекой магистрали в Сибири. Вам будет нелегко, как некогда пришлось моему сыну и его друзьям в страшные годы войны. Но они сражались до последней пули и до последнего вздоха, их даже мертвых боялись фашисты.

Не бойтесь преград, смело идите вперед, и вы победите: через тайгу, горы и реки пройдет дорога. Она будет вечным памятником вашему героизму и мужеству. Работайте за себя и за моего сына Николая. Любите жизнь, любите песни, как любил их сын; будьте веселыми, добрыми, сильными. Ждем вас с победой домой!

Родного сына Вера Павловна не дождалась. Руководитель партизанской группы «Андрюша» «Кеда» был выслежен, схвачен фашистами. Погиб под пытками — не согнулся.

Белорусские комсомольцы середины семидесятых годов ехали в Сибирь на стройку в купейных вагонах фирменного поезда «Россия». Проводили политинформации, шахматные и шашечные матчи, конкурсы художественной самодеятельности, выпускали «боевые листки», просто пели песни, читали книги, рассказывали друг другу разные истории. Интересно, весело было в пути им, молодым, восемнадцати — двадцатипятилетним.

Они заполняли анкеты. На вопрос: «Почему решил поехать на БАМ?» — отвечали: «Хочу испытать себя и увидеть свет». «Мне не пришлось служить в армии. БАМ — это моя армия». «Надо проверить себя в настоящем деле». «В жизни каждого человека должно быть что-то важное. Для меня самое важное — БАМ». «Поработать раз в жизни на комсомольской стройке». «Посмотреть Сибирь и пройти школу мужества». «Хочется по-настоящему узнать, что такое работа, узнать новое. И продолжить героический путь Николая Кедышко, который учился в нашем, 24-м училище». «Хочу вложить частицу своего труда в великую стройку, беря пример с комсомольцев двадцатых годов, которые строили узкоколейку». «Решение приняла в результате своего какого-то особого душевного подъема». «В жизни каждому надо что-то построить. Я решил строить дорогу, самую железную!» «Желание поехать на БАМ было еще два года назад, но нельзя было достать комсомольскую путевку. Хочу испытать себя. Романтику и деньги во внимание не беру».

Одни философствовали о своем месте в жизни. Другим хотелось быть не хуже отцов и дедов, которые их воспитали. Третьи сгорали от нетерпения увидеть новое. Рассуждали возвышенно, буднично, застенчиво, откровенно. Все понимали, что едут выполнять необычное, большое, важное дело. В душе каждого звучало напутствие матери комсомольца Героя Советского Союза Николая Кедышко.

Они ехали испытывать себя и пытались представить морозы за шестьдесят. Там, говорят, не выдерживает сталь — ломается инструмент. А им надо выдюжить. Хлеб, говорят, замерзает так, что не разрежешь — рубят его топором. В палатках придется жить. Вот тут-то и будет испытываться их мужество.

В «боевых листках» они так и рисовали свою будущую жизнь в якутской тайге: деревья, палатки, бульдозер, парень с ведрами идет к костру. И стихи сочиняли в дороге. У ребят была острая потребность выразить свои чувства. Чувства общие. Стихи распевали хором.

Вот отрядная песня Гомельской области (текст написал Владимир Василенко):

Пусть будет путь наш труден,
Устанем от работы,
Но мы просить не будем
Поблажек у судьбы.
Не ради громкой славы
Сегодня мы на БАМе.
Мы для того, чтоб в сопках
Здесь зацвели сады.

Григорий Черкашин из Бреста писал в последний день пути:

Все ближе конец дороги.
Над сопками сизый туман.
Одевшись в еловые тоги,
Сияют вершины нам.

Дорога их кончилась на шестой день, в Сковородине. Пересели в автобусы. Покатили на север, туда, где предстояло жить и строить. Вот она какая, Сибирь! Безлюдье, простор, гольцы, жиденький мерзлотный лес, снега́ по грудь — в начале апреля, когда в Белоруссии уже лопались почки. Смеркалось. Показались огни. Кто-то сказал: «Наша Золотинка». Но проехали мимо. Остановились чуть дальше — за горой и рекой. Навстре-

чу в красивых национальных костюмах вышли эвенки, коренные жители этих мест. Всей Старой Золотинкой вышли. Впереди с хлебом-солью женщина — председатель поссовета Анна Павловна Герасимова. Задушевными словами приветствовала она белорусских ребят. Одна мать провожала в родном краю, другая встречала ласково на земле, которая будет им второй родиной.

Хозяева-эвенки приготовили гостям жаркую баню, плотный ужин с пышным горячим хлебом. После этого повезли их обратно. К промелькнувшим огням. Оказалось, что горел свет в приготовленном для белорусов жилье — в двадцати пяти синих вагончиках. В каждом печь жарко натоплена. В два яруса шесть кроватей. Белоснежные постели. Даже неудобно было сесть, хоть и дрожали ноги от волнения и усталости.

За две недели до приезда белорусских комсомольцев сюда высадился десант будущего СМП-578: главный инженер Ильяш, парторг Капелько, прораб Малинников, бригада плотников во главе с Кударем. Они-то и привезли, оборудовали вагончики для первых бамовцев будущей Золотинки.

Со следующего дня — с третьего апреля 1975 года началась трудовая жизнь белорусских комсомольцев-бамовцев, история СМП-578, Новой Золотинки.

Получили инструмент, спецодежду. Разбились на бригады. Стали поступать щиты сборных деревянных домов, складов, хранилищ. Готовили фундаменты под них. Расчищали площадку от снега, а он опять сыпал и сыпал. Делая разбивку под здание, вбивали не колышки, как в Белоруссии, а гвозди, только они, и то ломаясь, входили в мерзлую землю. Подолгу возились с ямами для свай. Сначала ломом долбили лунку глубиной 5—10 сантиметров. В ней разводили огонь, накрывали стекловатой и круглосуточно несли посменную вахту у этих накрытых костров. Оттаявший грунт выкапывали, разводили новый огонь. По два-три часа дежурили на площадке ночью. Сто двадцать свай вбивали в метровые ямы, чтобы построить шестнадцатиквартирный щитовой дом.

В щитах поначалу путались. Соберут блок — получается ерунда, разбирают. И все снова. А приходилось спешить: приезжал новый народ, надо было их расселять. Работали по полторы-две смены. До полного изне-

можения. Но не жаловались. Не стонали. Не бежали домой от трудностей.

Василию Журавскому сначала тоже было трудно. Но он с детства привык не показывать виду, когда ему невмоготу. Родился в белорусской колхозной семье через шесть лет после войны. С малолетства помогал на ферме матери-доярке, отцу-конюху, который много рассказывал сыну о фронтовой жизни. Рано познал он нелегкий труд. Четверо детей было в семье Журавских. После восьмого класса Вася уехал в Мозырь, поступил в политехникум, на факультет промышленно-гражданского строительства. Окончил его в 1971 году, получив профессию техника-строителя. Два года служил в армии танкистом. Уже там понял, как необходимы в коллективе спайка, взаимовыручка. После армии работал на Всесоюзной комсомольской ударной стройке — на строительстве Мозырского нефтеперерабатывающего завода — сперва арматурщиком, потом мастером. Малый БАМ — его вторая стройка.

Из двенадцати бригад СМП-578 бригада Журавского очень скоро стала одной из передовых. Вместе с бригадиром Павлом Глухоторенко Журавский бросил клич среди строителей Малого БАМа начать соревнование бригад за право положить «золотое звено» — первые рельсы — на якутской земле.

Меж тем Новая Золотинка все разрасталась. Токари, слесари, электрики, механизаторы, полеводы, приезжая из Белоруссии или с Урала по комсомольским путевкам или по оргнабору, на второй же день включались в работу, постепенно овладевали новыми для них строительными профессиями, да еще в мерзлотных условиях, привыкали к трудностям, к темпу. Быстрее и прочнее возводились здания. И комплекты сборно-щитовых домов пошли новой серии, более совершенной, чем первая. На голом месте за год вырос прекрасный поселок для строителей БАМа.

4

В Новой Золотинке обосновались строительно-монтажный поезд № 578 БАМстройпути Министерства транспортного строительства СССР, две механизированные колоны — № 157 и № 158 — Минтяжстроя

СССР, тоннельный отряд № 16, взрывное управление № 161 и мостоотряд. Участок трассы будущей железной дороги у всех один. Протяженностью в шестьдесят пять километров. Но задачи разные. Строительно-монтажный поезд прорубал тогда просеки, мехколонны проводили на них отсыпку железнодорожного полотна, у тоннельщиков, взрывников, мостовиков была своя работа.

Чуть свет я поехала на просеку с бригадой лесорубов Александра Диденко. Добираться пришлось недолго. Трасса пройдет в трех-четырех километрах от нынешней временной Золотинки. Гравийная подъездная дорога скоро оборвалась. Мы спрыгнули на траву и стали продираться сквозь густой кедровый стланик. Выбрались на просеку — просторный ровный коридор в тайге шириной в сорок метров. Это ребята бригады Александра Диденко день за днем, месяц за месяцем летом, осенью, зимой, весной снимают и снимают ствол за стволом лиственницы и редкие сосны, вскарабкиваясь вслед за деревьями на вершины сопок, спускаясь в пади, чавкая сапогами в марях, по четким ориентирам, оставленным изыскателями.

Разбрелись лесорубы по звеньям с интервалом в двести пятьдесят — триста метров. И застрекотали в тайге бензопилы, взвились их сизые дымки.

Михаил Михайлов приладил пилу к стволу лиственницы пониже, у самой травы, зажужжал мотор — вре́зались зубья в кору, пошли отделять сантиметр за сантиметром комель от корня, вот-вот рухнет дерево.

Ловко расправляются Михаил и Николай с лиственницами. Валят и валят одну за другой. Словно выросли парни в белорусском лесу и от отцов переняли лесорубное дело.

Однако это не так. Экскаваторщиком был Михаил. Столяром — Николай.

Несколько дней назад лесорубы, кончив смену, бросили прямо на просеке срубленные деревья, потому что шли они тогда по болотистым местам. Мехколонна насыплет там высокое земляное полотно. Поваленные стволы только укрепят основание.

А сегодня, на возвышенности, пришлось растаскивать по обочинам поваленные деревья. Умаялись ребята. Обычно на лесоразработках вальщиков жалеют, облегчают их труд: трелевочные тракторы оттаскивают к

лесовозам хлысты. А здесь жалеют вечную мерзлоту. Чтоб ее не обнажить для тепла и солнца, не содрать мох, брусничник, траву, никакую технику категорически не подпускают к просеке. Только тогда будет прочной железнодорожная насыпь.

Сложно белорусским парням рубить просеку в непривычно капризной, суровой якутской тайге. Техника им не поможет. От крутых морозов зимой никуда не укроешься. От духоты, зноя, комарья и дурмана багульника летом тоже нет никакого спасения. Осенью одолевают дожди и распутица. Но бригада Александра Диденко работает всегда без сбоев, по-ударному. Парни выполняют и перевыполняют план за себя и за якута-фронтовика Федора Попова, который погиб, защищая землю гомельскую. А плотники бригады Павла Глухоторенко вписали в число своих рабочих Героя Советского Союза Николая Кедышко. Сообщили об этом матери героя и получили ответ от Веры Павловны.

«Спасибо вам! От всего сердца спасибо! Спасибо за ваш труд, за то, что работаете за моего сына Николая. Я счастлива, что он живет в ваших сердцах и тоже участвует в строительстве БАМа».

Напряженно работает бригада. Иначе нельзя, надо ставить новые дома, детский сад, расширять школу. Женится молодежь. Квартиры нужны. Прибывает новый народ с запада. С семьями. Основательно оседают. Ведь строительство Байкало-Амурской магистрали рассчитано до 1983 года. К 1978 году закончат земляные работы на Малом БАМе — перекочуют на участок Большого. В срок должен пойти первый поезд из Беркакита на Тынду, на БАМ, к Транссибирской магистрали, поэтому не могут кедышковцы задерживать другие строительные подразделения.

Вслед за лесорубами СМП-578 идут по просеке механизированные колонны. Идут уже с техникой. Тяжелой. Мощной. Но осторожно действуют, осмотрительно и с уважением к вечной мерзлоте. Самосвалы подъезжают к просеке, скидывают грунт прямо на торфяной, моховой или травяной покров. Насыпают высокую гору — дамбу. Осторожно разгребают грунт бульдозером — так, чтобы траки его не касались естественного покрова просеки. На этот готовый участок насыпи въез-

жают потом самосвалы и сваливают землю туда, где насыпь пока обрывается.

Вон работают шесть бульдозеров передовой бригады Григория Калиновича Ткаченко. Он наставник молодежи. И для сына, члена его бригады, тоже наставник. Внимательный к товарищам, к молодежи, Григорий Калинович беспощаден к тем, кто позорит звание рабочего. Калиныч, как зовут его все,— совесть мехколонны-157. Член товарищеского суда, Ткаченко суров бывает с теми, кто напьется, купив водки с проходящего грузовика (в Золотинке «сухой закон»), крут с рвачами, которые за глотку берут мастера: «Припиши к наряду, не то уйду». «Пусть уходит!» — клеймит такого на суде Калиныч, и зал сплоченно поддерживает: «Вон его с БАМа!»

Разные люди приезжают на БАМ. Но от лучших из них зависит психологический, нравственный климат. Их голос — самый весомый в коллективе стройки.

У тоннельщиков в июльские дни семьдесят шестого года было тревожно и радостно. На северном портале готовились к большому событию.

Тоннель длиной в тысячу двести тридцать девять метров пробивают тут сквозь Становой хребет. Это небольшой тоннель. Байкальский на БАМе будет длиннее в 6 раз. Северо-Муйский — в 12. Самый большой в мире Симплонский (Италия — Швейцария) — девятнадцать километров восемьсот метров. Но Нагорнинский — первый, прокладываемый в зоне вечной мерзлоты. Мерзлота требует от тоннельщиков больших усилий, внимания и осмотрительности на каждом шагу.

Медленно продвигались строители — в среднем по четыре метра в сутки. Проходку вели вручную.

Довелось мне присутствовать при испытании уникальной самоходной буровой установки японского производства. Ее собрали в рекордно короткий срок — за шесть дней вместо положенных пятнадцати. В сборке участвовали японские и советские специалисты. Установка — оранжевая махина весом восемьдесят две тонны, высотой около семи метров. Возле нее не смолкают вопросы, объяснения на двух языках.

Проверка, консультации возле буровой рамы, применяемой у нас впервые, продолжались уже несколько дней. А в это время у входа в тоннель взрывники убрали скальные породы нижней половины профиля. Плот-

ники-бетонщики забетонировали входной проем. Другие рабочие возводили подъезд к тоннелю для буровой установки.

И настал долгожданный день. Машинист нажал на рычаги гидрораспределителя,— шесть буров-перфораторов бешено завертелись. Началась проходка тоннеля сразу всего сечения и с удвоенной скоростью.

На северном портале праздник.

А на южном у тоннельщиков случилось ЧП: появилась вода, проходка застопорилась.

Вызвали «скорую помощь» из Института мерзлотоведения. По гидрографическим картам воды здесь быть не могло, но она вытекала из тоннеля. Мерзлотоведу Шепелеву даже на расстоянии стало ясно: строители попали в массив льда, растопили его механическим вмешательством, солнечным теплом, которое впустили сюда. Обнаружилась ошибка изыскателей. Но нельзя их особенно винить в этом. В мерзлотной зоне, чтобы брать грунт на пробу, надо бурить через каждые сто — двести метров не по оси будущего тоннеля, а отступив от нее на пятьдесят метров, иначе можно расшатать грунт, разжижая буром вкрапления льда еще до строительства тоннеля, что осложнит и удорожит стройку. Действовали здесь изыскатели строго по инструкции. Подобрали приемлемую линию для строительства тоннеля — сквозь коренные скальные породы, как они были уверены. Проектировщики сделали расчеты. Строители приступили к делу. На северном портале все шло нормально. А на южном машины, увы, врезались в лед. Оказалось, в этом месте проходил тектонический разлом — выход для подпочвенных вод, навечно превращенных морозом в лед-цемент. Человек, машина потревожили лед — потекла вода.

Мерзлотоведы разобрались досконально в ситуации. Теперь надо было решить, как поступать дальше.

Вот она, вечная мерзлота. Сильная. Властная. Скрытная. Молчаливая до поры. Поди знай, какой сюрприз преподнесет она тебе, человек, возвысившийся над природой благодаря науке и знанию, но нетерпеливый, темпераментный, рвущийся вперед. Человек нашего бурного времени.

К мерзлоте на строительстве БАМа разный подход. В Якутии оберегают ее от прогревания. А на восточном участке бамовской стройки, где мерзлота не сплошная,

где она залегает в породах вкраплениями, островами, надо, наоборот, снимать наземный покров, оставлять на год-два под солнцем, пока оно не вытопит лед, пока не осядет грунт. Потом уже можно вести насыпку, класть железнодорожное полотно.

...Кусок вечной мерзлоты достали буровики из чрева земли, с пятисотметровой глубины. Я взяла его в руки. Обжигает холодом. Красивая глыба, словно уральский самоцвет. Черный твердый суглинок весь расштрихован, пронизан мелкими прожилками и сплошными толстыми полосами льда, который блестит на солнце, сверкает радужными бликами.

Руку мою свело судорогой от холода, с ладони закапало. Скоро «самоцвет» превратился в черную кашицу — расползся вширь, стекая вниз.

Мерзлоту, изъятую из толщи земли, растопило всемогущее солнце.

Однако мерзлота отнюдь не всегда сдается безропотно. Я видела, как она мстит тем, кто не принимает ее в расчет по незнанию. Когда-то дорожники решили поставить себе избу на холме. Вырубили лиственницы, тощий, но все же строительный материал; содрали бульдозером мох, чтобы забивать им пазы между бревнами. Обнажили грунт, открыли мерзлоту солнечному теплу, ветрам, утюжили колесами, гусеницами, топтали ногами. И потекла мерзлота. Лед таял и таял, разжижалась почва, поползла по склонам, уволакивая вниз кусты и деревья — корни их уже не удерживали. Покосилась изба, а потом свалилась набок.

Течение почвы — главная опасность для тех, кто пионерами идут в зону вечной мерзлоты, для строителей БАМа в том числе.

5

Не без труда удалось мне найти мерзлотную станцию. Добралась туда от Старой Золотинки на машине, а потом пешком.

Но на станции был только один рабочий — семнадцатилетний Афанасий. Окончив в прошлом году школу, он не прошел по конкурсу в университет. Здесь, в Институте мерзлотоведения, парень зарабатывал себе производственный стаж. Сейчас не пошел вместе со все-

ми в новый поселок на концерт самодеятельности. Было его дежурство. Выяснилось, что заведующая станцией Мария Кузьминична Гаврилова улетела в Москву, на XXIII Международный географический конгресс. Пришлось довольствоваться рассказами Афанасия. Но он оказался человеком толковым. Показал приборы — альбедометры, балансомеры, актинометры, почвенные термометры. Объяснил, как они работают, что замеряют, подвел итог:

— Мы изучаем, сколько приходит солнечного тепла в верхний слой грунта, сколько его расходуется на испарение влаги, на согревание почвы.

Стационар имеет в окрестностях Золотинки двенадцать контрольных площадок для наблюдения за мерзлотой в различных условиях. Одна площадка — антропогенная, где среда нарушена человеком: вырублен лес, снят надпочвенный покров. Зимние и летние наблюдения на этой площадке показали, что оголенная человеком порода промерзает в 2 раза быстрее, чем нетронутая. Летом — протаивает больше. Значит, вмешательство человека в природное равновесие на севере Якутии, где зима холоднее и продолжительнее, увеличивает уровень мерзлоты, а на юге, где лето дольше и жарче, постепенно истончает мерзлоту, к тому же менее мощную.

С Марией Кузьминичной Гавриловой я познакомилась много дней спустя, после ее возвращения из Москвы. Средних лет, среднего роста, моложавая смуглая якутка, сдержанная, но в то же время приветливая, улыбчиво смотрела мне в глаза, и я чувствовала, что ее можно спросить обо всем. Откровенный она человек, хотя, наверное, и не распахнута ее душа каждому встречному.

Я начала расспрашивать Марию Кузьминичну о только что прошедшем XXIII Международном географическом конгрессе. Довелось ли ей выступить на нем?

— Да, выступала,— просто ответила она.— Вот тут изложены мои тезисы,— подала мне книжку в бирюзовом глянцевом переплете. Я нашла по оглавлению: «М. Гаврилова (СССР). Тепловой режим ландшафтов Якутии».

Выступала Мария Кузьминична всего десять минут — таков был регламент для каждого. Но десять

минут перед крупнейшими учеными-географами мира.

На каждом Международном географическом конгрессе выступала Мария Кузьминична с докладами, начиная с XX, состоявшегося в Лондоне в 1964 году. И на международных научных форумах в Якутске делала доклады. Каждый раз сжато и четко сообщала она о результатах своих трех-четырехлетних наблюдений, которые вела с сотрудниками то в Центральной Якутии, близ озера Тюнгюлю, то на ледниках Верхоянья, то на Большой наледи Улахан-Тарын, то в Чарской котловине, то там, где тянули газопровод, то в Иркутской области, то в Монголии.

Теперь вот Мария Кузьминична руководит мерзлотным стационаром на БАМе, в Золотинке.

Мерзлотоведы создают микроклиматические станции всюду: на открытых, сухих площадках, в тайге, на ледниках, наледях, таликах, на плато и равнинах, в гольцах, на склонах гор разных экспозиций, в распадках. В течение сезона или нескольких лет день за днем они ведут тщательные наблюдения, снимая показатели разных приборов, анализируя данные. Результатом являются статьи в специальной периодике, научные диссертации, монографии, доклады на внутрисоюзных и международных конгрессах и конференциях.

У Марии Кузьминичны несколько десятков печатных работ. Ее кандидатская диссертация «Радиационный климат Арктики» издана не только у нас, но и в США. Ее доклад «Радиационный и тепловой балансы и термический режим наледей», прочитанный на симпозиуме, посвященном роли снега и льда в гидрологии, который состоялся сразу после XXII Международного географического конгресса, был целиком опубликован в Канаде. Мария Кузьминична Гаврилова является одним из авторов книги «Геокриологические условия Монгольской Народной Республики».

Выступать в печати с научными работами Гаврилова начала еще со студенческих лет. Ее курсовая за третий курс была помещена в «Вестнике МГУ» и решила научное будущее Маши.

Не сразу нашла себя Мария Гаврилова. В школе предпочитала физику и математику другим предметам. Получив аттестат, поступила на физико-математиче-

ский факультет Якутского пединститута. Со второго курса пришлось ей уйти на работу: матери было тяжело. Отца Маша лишилась рано, когда пошла в первый класс. Зарплата у матери, медсестры, была низкая. Но Мария Федоровна не собиралась менять работу. Гордилась своей профессией, доставшейся ей, малограмотной, нелегко. Медицинской сестрой Мария Федоровна стала одной из первых среди якуток сразу после Октября. А до революции жилось ей скверно. Родилась в семье престарелых родителей, которые вынуждены были отдать ее на воспитание старшему сыну. Тот проиграл шестнадцатилетнюю воспитанницу-сестру в карты богатею, женившему на ней своего сына. Бесприданницу Машу попрекали, угнетали в чужом доме. Революция все изменила. Мария ушла из ненавистной семьи. Беляки, поднявшие мятеж, избили ее батогами. Она молча снесла побои, уверенная, что вернется в Якутию власть Советов. И не ошиблась. Нашла себе дело по сердцу. Потом встретила доброго друга — Кузьму Осиповича Гаврилова, батрацкого сына. Да недолго пришлось с ним прожить — девять лет. Трудно потом было Марии Федоровне одной растить дочь. Да еще взяла на воспитание троюродного племянника, круглого сироту. Маша-младшая поступила работать в радиокомитет. Выбрали ее комсомольским секретарем. В горкоме ВЛКСМ Маша познакомилась с Лидой Зуевой, комсоргом гидрометеослужбы. От нее впервые услышала много нового о метеорологии. Заинтересовалась. Перечитала в библиотеке литературу о климате. Решила поступать на географический факультет МГУ, на кафедру климатологии.

Накопила денег на дорогу. Отправилась в Москву. Поступила. Училась увлеченно. Жила на стипендию. На каникулы ездить домой не могла — не по карману было. Занималась в читальне, собирала материал в архивах. После третьего курса Маша проходила практикум в Главной геофизической обсерватории в Ленинграде, которая стала тогда центром зародившегося теплобалансового направления в теоретической географии. Отчет о практикуме получился у Марии Гавриловой обстоятельным, серьезным. Заместитель директора обсерватории профессор Михаил Иванович Будыко, один из основоположников теплобалансового направления, отметил у девушки способности, аналитический склад ума.

— Не забудьте после пятого курса, что у нас есть аспирантура,— сказал Маше Михаил Иванович.— А сейчас, если хотите, примите с нами участие в составлении «Атласа теплового баланса мира».

Маша, смутившись, только кивнула согласно черной коротко стриженной головой. И осталась на лето в обсерватории.

Год от года Маша накапливала материал по климату своей родины. Тему для дипломной работы взяла «Климатическое описание Центральной Якутии». За счет МГУ, впервые за годы студенчества поехала домой, на преддипломную практику. Соскучилась по матери, по родным местам. Дала себе слово, что никогда не покинет Якутию.

Защитила диплом с отличием. Рекомендована была в аспирантуру Главной геофизической обсерватории. Конкурс был двадцать пять человек на место. Оставалась небольшая надежда попасть на заочное отделение. Маша сдала на высший балл. Но не знала, что еще шесть человек набрали такой же балл. И все-таки Марию Гаврилову зачислили в аспирантуру на очное отделение. Решили судьбу публикация в «Вестнике МГУ» (у других претендентов не было печатных работ) и отчет о практикуме, о котором не забыл профессор Будыко, ставший ее руководителем.

Защитив кандидатскую диссертацию, Мария Кузьминична вернулась в Якутию. И с тех пор кропотливо изучает климат родины.

Уезжая из Золотинки, я навестила всех новых знакомых. В последний раз прошлась по поселку с белорусскими названиями улиц: Минская, Брестская, Гомельская, Гродненская, Витебская, Могилевская, имени Николая Кедышко, имени белорусских партизан. Побывала и на трассе.

Много сделано. Но еще немало предстоит строителям Золотинского участка. Просеку дальше рубить, до встречи с соседними строительно-монтажными поездами, что обосновались в Нагорном с одной стороны, в Беркаките — с другой. Становой хребет пробить насквозь тоннелем. Дальше возводить земляное плато, мосты, а мостов будет на шестидесяти пяти километрах этого участка пятьдесят два: через реки, ручьи, наледи, через АЯМ. Где-то вместо мостов проложат водопропускные бетонные трубы. Много работы.

Я шагала в последний день по трассе, и в ушах звучали стихи якутского поэта Леонида Попова:

Рокочут вдалеке
могучие моторы,
строители ведут
стальную колею,
ведут они ее
через леса и горы —
в Якутию мою,
в Якутию мою!
Знакомый шум тайги
я слушаю с рассветом,
и некий новый тон
я в нем распознаю:
спешит великий путь,
спешит зимой и летом
в Якутию мою,
в Якутию мою!
И в полдень, и в ночи —
в любое время года
серебряно звучит
упрямая струна:
сквозь дикий свист пурги,
сквозь грохот ледохода
она уже слышна,
она уже слышна!

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

1977 год. Январь

1

Ух как бьет по глазам свет, отраженный от чистого снега! Щелочками стали мои глаза, напряженными, как у якутов. Это еще свет зимнего солнца не может пробиться сквозь облака, скользит по ним искоса, издалека. Что будет весной, когда он прорвется открытым потоком на рыхлый белый снег?

А мороз, мороз сейчас пробирает до косточек, хотя и закутана я по-полярному: дубленка, унты, песцовая шапка. Двумя пушистыми хвостами шапки прикрываю нос. Иначе дышать просто нельзя: обжигает ледяным воздухом. Температура сегодня минус пятьдесят три.

Казалось, все будут сидеть по домам, греться у печек. Да и можно бы — воскресенье. Ан нет, жизнь на улицах Дирина, центральной усадьбы совхоза имени Эрилика Эристина, течет своим порядком. Девушки спешат на звероферму к смене. Их смех и оживленная болтовня приглушенно доносятся сквозь шерстяные платки, которыми обвязаны лица. Коренастый парень вышел из дома, выпустив через дверь густые клубы теплого воздуха. Выскочил на мороз налегке закаленный спортсмен. Принялся раскалывать топором большие кубы льда, сложенные у порога в аккуратный ледяной забор,— заготовки воды на зиму. Как дрова наколол — куртка на спине покрылась мохнатым инеем. Лицо стало как у деда-мороза: мгновенно закуржавились инеем борода и брови. Гулко ссыпал в два ведра ледяные «чурки» и скорее в дом. Замерз все же, пижон.

А дети не мерзнут. Укутанные во много одежек, обвязанные поверх шалями так, что оставлены только щелки для глаз, они азартно играют в снежки.

Два младшеклассника вышагивают с большущими плоскими папками на длинных ручках-шнурах. Третий ковыляет за ними, кряхтит под тяжелой ношей: тащит на плече зачехленный баян. Они направились на урок в музыкальную школу. Там учителя Евдокия Афанасьевна Новгородова и Герман Николаевич Сотников помогут ребятам расстегнуть, развязать, стянуть шубейки, фуфайки, шапки, платки. Раскутают учеников, разведут по классам, и вот уже пробиваются сквозь тройные рамы то несмелые, то прилежно-настойчивые звуки гамм и этюдов. В совхозе работает филиал Чурапчинской детской музыкальной школы, учатся там сорок ребят.

Потянулись с разных сторон и взрослые. К Дому культуры идут в одиночку, парами, приезжают на грузовиках. На крыльце встречает их молодой режиссер Петр Петрович Моттуев. Вышел навстречу в тулупе внакидку. Прибавили шагу актеры, заспешили на репетицию. Через несколько дней премьера. Дело ответственное. Ведь не драмкружок в совхозе имени Эрилика Эристина — народный театр. Единственный в Якутии самодеятельный сельский коллектив удостоен такого высокого звания.

Из леса вышел трактор «Беларусь» — в прицепе дрова. Тракторист помахал мне рукой, здороваясь, и скоро трактор скрылся за поворотом, умолк вдалеке.

Я шла быстро, чтобы не замерзнуть, шла вдоль домов, стоявших далеко друг от друга. Даже сквозь мех чуяла запах дыма, валившего из каждой трубы. И представляла, какая жара стоит в домах. Вспомнила, что давно не заходила на звероферму, а ведь обещала девчатам побеседовать о литературах народностей Крайнего Севера. Надо было сразу пойти к ним, когда увидела их на улице издали. Час прошел уже. Ничего. Зато, пока добираюсь, освободятся от дел — посидим поговорим. Я прибавила шагу.

Снег веселее заскрипел под унтами. Удивительное дело: ноги совсем не устают от долгой ходьбы, когда ты в унтах, мягких, почти невесомых и на диво теплых. Никакой мороз не может пробраться сквозь оленью шерсть.

У самой фермы встретила охотоведа Ивана Петровича Оконешникова и Ваню, повара зверокухни, единственного парня на ферме. Подумала, что о кормах идет у них речь. Трудно на звероферме с кормами. Точно, Иван Петрович расспрашивал Ваню, из чего он готовил сегодня пищу лисам.

— НЗ не трогал,— отчитывался Ваня.— К счастью, пала лошадь. Ее пустил в ход.

«К счастью»... Для чернобурок — да. А для табунщика, для совхоза? Падеж какой-то части полудиких коней неизбежен: слишком суровы условия Севера. Даже Василий Романович Толстоухов, лучший табунщик, чемпион района, не каждую зиму добивается стопроцентной сохранности своего табуна. В прошлом году процент этот, лучший по району, был 99,2. Павший скот, потроха, испорченная рыба, списанная магазином, столовой,— все идет на корм лисам.

Несмотря на трудности с кормами, звероводы совхоза ежегодно сдают на Иркутскую пушную базу чернобурых шкурок на тысячу рублей больше, чем предусмотрено планом. Еще сдают мех белок, горностая, колонка, ондатры, зайца, которых промышляют восемнадцать охотников совхоза.

Побеседовать о литературе не удалось. Девчата спешили вычистить клетки. Клеток двести, а работали на ферме четверо девушек. Все они выпускницы сельского профтехучилища, звероводческого отделения. Со специальными знаниями, которые третий год проверяются на практике. Руководит работой Иван Петрович Оконешников, их учитель. Он преподавал раньше в их училище.

— У-у! — грозит Ксения пальцем лисе, закрывая клетку.— Попробуй нынче принести опять двух детенышей, я тебе покажу! Чтобы мне было четверо! Слышала? Ну, обещаешь? — уже просит она лису.

Самки дают приплод меньше положенного от недоедания. Девчата решили, что, пока не добьются нормы, не уедут из совхоза, даже если пройдет больше трех лет — срок, на который они присланы по направлению училища. Но похоже — останутся они здесь насовсем: нравится им в Дирине, да и к зверюшкам привязались.

Наутро мороз не ослаб. Диринцы спешили на работу, в школы, в детские сады. Я решила отправиться на молочную ферму «Юбилейная»; туда на лошади ехал

председатель рабочкома Гавриил Дмитриевич Ефимов. Примостилась на узких санках впереди Ефимова, он лихо щелкнул вожжами по мохнатым бокам коренастой лошадки, крикнул:

— Но-о-о!

И забрызгала снежная ископыть мне в лицо. Лошадь мигом вывезла нас из наслега, легко и накатисто понесла через просторный алас. Перед лесом громко заржала — завидела полудиких сородичей. Утопая по брюхо в пышном снегу, четыре мохнатых коня выбивали настойчиво передними копытами лунки. Пробьется к земле — выщиплет сухие прошлогодние травинки и пашет дальше глубокий снег. Слева и справа вдали еще и еще группки коней, с трудом добывающих скудную пищу. Я уже не жалею их из-за того, что снега нынче большие. Знаю, что это для лошадей, наоборот, хорошо: не вымерзла вся трава, как бывает в малоснежные зимы.

И люди рады, что зима нынче снежная: влаги летом будет в достатке. Рады морозу. Парадокс? Нет. Страшно вспомнить эристинцам то проклятое потепление климата, что пришло с Ледовитого океана в начале сороковых годов. Зимы были короткими, малоснежными, гораздо теплее, чем всегда. Летом, длинным и сухим, температура воздуха поднималась под плюс сорок. За год выпадало осадков столько же, сколько в пустыне Сахаре. Мерзлота начала отступать вглубь. Не держала уже прочным заслоном влагу в верхнем слое земли. Почва покрылась трещинами трех-четырехметровой глубины, шириной в конское копыто. Лошади падали от голода и от того, что ломали ноги. Все тысяча двести озер Чурапчинского района высохли.

— Вот здесь,— сказал мне Ефимов, когда мы въехали на лед Большого озера,— мы ходили пешком по дну.

Совхоз имени Эрилика Эристина расположен на высоком месте. Суходольны, маловодны земли его, хотя здесь берут начало Татта, Соло, Кохара, Терэ, Халаны, Мэнгири, Бабага, Хонду. Но ведь только берут начало — истекают отсюда тонкими ручейками. А наполняются, разносят воды свои уже в соседних районах. В сороковом, сорок первом, сорок втором вода совсем ушла от чурапчинцев — и озерная и речная. Засуха привела к неурожаю и массовому падежу скота. Люди начали голодать. Да еще война усугубила беду. Мужчины-ра-

ботники отправились воевать. Коней, мясо, масло надо было посылать на фронт.

Ушла вода. Пришлось и людям уходить из отчих мест. Подались на север — в Булунский, Кобяйский, Жиганский районы. Рыбы там, слышно, тьма. А рабочих рук не хватало. Но в тех местах чурапчинцев не ждали. Жить было негде. Рыли землянки. Инвентаря рыболовного у них не хватало. Нелегко приходилось переселенцам. Через год вернулась вода в Чурапчу — стали возвращаться и люди.

В совхозе имени Эрилика Эристина уже проводится мелиорация. В 1980 году начнется строительство республиканской оросительной системы, чтобы земля, постоянно получая воду, щедро кормила людей. На поля и луга пустят воды Амги и Татты. Эристинцы не будут тогда зависеть от капризов природы. Каждый, вложив в общее дело свой труд, окажется в выигрыше и сам.

...Долго мы ехали до Улахан-Сысыы, фермы «Юбилейная» Хадарского отделения: велики владения совхоза — более тридцати пяти тысяч гектаров.

Улахан-Сысыы — это всего лишь бревенчатый коровник и рядом домик. Ферма стоит среди пастбища, на краю аласа. В домике живут доярки — из наслега сюда часто не находишься. Все восемь доярок оказались в доме, жарко натопленном, чисто прибранном. Ситцевая занавеска отделяет жилую часть дома от «служебной», где на стенах — графики надоя, планы, плакаты, вымпелы, грамоты, дипломы в рамках. Ферма передовая, комсомольско-молодежная. Здесь по два года работают девушки, окончившие среднюю школу со специальностью доярки. Такой порядок установили эристинцы: получила аттестат — два года потрудись в совхозе, а там гляди, оставаться ли, если работа пришлась по душе, или ехать учиться в вуз, в техникум, приобретать иную профессию. Парни до армии трудятся год в совхозе. Молодежь спокойно относится к этому правилу. Старшие так порешили,— значит, правильно, им видней. В якутских наслегах принято считаться с мнением старших. Да молодые и сами понимают, что без их рук пришлось бы туго хозяйству, насчитывающему теперь около пяти тысяч голов крупного рогатого скота и более трех тысяч лошадей. Молодежь помогает совхозу держать первое место по району, республике, даже по России.

У девушек фермы «Юбилейная» знатная наставница — Агафья Тарасовна Кузьмина, доярка с тридцатилетним стажем, кавалер двух орденов, заслуженный работник народного хозяйства ЯАССР. Большая часть грамот и вымпелов, вывешенных на стене, заработаны ею, чемпионкой Якутии по доению.

С доярками «Юбилейной» я познакомилась еще в свой первый приезд в совхоз. Теперь каждый раз, когда у них бываю, мы подолгу беседуем. Девушки любознательны, умеют слушать. Расспрашивают меня о животноводческих комплексах, на которые я насмотрелась на Белгородщине, Тамбовщине, в Подмосковье. С удовольствием рассказываю о племзаводе «Караваево» Костромской области. О светлых и чистых помещениях из железобетонных блоков и стеклоплитки, о полах в коровниках с узкими щелями, в которые смывается из брандспойтов навоз, о дойке коров два раза в день машинами; молоко течет по стеклянным трубам в молочный цех. Корм подают автоматически. И какой корм! Все строго рассчитано: сколько надо дать жиров, белков, углеводов, витаминов, микроэлементов. Размельченный, спрессованный, обезвоженный корм. Зачем оставлять в нем воду, этот лишний груз! Вода идет по трубам. Стандартный корм, стандартных подбирают коров, стандартную получают от них продукцию, заранее запрограммированную. Обслуживают комплекс рабочие нескольких профессий: скотник-фуражир, скотник-кормовик, оператор доения. Машины, автоматика вместо ручного труда, семичасовой рабочий день, два выходных в неделю — словно на фабрике.

— Как это — семичасовой? — не поверила одна из девушек.

— Работают там в две смены,— ответила я.— Коровы у них приучены к кормлению и доению два раза в сутки.

— Кормят два раза? — переспросила Агафья Тарасовна, до сих пор молчавшая.— Коровы голодают. Жалко их. Молока дают мало.

— Не голодают. Корм-то калорийный, витаминный,— пояснила я.— Все рассчитано.

— Ну, если рассчитано...— отозвалась Агафья Тарасовна.

Девушки что-то возбужденно заговорили по-якутски, стали подыматься из-за стола. В наслегах принято го-

ворить на родном языке. Агафья Тарасовна объяснила мне:

— Перерыв кончился. Засиделись.

Я пошла за доярками в коровник. Глаза с трудом привыкали к полутьме после света. Ноги скользили по мокрому бревенчатому полу. А доярки проворно сновали по проходу и в стойлах. Таскали воду — каждая корова выпивала сразу по ведру. Охапками подносили сено. Потом принялись доить. Агафья Тарасовна трудилась вместе с девчатами. Только получалось у нее все гораздо сноровистее. Доила быстрее, подхватывала сразу два ведра с молоком и почти бегом относила их к фляге, выливала, тут же присаживалась к вымени следующей коровы. И приглядывала за молодыми доярками. То одной что-то подскажет, то другую подбодрит: мол, правильно делаешь, то на третью прикрикнет по-матерински, зачем поднимает два ведра с водой, и та покорно поставит одно ведро. Оберегает молодых Агафья Тарасовна, чтобы не надорвались. Девчата стараются, даже голосов их не слышно — ушли в работу. Глядела я на них и вдруг подумала: зачем я расхваливала им все эти механизированные комплексы? Получилось нехорошо. Знаю же, что непомерно дорого обходится пока строительство железобетонного механизированного животноводческого комплекса на вечной мерзлоте. Был опыт, построили один под Якутском, экспериментальный,— место для каждой коровы стоило восемь тысяч рублей! Строительная индустрия Якутии пока не в состоянии обеспечить даже первоочередные потребности бурно развивающихся молодых отраслей промышленности и строительство железной дороги. Эристинцам приходится фермы держать среди пастбища, там нет электричества, бревенчатый коровник стоит на мерзлоте лишь пять-шесть лет, а потом нужно строить новый. Руганула себя, подошла к Агафье Тарасовне, заглянула в глаза: мол, простите, не подумала.

Наставница сказала:

— Девочки мои молодцы. Любят работу.

Я давно заметила это. Как все северяне, жители сурового мерзлотного края, якуты привыкли спокойно и стойко одолевать постоянные трудности, принимая их как необходимость. Никому и в голову не придет ныть и жаловаться. Зато умеют якуты радоваться достижениям, наполняются сразу их сердца теплотой. Радуют-

ся эристинцы, что живут теперь в полном достатке, заработки у них высокие. Спрос на товары такой, что их даже не хватает. Право на приобретение дефицитных товаров дается совхозом за хорошие показатели в труде. У Агафьи Тарасовны есть уже «Москвич», холодильник, стиральная машина. Последнее ее приобретение — бензопила «Дружба» для строительства нового дома. У каждой семьи дом — полная чаша. Иногда увидишь в кухне и два холодильника: один — премия хозяину, другой — его дочери-доярке, собирающейся замуж.

Передовиков в совхозе множество. То одни вырываются вперед, то другие. Но чаще всех на первом месте оказываются доярка Агафья Кузьмина или Варвара Константинова, табунщик Василий Толстоухов, охотник Иван Кондратьев, тракторист Афанасий Захаров или Дмитрий Герасимов, шофер Иван Васильев или Дмитрий Адамов. В совхозе немало специалистов с высшим образованием. А до революции в Дирине не было ни единого грамотного человека.

Радуются эристинцы тому, что в каждом наслеге есть средняя школа, детский сад, Дом культуры, магазины, столовые, в Дирине — больница, почта, превосходные ремонтно-механические мастерские, народный театр, музыкальная и спортивная школы. Молодежь не разбегается. Двести двадцать комсомольцев в совхозе из шестисот работающих. А Ирину Софронову, бывшую доярку, ныне совхозного зоотехника с университетским дипломом, избирали делегатом XVI съезда ВЛКСМ.

Гордятся эристинцы тем, что девятую пятилетку выполнили за четыре с половиной года. Молока продали государству на 15 процентов сверх плана, мяса — на 19, пушнины — на 23 процента. За годы этой пятилетки эристинцы получали переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, Красные знамена Министерств сельского хозяйства РСФСР и ЯАССР, под стеклом красуются дипломы и грамоты Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Министров и ВЦСПС, «Чороны большого молока» областного совета профсоюзов.

Гордятся тем, что носят имя Эрилика Эристина, своего земляка, одного из первых писателей Советской Якутии.

Они создали музей Эрилика Эристина — осуществили идею, подсказанную писателем Тельпуговым. При-

том осуществили очень скоро, через полгода, потому что взялся за дело Гавриил Дмитриевич Ефимов, прекрасный организатор, который в молодости был секретарем Чурапчинского райкома комсомола, а потом многие годы работал директором школы.

Музей открыт в доме, где с 1934 по 1942 год жил и работал Эрилик Эристин. В комнате расставлена мебель, сработанная местными столярами: деревянная некрашеная кровать, шкафчик для посуды, небольшой грубо сколоченный стол с письменными принадлежностями. Только стул фабричный — венский.

За этим столом он написал в 1936 году повесть «Сыны революции», поездив по Казахстану, а через год закончил повесть «Волнение» — по материалам, изученным в Бурятии. Потом в течение двух лет работал над повестью «Исполнение желания». Он был человеком на редкость одаренным. Нигде никогда не учился — грамоту якутскую и русскую одолел сам.

За этим столом в воображении его возникали образы людей, которые встречались ему в жизни или рождались его фантазией.

Когда перевалило ему за сорок пять, он уже не мог подходить к столу. Тяжелые раны, полученные в гражданской войне, давали себя знать. Прикованный к постели, потерявший зрение, он не покорился жестокой судьбе. Продолжал творить, повторяя подвиг Николая Островского. День за днем, час за часом Эрилик диктовал секретарю страницы нового произведения. Казалось бы, это должна быть исповедь о страданиях, о боли, о муках человека, утратившего возможность видеть свет, погруженного в полную тьму. Нет, он рассказывал не о себе — о других, о героях, о мужестве. Красный партизан, ветеран гражданской войны, коммунист, он страстно воспевал борьбу якутского народа против вековых угнетателей. Ему, обреченному, надо было спешить, смерть стояла у его изголовья. И он, не щадя себя, работал, работал до полного изнеможения. И успел. За несколько недель до смерти, в первый трудный год разразившейся Отечественной войны, Эрилик Эристин закончил диктовать свое самое крупное и значительное произведение — «Молодежь Марыкчана». Это был первый роман в якутской литературе.

В музее под стеклами документы Эрилика Эристина — чекиста, члена ревкома, которому мстили во вре-

мя мятежа белобандиты: замучили его мать, брата, семерых родственников, забив их батогами насмерть. Эрилик Эристин продолжал борьбу за новую жизнь. В 1931 году он сплотил вокруг себя бедняков, середняков родного наслега Чакыр — организовал ТСОЗ (товарищество по совместной обработке земли) «Красный косарь». Непреклонным, сильным, преданным партии был Эристин, писатель, коммунист с 1921 года.

Чтя память о нем, земляки с любовью создавали мемориальный музей. Во второй половине дома развернули экспозицию «Край суровый северный любимый» с картинами якутских художников, подаренными музею, и поместили уникальную библиотеку из восьмисот книг с дарственными надписями рабочим совхоза, с автографами К. Симонова, В. Распутина, Э. Бээкман, Е. Долматовского, М. Дудина, С. Михалкова, М. Алигер, А. Чаковского, А. Геловани, Г. Баширова, В. Лидина и многих, многих других. Писатели со всех концов нашей многонациональной страны, из 114 городов и сел, прислали свои книги в дар совхозу далекой Якутии.

2

Вернувшись опять на южно-якутскую стройку, прежде всего отправилась я на Нерюнгринский угольный разрез. Вышла из машины у подножия крутой горы. Жиденько поросла она лиственницей. Стоит в окружении других высоток, меж которых петляет прикрытая пушистым снегом речка Нерюнгри.

Гора как гора. Высотой девятьсот сорок метров. На вершине ветер норовит сбить с ног. Не очень-то налюбуешься пейзажем. Да и город Нерюнгри, что отсюда весь виден как на ладони, не радует глаз. Столпились как попало брусчатые дома, педеушки (ПДУ — передвижные дома универсальные), балки́ — бог знает какие жилища, сколоченные «самостроем» из разобранных ящиков, горбыля, листов ржавого железа. Из каждой трубы и из тощих, длинных труб разных котелен густо валит черный дым, застилая небо, осыпая город копотью.

Спустилась я ниже на шестьдесят метров. Здесь уже вскрыта часть горной вершины, обнажен угольный пласт. Как сверкает перламутрово-черный уголь даже в

слабых лучах заходящего зимнего солнца! Блестит, сияет богатство Южной Якутии.

И как щедро распорядилась природа! Подняла наверх кладовую угля — не надо строить шахт, углубляться в недра земные. Сними верхний слой грунта и начинай добычу. Бурстанок раскалывает, рыхлит угольный пласт. За ним экскаватор грузит в самосвалы расколотый, рафинадно блестящий черный уголь. Немного его пока добывают. Для местных нужд: для Чульманской ГРЭС, для Нерюнгри.

Обнаружены в Южной Якутии и железная руда, нефть, попутные газы. Есть тут и золото, слюды, апатиты, цветные и редкие металлы, минеральные строительные материалы. Велики и энергетические и лесные ресурсы.

Будет железная дорога — все эти богатства постепенно станут доступными человеку. К каменному углю он уже подступился. Ради угля в первую очередь тянут линию Тында — Беркакит. Затем ее продолжат до города Томмота, важной составной части намечаемого территориально-производственного комплекса по добыче полезных ископаемых, по производству чугуна и стали. А в будущем железная дорога пройдет через город Якутск и повернет в районы Магаданской области и Чукотки, станет Северо-Восточной магистралью.

Якутия и Дальний Восток распахнули свои кладовые. Нет, не распахнули. Это не точно. Человек их откроет, преодолев могучее сопротивление природы — вечную мерзлоту, суровый климат.

— Хорош уголек? — услышала я сзади себя.— Любуетесь? Обернулась — начальник комбината Якутуглестроя Виктор Иванович Бочаров. Коренастый, с широким разворотом плеч (штангой занимался в молодости), он до хруста стиснул мою руку.

— Хорош,— ответила я.

— Отличнейший уголек! — воскликнул.

И не узнать стало его. В кабинете выражение лица у него волевое, губы сжаты, глаза смотрят строго и цепко на собеседника, пытаясь раньше слов угадать его мысли. В кабинете он лаконичен, собран — руководитель, которому надо все охватить, ничего не упустить из виду. А сейчас стоял передо мной раскованный человек сорока с лишним лет, улыбался, и глаза его светились мягкой голубизной.

— Отличнейший! — повторил.

— Уже вытеснил он из вашего сердца Кузбасс? — спросила я.

Виктор Иванович — потомственный горняк, двадцать лет проработал в Кузбассе.

— Что там мое сердце,— ответил Бочаров.— Вот был тут у нас один японец, представитель фирмы «Камацу»,— они часто к нам приезжают. Когда этот японец увидел нерюнгринскую горку угля, опустился на колени, воздел молитвенно руки и зарыдал. Мы растерялись. В чем дело? Он не скоро успокоился. «Бог несправедлив (да простит он меня). Нам ничего не выделил. А тут... Один бог способен создать такую диво-гору угля». И опять стал молиться, не боясь запачкать угольной пылью светлые брюки.

С Японией у нас подписано в 1974 году взаимовыгодное соглашение, масштабное и долгосрочное. Оно уже вступило в силу. Япония дает нам банковский кредит, поставляет оборудование, машины, материалы и другие товары для разработки Южно-Якутского угольного бассейна. Мы начнем с 1983 года отправлять в Японию уголь. Поставлять его будем в концентратах. Для этого комбинат Якутуглестрой параллельно со строительством угольного разреза начнет сооружать обогатительную фабрику. Фабрика рассчитана на переработку девяти миллионов тонн коксующихся углей в год.

— Это будет уникальное предприятие,— сказал мне Бочаров.— Таких нет еще в мире.

Завершение строительства фабрики и угольного разреза планируется на 1982 год. К этому же сроку будет сооружен новый аэропорт в поселке Чульман. А энергетики в 1979 году должны сдать в эксплуатацию первую очередь Нерюнгринской ГРЭС мощностью 650 тысяч киловатт. Трест Бамстройпуть отвечает за то, чтобы в 1978 году было обеспечено движение поездов от Тынды до Беркакита. Подъездные пути от Беркакита до угольного разреза построят сами углестроевцы.

Очень важна Южно-Якутская стройка. О ней записано в документе XXV съезда КПСС «Основные направления развития народного хозяйства на 1976—1980 годы»:

«Приступить к формированию Южно-Якутского территориально-производственного комплекса. Построить железнодорожную линию Тында — Беркакит. Развер-

путь строительство Нерюнгринского угольного разреза, обогатительной фабрики и Нерюнгринской ГРЭС».

Южно-Якутская стройка важна для дальнейшего развития Якутии и всего Дальнего Востока, расширения экономических связей с Японией — нашим восточным соседом.

3

Нерюнгри, городу республиканского подчинения, в январе семьдесят седьмого было всего год и два месяца от роду.

Город есть, и города пока нет. Есть: в ноябре 1975 года подписан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о том, что он образован. Созданы и функционируют все административные и общественные его атрибуты: горсовет, горисполком, горком КПСС и горком ВЛКСМ, гороно, горсовпроф, городской суд, прокуратура, милиция, добровольная народная дружина, Общество Красного Креста и Красного Полумесяца, общество «Знание», Комиссия содействия Фонду мира.

И все-таки города пока еще нет. Пять домов, временных, брусчатых, символизируют начало строительства Нерюнгри. Он существует лишь в проекте, в генплане, в макете. Семь проектно-архитектурных организаций страны участвовали в конкурсе на застройку города. Победителями вышли якутские и московские архитекторы. Из двух проектов создан один.

Красив будет Нерюнгри, не похож на другие города. Четыре круглые башни, соединенные единым залом, отдадут под Якутуглестрой, Якутуголь, проектные организации. Невдалеке подымутся здания партийных и общественных организаций. Чуть подальше — шестнадцатиэтажная гостиница на шестьсот мест. Торговый центр, кинотеатры, Дворец культуры, театр, школы, детские сады и ясли, спортивный комплекс оригинальной архитектуры, пяти- и девятиэтажные блочные жилые дома утонут в зелени. Природа одарила этот богатый углем район редкостным в здешних краях сосновым бором. На площади в сорок квадратных километров красуются медноствольные сосны — остров среди чахлой мерзлотной лесотундры и тундры. Место для будущего города горняков выбрано прекрасное.

А пока население Нерюнгри — это строители Малого БАМа, живущие во временных поселках Нагорный, Золотинка, Беркакит, строители угольного разреза, поселившиеся во временном поселке Пионерном, и жители старого поселка, райцентра Чульман. Площадь города Нерюнгри поэтому гигантская: девяносто две тысячи квадратных километров. Длина его от Чульмана до Нагорного — восемьдесят километров. Все городские учреждения и организации обосновались в Пионерном, который часто зовут Нерюнгри — временный Нерюнгри.

Макет будущего города я увидела в кабинете первого секретаря горкома партии Ивана Ивановича Пьянкова.

Началась трудовая деятельность Ивана Ивановича Пьянкова с участия в создании металлургии Норильска. Как техник с рабочими возводил термические печи. Потом, заочно окончив институт, стал главным инженером обогатительной фабрики, переживавшей реконструкцию. После работал в тресте Красноярсклеспромстрой — строили леспромхозы, лесозаводы по всему Северу, от Красноярска до Норильска. С 1968 года Пьянков переведен в Якуттяжстрой, самую мощную строительную организацию республики, главным инженером, затем был назначен начальником треста. Строительная биография у первого секретаря Нерюнгринского горкома партии. Но и партийная работа хорошо знакома ему. До Нерюнгри он был несколько лет вторым секретарем горкома КПСС Якутска.

Вот почему руководитель партийной организации Нерюнгринского горкома, где сегодня совершается великая стройка, так свободно и тонко разбирается во всех проблемах ее, видит целое и частности.

Когда Иван Иванович Пьянков показывал на макете, где какое здание будет построено, раздался телефонный звонок.

— Здравствуйте, Гавриил Иосифович,— ответил Пьянков.

Звонил первый секретарь Якутского обкома партии Гавриил Иосифович Чиряев.

— Спасибо. Надеемся, что удастся изыскать. Пятые сутки стоит весь дизельный транспорт. Просто беда. На разморозку машин уйдет еще неделя.

Я догадалась: речь шла о дизельном топливе. По всей Южной Якутии нет его, кончилось, а поставщики не

доставили вовремя. Во все концы из Нерюнгри пошли телеграммы SOS. Первый секретарь обкома партии тоже помогает им выйти из беды.

— Что еще? — переспросил в трубку Пьянков.— Да вот, Гавриил Иосифович, Россол от нас сбежал. Да, да, тот самый выпивоха. На бюро горкома обсуждали его, вынесли выговор. Он и скрылся неизвестно куда. Просим обком поддержать нас. Мы решили, если он вернется к нам, не брать его на работу. К работе на такой ответственной стройке проходимцев допускать нельзя. Согласны?

Россол был заместителем директора Южно-Якутского угольного комплекса, пока выступающего в основном в роли заказчика стройки. Пьянствовал, прогуливал; получив «строгача», удрал. Ко всякому большому делу пристает накипь. Ее не сразу распознаешь, когда сто девяносто шесть организаций заняты важнейшим делом.

Пьянков закончил телефонный разговор.

— Первый секретарь обкома партии, член ЦК КПСС, держит тесную связь с вашим горкомом, вникает во все детали стройки, выручает при затруднениях. К нему можно обратиться даже по частному вопросу? — спросила я.

— Кадры, особенно руководящие,— это не частный вопрос,— возразил мне Иван Иванович.

— Конечно,— согласилась я.— От руководящего человека зависит многое. Вижу, горком этим занимается всерьез и вплотную.

— С кадрами строителей, особенно на угольном разрезе, у нас пока тяжело,— сказал мне Иван Иванович.— Людей не хватает, а мы сами запретили прописку в Пионерном.

— Из-за жилья? — спросила я.

— Из-за него, проклятого. Видели, в какой тесноте и неустроенности живут у нас люди?

— Да-а... Походила по домам. Балки, сараюшки. Одеяла за ночь примерзают к стене. Разве натопишь в сорокаградусный мороз дощатый курятничек. Все равно что улицу обогревать.

— Хорошо, что в палатках уже не живут,— сказал Пьянков.— Ставить по-прежнему здесь временные брусчатые дома, педеушки, вагончики — этими полумерами Министерства угольной промышленности жилищной и

кадровой проблемы нам не решить. Необходимо срочно развернуть крупнопанельное строительство Нового Нерюнгри — капитальное, благоустроенное жилье, не времянки.

— Но ведь еще не заложен даже Нерюнгринский домостроительный комбинат. Где же возьмете панели?

— Увы, только нынче его заложим. Построим через три года. Пока ищем на стороне. Обком обязал Якутск прислать нам комплекты двух домов по сто четырнадцать квартир. Ведутся переговоры с руководством Бамстройпути. У них уже действует в Шимановском ДСК, а панели для капитального строительства пока могут использовать лишь в Золотинке. Остальные станции к этому еще не готовы. Вот шимановцы и дали бы нам пока четыре семидесятиквартирных дома. Да столько же получить бы от шефов Беркакита — от Кемеровской области... Сами мы сложили бы за год два кирпичных дома площадью сто сорок квадратных метров. Итого выйдет тысяча квадратных метров жилья. Уже ощутимо. Мы добились пересмотра плана создания поселка строителей Нерюнгринской ГРЭС. Теперь его будут возводить не в Серебряном Бору, за восемь километров отсюда, а в Новом Нерюнгри, чтобы не тратить лишние средства на коммуникации, на здания социально-бытового и культурного назначения.

Только с созданием города Нерюнгри стало возможным варьировать, распределять силы между разными подразделениями. В Шимановском и Кемерове готовят панели для постоянных железнодорожных станций в Нагорном, Золотинке, Беркаките. Но рановато. Горком переправит дома в Нерюнгри, углестроевцам,— другому ведомству. Точно так же городская партийная организация вмешивается в производственные дела разных ведомств: энергетиков, горняков, железнодорожников. Почему сорван план ввода в строй чульманской производственной базы? Почему завод «Стройдеталь» отпустил строителям лишь 51 процент пиломатериалов, 38 процентов сборного железобетона, 31 процент песка от запланированного? Руководители и парторганизации разных ведомств отчитываются теперь перед горкомом партии. Изживается межведомственная неразбериха, объединяются усилия, корректируются планы, полнее используются резервы — преодолевается отраслевая разобщенность.

Своевременно создан город из разбросанных поселков.

Городские власти бдительно следят и за охраной природы на всей Южно-Якутской стройке.

— Чтобы не засорялись реки и воздух,— рассказал Иван Иванович Пьянков,— ГРЭС и обогатительную фабрику предполагается построить на замкнутом цикле, очистка будет производиться тщательная, даже биологическими методами. Котельни все ликвидируем, перейдем на центральное распределение тепла от ГРЭС между зданиями и домами Нерюнгри.

Особое внимание уделяют нерюнгринские руководители проблемам антропогенного влияния на вечную мерзлоту. Здесь, на юге Якутии, мерзлота вялая, непостоянная, капризная. На одном участке покрепче, на другом послабее.

— То приходится оттаивать мерзлоту. То, наоборот, усиливать — холодильными установками, трубками Гапеева, самозамораживающими связями,— сказал Иван Иванович.— К тому же изматывают нас наледи. Проблема проблем. Тут и там вылезают, блуждают повсюду. Отнимают у нас много времени. В Заполярье, в Норильске например, строителям проще иметь дело с мерзлотой. Она там несравненно более сурова, но в этом и преимущество: постоянна. Ученые-мерзлотоведы помогли нам подобрать к ней код. Мы и действовали по нему, не отклоняясь. Накопили опыт строительства на мерзлоте, обогнали Канаду в этом плане лет на тридцать, не меньше.

Горком партии Нерюнгри, как только возник, сразу установил контакт с Институтом мерзлотоведения — предложил создать у себя стационар институтской лаборатории охраны окружающей среды (руководит лабораторией Николай Александрович Граве), помогает ученым в устройстве станции, ждет от них рекомендаций в каждом отдельном случае нарушения строителями равновесия в природе.

— Помимо жилищной проблемы в Пионерном,— сказал мне Иван Иванович,— есть вторая — транспорт. Автохозяйства для углестроевцев и для строителей-железнодорожников мы создали. Но они еще не достигли своей оптимальной мощности. Надеемся, что это произойдет скоро. Во главе автотранспортного управления поставили Зинштейна.

— АЯМтранс он оставил? — удивилась я.

— Разъяснили ему по-партийному, что здесь он нужнее. Железную дорогу быстрее надо заканчивать. Наш Малый БАМ. Нет, уже не Малый. Он стал центральным участком БАМа. Сюда стянуты основные силы, значительная часть техники со всей магистрали. Техники много импортной. Она получена в кредит, за нее надо расплачиваться. Быстрее всего БАМ начнет окупать расходы на его сооружение у нас, когда пойдет уголь по железной дороге от станции Беркакит через Золотинку, Нагорный, Могот, Тынду, БАМ по Транссибирской магистрали. Так что не Малый БАМ теперь у нас, а центральный, ударный участок стройки всей Байкало-Амурской магистрали.

Секретарь горкома стал перечислять подразделения, прибывающие сюда как подкрепление, подробно объяснял, каковы задачи каждого строительно-монтажного поезда, каждой мехколонны, новой и старой.

Получив подмогу, нерюнгринцы выдвинули встречный план: к концу 1977 года провести железную дорогу на станцию Беркакит, закончить строительство тоннеля, ввести дополнительные мощности на Чульманской ГРЭС, увеличить выполнение строительно-монтажных работ на 40 процентов по сравнению с 1976 годом. Задачи нелегкие, но их сознательно и добровольно приняли на себя труженики юного города Нерюнгри, города ударной Южно-Якутской стройки.

4

На Южно-Якутской стройке почти всюду названия населенных пунктов опередили их появление. Не построен еще город Нерюнгри, станции Беркакит и Золотинка, разъезды Нагорный и Якутский. Нет вокзалов, станционных служб, постоянного жилья для железнодорожников. А названия уже есть. Их носят временные поселки, которых не будет, когда закончится стройка.

Временный Беркакит, в отличие от Пионерного, производит хорошее впечатление. Примостившийся в стороне от АЯМа, в сосновом лесу, продолжающем нерюнгринский бор, Беркакит — уютный, веселый, компактный поселок. Двухэтажные деревянные дома выстроились среди сосен ровными рядами. У каждого дома свой

цвет, нет монотонности. Соединяются дома параллельно улицам дощатыми длинными коробами — утеплителями труб. Эти короба — неизменный атрибут всех городов и поселков Якутии, где проведены водопровод, канализация, центральное отопление. В Беркаките по коробам ходят люди, как по тротуарам,— помостам, чуть возвышающимся над пышными белыми снегами, устилающими все, кроме проезжих дорог, такими белыми снегами, какие бывают только в нетронутом лесу. Форточки в домах распахнуты настежь. Все до единой. В квартирах жарко, хотя на дворе мороз под пятьдесят градусов.

Год с небольшим, как и Нерюнгри, исполнилось Беркакиту. Но в нем, временном, есть уже все, что необходимо для нормального быта: магазины, столовая, комбинат бытового обслуживания, школа, детсад. В магазинах богатый выбор продуктов и товаров. Автоматическая передвижная пекарня кормит строителей хлебом таким воздушным, душистым, какого можно отведать лишь у хозяйки, достающей каравай из русской печи. В беркакитовской столовой смотрят на тебя со стен не голые доски, а затейливые орнаменты, выжженные по дереву. Приятно обедать в таком красивом зале. Клуб тоже отделан выжженными по дереву композициями. Забываешь, что под клуб использован собранный из металлических листов полуцилиндрический каркас склада.

Беркакиту присудили первое место в соревновании за лучшее благоустройство притрассовых поселков БАМа.

Я шла по тротуару-коробу, любуясь домами, то и дело останавливалась, заглядевшись на стройную сосну с таким ядреным стволом, уходящим ввысь, к кроне, что словно слышался звон тетивы, готовой пустить в небо стрелу. Временами встречала сосны, ради которых плотник, сколачивавший короб, выпилил в тротуарной доске полукруг, осторожно огибающий ствол. Строители прокладывали коммуникации так, чтобы не валить деревьев.

«Ильяш сам следил за этим,— вспомнила я слова начальника строительно-монтажного поезда № 591 Георгия Михайловича Ильяша (у него привычка говорить о себе в третьем лице).— Увидит Ильяш сваленную сосну — виновника под штраф. На сознательность давил.

Но и рублем стегал тех, у кого совесть просыпалась не сразу».

— Совесть? — переспросила я тогда Ильяша.— Может, просто человек сначала не понимал, что лес надо беречь?

— Вот-вот, верно,— подхватил он.— Приехали многие оттуда, где богатая тайга. Что там сосна-другая? Да и вообще мы, русские, привыкли не считаться с тратами, сорить налево-направо, как купцы в старину. Много у нас всего, особенно леса. И вот валили его надо не надо.

Я улыбнулась про себя при этих словах. Он сам всего полтора года назад тоже «сорил» в Золотинке лиственницами. Чахлыми, но все же деревьями. Ильяш, в ту пору главный инженер СМП-578, возглавлял десант, высадившийся там, где предстояло поставить временный поселок строителей — Новую Золотинку. Оглядел он местность. Не понравилось ему, что проектанты выбрали для поселка подножие горы. «Не замучили бы нас мари»,— подумал. Да и в стороне от АЯМа; трудно будет сюда без дороги доставлять стройматериалы и комплекты щитовых домов. А поселок надо было ставить быстрее. И, как командир десанта, сориентировавшись на местности, Ильяш принял на себя ответственность, изменил «приказ» — проект. Велел ставить поселок на вершине горы, по обочинам АЯМа. За это «схлопотал» выговор. Но гордо смолчал, считая себя правым. В самом деле, очень быстро возникла Новая Золотинка. Вскоре Ильяш признал: «Влепили мне строгача вполне справедливо». На склоне поселок стоял бы в затишке. И деревьев там побольше. А тут, на взлобке, мало их было, да и те срубили не задумываясь подряд, торопясь очистить площадки для домов и улиц. Зимой в Золотинке свирепствуют метели, а летом — пыльные бури. Да и хлопот руководству прибавляется, когда его коллектив живет и работает на проезжей дороге.

Наученный горьким опытом, Ильяш строил Беркакит уже строго по проекту в четырех километрах от АЯМа, проведя от него подъездную дорогу, и ревностно берег каждое дерево в столь редком для Якутии сосновом бору.

Размышления мои прервал энергичный стук топоров. Поравнялась с площадкой, где ставила больницу бригада Василия Петровича Кударя. Не вся. Часть

бригады в другом месте готовила фундамент под общежитие. Поселок все еще расширяется. Обосновался здесь недавно второй строительно-монтажный поезд — «Кузбасс». Специализированный. Он будет строить станционные здания Беркакита. «Ильяшевцы» делятся с «кузбасцами» абсолютно всем на первых порах их обустройства. И больницу строят в расчете на соседей. Больниц во временных поселках бамстроевцев нигде нет. Поначалу в них не было особой нужды. Приезжали на БАМ только молодые. И среди них-то отбирали непременно здоровых. А если, случалось, заболеет все же кто-то, везут на попутке в Тынду. Но сейчас, когда настал новый этап — от строительства временных щитовых домов, не требующих квалификации, переходят к сооружению сложных железобетонных зданий и конструкций,— появились на БАМе и опытные строители — в годах, с недугами. И комсомольцы многие переженились, дети пошли. Ильяш первым подметил, что пора открывать свою больницу.

Что далеко ходить за примером. В той же бригаде Кударя теперь работают пожилые рабочие: Леонид Фомич Каюда, строивший Чернобыльскую атомную электростанцию, Анатолий Андреевич Коломеец пятидесяти трех лет, который успел повоевать в Отечественную, а потом много лет подымал целину в Казахстане. Рассудительный, покладистый, Анатолий Андреевич всегда окружен молодежью. Сейчас вместе с ним монтируют щиты Женя Воропаев, Толя Наумов, Саша Бойко — «воробьята». Всего полгода назад приехали они в Беркакит, окончив строительное профтехучилище. Сперва не понравилось здесь ребятам. Врезáть замки велика ли мудрость? Скука. Женя даже собрался попроситься в армию (у бамовцев бронь). Бригадир понял, что надо «воробьятам» доверять посерьезнее дела. Приставил одного к Коломейцу, другого — к Саше Меньшикову, молодому еще, но уже строившему железную дорогу к тюменской нефти, третьего — к Володе Митряеву, строившему Зейскую ГЭС, женившемуся здесь, на БАМе, полтора года назад (сыграли тогда всем поездом первую свадьбу, дочь растет у Володи). «Воробьята» оперились, почувствовали себя на месте. Работают теперь наравне со всей бригадой.

Василия Петровича Кударя я увидела в бытовке, хотя уже вторая смена подходила к концу. Бригадиру

не сиделось дома. То и дело выбегал поглядеть, что творится на одном, на другом объекте бригады, не надо ли чем помочь. Однако появлялся в бригаде вроде бы невзначай — так, шел по своим делам и решил заглянуть. Ну, не проходить же мимо своих. Всем видом показывал, что вполне доверяет бригаде, знает — все у них и без него идет как надо. Он и доверяет. Просто душа у человека неспокойна, когда что-то неизвестно ему.

Сейчас Василий Петрович, как всегда спокойный, уравновешенный в свои тридцать пять лет, с неизменным кумачовым румянцем во всю щеку, неторопливо толковал в бытовке с Валентином Жовниром. Бытовка — это три дощатые стенки в человеческий рост, посередине костерок. Через каждые сорок минут плотники по двое забегают сюда обогреться у огня, перевести от работы дух, выкурить сигаретку, поглядеть друг на друга: не отморозил ли кто щеки и нос.

Валентин Жовнир год назад окончил ПТУ. Но он уже солидный человек. Много значит год на бамовской стройке. Валентин плотничает уверенно. Он и общественник: руководит кружком бального танца в клубе. Вместе с драмкружком, вокально-инструментальным ансамблем его танцоры входят в самодеятельный коллектив «Надежда». Нынче ездили надеждинцы со своей программой в Тынду, в Пионерный, заняли второе место на смотре. Кстати, дочь Кударя, десятилетняя Наташа, тоже занимается у Валентина в кружке. На новогодней елке была Снегурочкой.

Легка на помине! Появилась в бытовке Снегурочка — в распахнутой шубке, несмотря на холод.

— Папа! Скорей! — выпалила.

— Что? — встревожился отец.— Неужели мама? — и кинулся из бытовки на улицу.

Жена его в положении.

— Нет! Нет! — остановила дочь, схватив за руку.— Мама чувствует себя хорошо. Дядя Юра приехал.

— Уф-ф! — выдохнул Василий Петрович и обессиленно сел прямо в снег.— Однако, пошли,— опомнился, торопливо поднялся, отряхиваясь,— и вы с нами,— обернулся ко мне.— Приглашаю. Юра,— объяснял уже на ходу,— мой побратим, что ли. Познакомлю. Он шофер оленеводческого совхоза «Золотинка».

В квартире Кударя стояла предзастольная суета.

Звенела посуда, шипело жарево на сковородке. Хозяйка, несмотря на то что была уже очень грузной, проворно накрывала на стол. Ей помогал эвенк лет тридцати — Юра. Наташа тоже подключилась к ним. Но когда все было готово, она убежала к подружке.

Мы сели за стол, выпили по рюмке рислинга, и начались воспоминания.

«А помнишь?..» — «А помнишь?..» — перебивали друг друга хозяин и гость, возбужденно рассказывая нам с хозяйкой то один эпизод, то другой из жизни первых дней бамовского десанта в Золотинке.

Бригада Василия Петровича была самой-самой первой, ступившей на землю будущей Золотинки. Это было четырнадцатого марта семьдесят пятого года. Они, восемнадцать рабочих только что созданного СМП-578, руководимые главным инженером Ильяшем и парторгом Капелько, стали первопроходцами Малого БАМа. Именно они приготовили все для комсомольцев 1-го Белорусского отряда имени Н. Кедышко: вагончики, котлопункт, палаточный клуб. А самим поначалу жить было негде. Выручили оленеводы и старатели Старой Золотинки. Потеснились, пустили к себе бамовцев. Василия Петровича позвал в свой дом Юра.

— Помнишь, оленина нехорошая показалась тебе? — спросил Юра.

— Э-э, только в первый раз,— ответил Кударь.— Теперь рубаю за милую душу. А ты заметил это?

— Заметишь: сморщился, как от кислой простокваши.

— Ишь, все увидел, глазастый,— покачал головой Василий Петрович.— А помнишь, как познакомились с тобой?

Высадился десант из автобуса. Вокруг только снег по пояс и редкие жалкие лиственницы. Сзади грузовики подошли — привезли несколько первых вагончиков. Снять их с кузовов было нечем. Поехали искать местных жителей, просить у них подмоги. Юра и примчался к ним вместе с другими эвенками. Пригнали трактор, но не оказалось досок, чтоб по ним стащить вагончик с грузовика. Юра сообразил: нужно накидать сугроб, утрамбовать и по нему скатить вагончик. Так и сделали. Вот тут и познакомились коренной житель Юра и пришелец из Николаевской области Вася Кударь. Приглянулись друг другу. А подружились с той минуты,

как Вася подошел к нему и спросил, не одолжит ли он пилу ненадолго,— выяснилось: где-то еще в дороге находится их плотницкий инструмент.

— Бери мою «Дружбу»,— ответил Юра.

И немедля съездил домой, вручил Васе свою пилу:

— Работай сколько надо.

Три месяца работал этой пилой Василий Петрович. Дрова заготавливали для белорусов. Потом четыре жилых дома поставили, контору. Эвенкам отремонтировали их дома. Все Юриной пилой работали. «Дружба» не подвела, здорово служила.

— А помнишь,— спросил Юра,— Ильяш в ботиночках приехал?

— Да, мороз в марте был сорок градусов,— обернулся Василий Петрович.— Снегу — утонуть. А Ильяш в штиблетах. И виду не подает, что обмерзают его ноженьки. Даже не постучит друг об дружку, не попрыгает. Спокойно выхаживает себе по дороге, отдает распоряжения.

Ильяш. В этом он весь.

— Юра как увидел, что у начальника на ногах,— продолжал Василий Петрович,— в кабину и на полном газу в свой поселок. Привез Ильяшу унты. Вообще эвенки — добрые, гостеприимные.

— Зачем так говоришь? — недовольно сказал Юра.— Гостя всегда надо встречать хорошо. Он гость. Всегда новость. И радость. Бамовцы пришли — сколько новостей! Люди со всего света. Слова, песни, порядки другие. Рассказывают как книгу читаешь. Новости. Техника пришла — ай-ай-ай,— закачался он влево и вправо,— глаза видят — голова не верит. А железка придет — заживем! Старики говорят: «Как верхние люди будем жить».

Трасса БАМа пройдет по землям, где испокон веков живут эвенки — северобайкальские, баунтовские, витимоолекминские, тимптонские, зейские, селемджинские, верхнебурьинские и амгуньские. Всем им, таежным охотникам и оленеводам, магистраль принесет большие перемены: вырастут железнодорожные станции, города, крупные промышленные комплексы. Кто-то из эвенков поменяет исконную профессию охотника на новую. А тот, кто не изменит традиции, все равно почувствует на себе могучее соседство. Уже сейчас, например, соотечественники Юры стали рабочими самостоятельного

совхоза «Золотинка», образованного из отдаленной небольшой бригады оленеводческого совхоза. «Золотинке» предстоит увеличить оленье стадо, расширить молочную ферму, заняться овощеводством, чтобы кормить строителей БАМа и угольщиков.

— Ильяш у нас крутой, но справедливый,— сказал Василий Петрович.— Разругает в дым, премии лишит, заставит исправить. Но не унизит. Даже поможет, из-под земли добудет своей бригаде что угодно, если надо. Мы с ним часто по работе схватываемся. Однако, скажу, хозяин он гвоздь. И справедливый.

Не заметно было, чтобы Ильяш бушевал. Наоборот, ровным голосом скажет одно слово: «сделать», «исправить» или «убрать», «заменить». При этом желваки на его скулах напрягутся до белизны, голубые глаза сделаются стальными. И провинившийся готов сию секунду сорваться с места — выполнять приказ, чтобы только не видеть этой стали и белизны.

Среднего роста, средней комплекции, с довольно мелкими чертами лица, Ильяш, однако, источает сильную волю, напряженную энергию, готовую вырваться наружу в любую минуту. Для него нет преград, как не должно быть и для его подчиненных,— так он поставил дело в своем поезде. Впрочем, это, пожалуй, вообще стиль работы в транспортном строительстве, которое, как и железная дорога, отличается почти военной дисциплиной.

Отец Ильяша был кадровым офицером. Родился Георгий Ильяш (или по паспорту Жорж) в Щорсовской дивизии под Житомиром в тридцать восьмом году. Вскоре отец его со щорсовцами участвовал в освобождении западных областей Украины и Бессарабии, воевал в Отечественную. Решительность, самостоятельность, раскованность, широта взглядов укреплялись в натуре Жоржа Ильяша, наверное, под влиянием отца. Получив аттестат, Жорж по комсомольской путевке уехал на Урал, на стройку. Скоро стал бригадиром кровельщиков. Бригада его вышла в передовые. Он поступил на вечернее отделение в Московский институт инженеров транспорта. После защиты диплома Ильяша рекомендовали в аспирантуру. Он отказался. Его товарищ, занявший это место, теперь уже доктор наук.

— Жалеете, что не пошли в аспирантуру? — спросила я Ильяша.

— Ничуть,— ответил.— Дела Ильяша видны.

Дела его действительно видны людям: Курский вокзал, ТЭС-23 в Калошине, жилые дома в Свиблове, стадион «Локомотив» в Черкизове, электрификация поселков в Курской, Тульской областях, вокруг Серпухова. Все это строилось при его участии.

— Железку Ильяш ведет,— сказал он.

— Построил прекрасный Беркакит,— продолжала я,— лучший поселок на БАМе.

Он улыбнулся. Одними глазами. Но видно, что доволен.

— Погодите, Ильяш еще не то построит,— сказал.— Новый детсад-ясли с зимним садом. Теплицу. Помидоры, огурцы, зеленый лучок, редиска, салат круглый год — в зоне вечной мерзлоты. Стосковался народ по свежим овощам.

— А получите ли разрешение? — спросила я.— Временный поселок. Не отвлечете ли средства и силы от главных задач, от капитального строительства на «овощи» и «зимний сад»? Хорошо бы, конечно, но...

— Нет никаких «но». Ильяш и спрашивать не станет. Средства? Есть экономия. Люди? Будьте покойны. Целевые планы выполнят, перевыполнят. А теплицу и сад будут строить сверхурочно. Ильяш кинет клич — и порядок.

Вот он какой, Ильяш. План для него, командира, закон. Но в то же время, если ситуация подскажет, он внесет свои поправки в приказ. Самостоятельность, чувство личной ответственности в нем сильнее, чем слепое подчинение распоряжениям свыше. Такие руководители нужны в железнодорожном строительстве. Особая нужда в них возникает на первом, очень трудном этапе строительства, когда на голом месте начинается обустройство. Эти люди, волевые, сильные, способны зажечь коллектив, вдохновить на подвиг. Но на втором этапе, когда приступают к капитальному строительству железнодорожных зданий и сооружений, важнее иные качества руководителя: умение организовать ритмичную работу квалифицированных рабочих, имеющих дело с новейшей техникой и технологией. Ильяш, опытный руководитель, за плечами которого немало капитальных строек, спокойно вошел в новую полосу. Загодя набрал рабочих тех профессий, которые понадобились много позже. Сам виртуозный снабженец (он умеет и просто

любит «добывать», «выбивать»), Ильяш содержит свое хозяйство в полном достатке. Во всей Южной Якутии остановился в те январские дни дизельный транспорт из-за отсутствия топлива. А машины СМП-591 продолжали курсировать по АЯМу. Ильяш даже делился с соседями.

Теплица и зимний сад для детей только с первого взгляда показались мне «партизанскими вылазками» Ильяша. Нет, это была прозорливость рачительного хозяина. Повзрослели комсомольцы-первопроходцы, обзавелись семьями. Другие запросы у них: нужны фрукты и овощи детям, молоко и творог. Иначе начнут уезжать. Ильяш вовремя понял, чем можно их удержать. Теплицу построит, даже цветы распустятся среди зимы в детском саду Беркакита, лучшего поселка на всей магистрали.

Социальные факторы очень важны в наше время в любой сфере народного хозяйства. Вырос материальный и культурный уровень трудящихся, расширились и углубились их запросы. Люди хотят жить с удобствами, хорошо питаться, одеваться, давать пищу уму, получать эмоциональные наслаждения. Все это относится и к строителям, в том числе к строителям БАМа, хотя и приходят они первыми туда, где ничего нет, где создавать нормальные условия для быта не просто.

Генеральный секретарь ЦК партии, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев во время своей поездки по Сибири и Дальнему Востоку в марте — апреле 1978 года подчеркнул серьезность и актуальность социальных задач на строительстве БАМа:

«В районах стройки нам надо создавать хорошие условия для быта, больше уделять внимания строительству жилья, клубов, школ, и делать это надо с необходимым размахом и на должном техническом уровне, с учетом климатических условий. Это задача глубоко партийная, и решать ее на нынешнем этапе должны партийные организации всех краев и областей, по территории которых проходит трасса БАМа».

5

На склоне гольца строят станцию Золотинка — вдали от временного поселка. Начальник мехколонны-157 Игорь Владимирович Зорин подвез меня сюда по пути.

Он приехал проверить, как идут дела у механизаторов. Ежедневно бывает здесь. Сегодня доволен: бульдозеры работают исправно, заканчивают очередную выемку раньше срока. Надо думать, семь мехколонн — его, зоринская, сто пятьдесят восьмая и пять присланных дополнительно (Малый БАМ стал центральным участком) — справятся с задачей — к первому июня «сделают всю землю» до Беркакита, то есть закончат земляные работы для железнодорожной линии. Нелегко «делать землю» по краю гольца на высоте тысяча сто двадцать четыре метра над уровнем моря. Это — самое высокое место на трассе Малого БАМа. Нелегко. То выемки нужны — откалывай кусок за куском склон гольца, вынимай бульдозерами скальный грунт, выравнивай площадку. То, наоборот, делай насыпи, прочные, надежные. И тут и там одолевай каверзы вечной мерзлоты.

Мы ходили с Зориным по самой большой выемке, подготовленной для станции Золотинка. Игорь Владимирович оглядывал все строгим глазом, расспрашивал то мастера, то бульдозериста, то шофера, выяснял ситуацию, отдавал распоряжения. Высокий, полный, громоздкий, он легко перепрыгнул через траншею, обошел несколько раз ничем не приметную площадку, осматривая ее внимательно.

— Прекрасно, — удовлетворенно крякнул.— Справились с наледью. Орлы! — говорил он как бы сам с собой.

Зашел в вагончик-бытовку.

— Хорошо, навели порядок,— сказал.— Ну, теперь можно показать вам и хозяйство соседей,— обратился ко мне, словно только сейчас заметил мое присутствие.

Соседи — СМП-578. Они строят уже станционные здания, постоянный поселок Золотинка.

— Здесь будет вокзал,— Зорин подвел меня к голому серощебенистому месту, ничем не выделяющемуся на этой просторной выемке.— Тут багажное отделение,— остановился опять среди пустоты.— Там склады, пакгаузы,— указал в пространство.

Усиленно пыталась я представить себе каждое из этих зданий. Современные, из бетонных конструкций. Окна сделают скромных размеров, рамы — тройные.

— Вокзал выстроят аккуратный, уютный, небольшой,— продолжал рассказывать Игорь Владимирович.— Не столько людей, сколько грузы, уголь будут перево-

зить поезда через Золотинку. Будет у нас и начальная школа на восемьдесят мест, торговый центр. А вот это пятиэтажный жилой дом для железнодорожников,— показал он на глубокий котлован, стены которого были уложены бетонными панелями. Очередная плита плыла над головой рабочего, подъемный кран вцепился траками в землю на самом краю котлована, натужно тарахтел,— казалось, упирался, пятился в страхе назад, боясь, как бы груз на стреле не стянул его в гладкостенную яму.

— Почему не вбивали сваи для фундамента, а ямы рыли? Зона же вечной мерзлоты,— спросила я у Игоря Владимировича.

— Проект такой,— ответил он.

— Может, в Москве, в Гипротрансе, забыли, что здесь мерзлота?

— Но мерзлота «вялая». Да и Бугай не пропустил бы ошибку,— убежденно сказал Зорин.

Иван Дмитриевич Бугай, нынешний начальник СМП-578,— опытнейший транспортный строитель. Двадцать лет работает в Минтрансстрое. Проводил дороги, строил аэродромы в Бурятии, на севере которой тоже есть мерзлота. И Капелько, парторг СМП-578, заместитель начальника по кадрам и быту, заметил бы ошибку в проекте. Пятнадцать лет трудится в этой системе. Несколько лет работал в Забайкалье, в Бурятии, вместе с Иваном Дмитриевичем.

...На строительстве первого дома из пяти, в которых будут жить все жители станции Золотинка, работало всего четыре человека. Промышленные методы, техника заменяют людей. Все ребята мне незнакомы. Когда приезжала я в Золотинку в прошлый раз, полгода назад, одни, плотники, переучивались на каменщиков в Тындинском учебном центре. Другие тоже получали новые профессии. Кто — бетонщиков, кто — монтеров путей. Готовились ко второму этапу стройки, который теперь наступил: возводятся станции, сооружаются водопропускные пути — бетонные трубы, потом начнут укладывать рельсы на этом, Золотинском, участке. Бульдозеристы, крановщики, шоферы, которые при создании временной Золотинки были плотниками, малярами, штукатурами, сейчас работают по своей основной профессии. Первый Белорусский комсомольский отряд трудится по-прежнему почти в полном составе. Пополнения при-

бывали в СМП-578 в основном оттуда же, из Белоруссии.

Когда мы с Зориным собрались уезжать со стройплощадки, появились Иван Дмитриевич Бугай и Вася Журавский. Начальник приехал посмотреть, как идут дела на его главном объекте, Вася — созвать строителей после смены на комсомольское собрание. Вася стал комсоргом поезда, дома — главой семьи. Но по-прежнему немногословен, внешне даже медлителен, хотя забот и ответственности прибавилось. Посмотришь на него — тебе покажется, что он в задумчивости приглядывается со стороны к тому, что происходит вокруг него. Но на самом деле он активен, авторитетен. А дома — хозяин. Спокойный, уверенный, уважаемый. Заботливый муж и отец прелестной дочки, такой же пшенично-белокурой, с таким же ярким румянцем.

Иван Дмитриевич Бугай, закончив обход объекта, вместе с Васей сел в нашу машину.

— Управимся,— выдохнул с облегчением Иван Дмитриевич.

Я поняла, о чем он. В Золотинку хотели прислать еще один СМП, чтобы успешнее выполнить взятое обязательство — досрочно привести дорогу на Беркакит, к Нерюнгри. Но Бугай воспротивился: «Нам не надо помощников, управимся сами, добавьте только средства на жилье, школу и детский сад, все сделают наши люди». Настоял на своем, но, видно, втайне побаивался, не лишку ли взял на себя, на свой коллектив. И вот каждый день, возвращаясь с объектов, сам себя подбадривал: «Управимся».

— Что будет с временной Золотинкой,— спросила я Ивана Дмитриевича,— когда завершите работы?

— Часть домов оставим эвенкам, совхозу «Золотинка»,— ответил Иван Дмитриевич,— в благодарность за дружбу, за оленину и молоко для наших детей. Остальные разберем и увезем с собой на новый участок стройки, видимо в Чару. Послужат еще нам до конца своего срока — пятнадцать лет.

Машина наша неслась уже по АЯМу. Я оглянулась назад. Просто не верилось, что через какие-то несколько месяцев на ровной площадке-выемке, вырванной у скалы, вырастет еще одна Золотинка. Уже постоянная. Железобетонная. Станция Байкало-Амурской магистрали.

6

Мы ехали в машине на юг, к самой границе с Амурской областью, к разъезду Якутский. Параллельно АЯМу, то справа, то слева, то обрываясь в пересечении с ним, виднелись приметы будущего БАМа: выемки, насыпи на склонах гольцов, мосты на высоких ногах в распадках над реками, бетонные трубы, там, где путь пересекают мелкие речки, ручьи, стоки болот, топей и родники, рождающие зимой зловредные наледи. Проехали мимо Нагорнинского тоннеля. Там ритмичнее идет работа, чем раньше. Горняки приспособились постепенно к норову мерзлоты. Медленно, но верно продвигаются с юга и севера бригады друг другу навстречу. Потом закончат бетонирование, отделку тоннеля, путейцы уложат рельсы — сдадут труднейший объект центрального участка БАМа.

Рельсы. Что особенного в них? Мы привычно разъезжаем по железным дорогам, отправляясь в командировку, в гости и в отпуск. Стук вагонных колес — будничная музыка в наше время. Но при виде рельсов разъезда Якутский, честное слово, испытываешь волнение. Это первые рельсы на земле Якутии, пришедшие из-за Станового хребта, из Тынды Амурской области.

Торопливо вышла я из машины, почувствовав под ногами твердейший наст. Валил с ног шквальный ветер. Одолевая силу его, приблизилась к рельсам. Сняла на мгновение рукавицу, прикоснулась к обжигающе ледяному металлу. Не знаю почему, но мне захотелось притронуться к ним, первым рельсам Якутии. Может, потому, что воспринимались они тут как бы явившимися из небытия по мановению сильного духа. Среди снежных равнин высились горы. Величественные, могучие. А в Становом хребте, в самой высокой его гряде, прорублен коридор. И из него словно выстрелены две стальные стрелы — прочно легли рельсы.

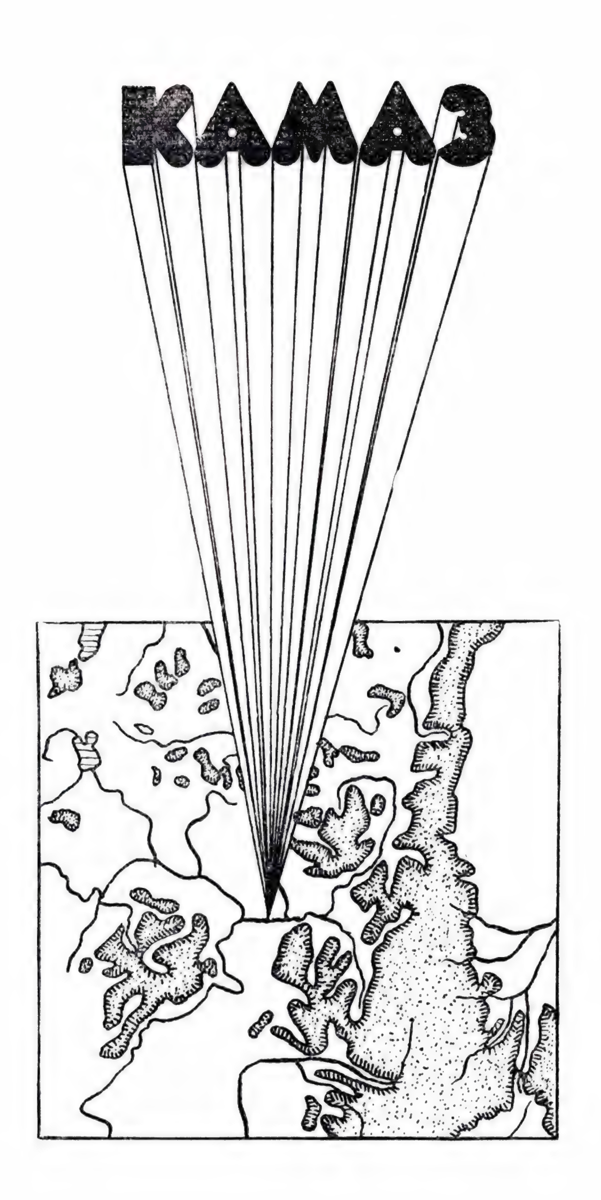
А может, испытываешь волнение совсем по другой причине. Ведь это — дело рук людских. «Золотое звено» — двадцать пять метров железной дороги, положенные на якутскую землю в тот торжественный исторический день 2 ноября 1976 года лучшими из лучших, победившими в соревновании.

Это они строят великую магистраль, пробивают ей путь сквозь гранит, тайгу, болота, реки и наледи, спо-

рят с вечной мерзлотой, одолевают ее. Им нипочем сибирская стужа, летний зной, трудности, выпадающие на долю первопроходцев. Как знак памяти им стоят на вершине два белых сэргэ — символические коновязи для амурского скакуна и для якутского. Сосед примчал на стальном рысаке к своему соседу.

Могучую силу дружбы народов прославляют два белых сэргэ, воздвигнутых на вершине Станового хребта.

Тогда были положены первые рельсы на якутской земле. А в канун 60-летия Великого Октября над Беркакитом раздался первый гудок локомотива. Прибыл поезд из Тынды. Раньше срока, на четырнадцать месяцев раньше.

КАМАЗ

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

1974 год. Июнь

1

Большие стройки всегда ошеломляют обилием техники и людей, мощным темпом, шумом, ощущением постоянного, непроходящего аврала. Но такой грандиозной стройки, как в Набережных Челнах, не доводилось мне видеть. (На БАМ я попала позднее, к тому же строительство железнодорожной магистрали растянуто в длину на три с лишним тысячи километров.) На КамАЗе трудно сразу охватить размах стройки, понять, сколько же тут объектов, какой из них важнее, какая организация строит его. Но ясно было сразу, что все республики, края и области страны так или иначе участвуют в строительстве автогиганта — создают по заказу КамАЗа продукцию высшего класса, новейшую. Почти всюду в Челнах, знакомясь с той или иной техникой, слышишь: «Учтите, самое мощное в мире...», «Самое скоростное...», «Впервые в мире».

Я переходила от объекта к объекту, пытаясь увидеть все своими глазами, вникнуть в суть новейших методов строительства — буронабивных свайных фундаментов и крупноблочного конвейерного монтажа перекрытий основных промышленных корпусов.

В стенах пустого еще прессово-рамного завода, одного из семи предприятий будущего Камского комплекса по производству автомобилей большой грузоподъемности, никак не могла представить себе тот мультимощный пресс, который должен штамповать детали под чудовищным давлением — 6000 тонн. Под крышей не достроенного еще автосборочного завода не верила, что

возможен цех такой величины — сорок гектаров, хотя прошагала его вдоль и поперек. Но потом воображение нарисовало две автоматические линии, виденные в макете, представила, как из разных деталей постепенно возникает красивая мощная машина с маркой «КамАЗ». Подумала: насколько же «КамАЗ» будет сильнее нынешних грузовиков? Средняя грузоподъемность автомобилей по стране четыре тонны. Значит, в 2 раза. В этом цехе проектируется создание и автопоездов, которые потянут по дорогам грузы в двадцать тонн. Сто пятьдесят тысяч машин-силачей будет выходить ежегодно из этих ворот. К 1980 году они увеличат в несколько раз весь парк грузовиков страны.

Ради Камского комплекса строились крупнейшие заводы-спутники в Красноярске, Ярославле, Димитровграде Ульяновской области и в других городах. Они призваны поставлять КамАЗу рессоры, тормозную и топливную аппаратуру, компрессоры, амортизаторы, гидрорули, радиаторы, отопители, электро- и другое оборудование для грузовиков.

Начав знакомство с тем или иным камазовским объектом, сразу погружаешься в масштабное, новое, непонятное и интересное. Но приходится спешить: объектов множество, а хочется увидеть все, почувствовать дыхание огромной стройки.

Однажды мне пришла в голову счастливая мысль — взглянуть на КамАЗ через РУС.

2

РУС — это районный узел связи. Так принято было тогда называть здесь почту, телеграф, междугородний телефон. (С 1977 года РУС переименован в ПТУС — производственно-технический узел связи.)

Оказавшись в любом новом городе или селе, первым делом ищешь почту, телеграф, переговорный пункт. Они посредники, мосты, каналы связи между твоей командировочной жизнью и той стабильной, что осталась в столице и продолжается без тебя. Как ни занята я была на КамАЗе, но и тут в первые же дни навела свой мост — через РУС. Куда бы ни спешила, откуда бы ни возвращалась, непременно выкраивала пять — десять минут, чтобы завернуть на РУС, всегда полный народу.

В зале, где работала почта, за стойкой с надписью «До востребования», неизменно стояла милая, улыбчивая девочка Люда, открытая, приветливая. Платьица любила она носить с белыми воротничками — привычка школьницы: лишь в прошлом году Козыревой вручали аттестат. Увидев один раз нового посетителя, она уже запоминала его фамилию. Документ даже не спрашивала. И это так приятно, так по-дружески, словно появилась у тебя в Челнах родная душа.

— Вам сегодня много,— отбирает она для меня письмо за письмом и улыбается радостно, будто ей самой пришло столько посланий от близких.

А на следующий день, внимательно перебрав пачку корреспонденции, Люда улыбается по-иному — и виновато, и ободряюще:

— Пишут.

Славная девочка переживает из-за меня, подбадривает:

— Зайдите перед закрытием. Может, с вечерней доставкой будет.

Это РУС.

Телеграмму дала: «Позвоню завтра двадцать» — навела мосты.

Это тоже РУС.

Поговорила с домом. Там полный порядок.

И это РУС.

Хожу теперь сюда не только как клиент. Каждый день являюсь. Рано утром поднимаюсь в отдел доставки телеграмм. Бригадир уже на месте. Сания Бахтемировна Кильфанова. Ей около пятидесяти лет. Она единственный пожилой человек в отделе доставки, где работают семнадцати-восемнадцатилетние девчушки. Своего бригадира они зовут тетей Соней. Она для них словно мать: воспитывает, опекает, учит уму-разуму. Делает это тепло и тактично. Вот одну девушку журит, отведя в уголок, за то, что та вчера не доставила телеграмму, «встречную»,— не нашла адресата. Девушка готова расплакаться.

— Ну-ну,— мягко треплет ее по плечу тетя Соня.— Я повезу сейчас сама. Может, еще и мне не удастся найти. Бывает.

Другую доставщицу громко хвалит за то, что вчера задержалась после смены, помогла подруге, которая не успела развезти все телеграммы.

Наконец тетя Соня раздала задания бригаде, и мы сели вдвоем в «Волгу»-такси, арендованную РУСом, потому что своих машин не хватает.

Выехали из поселка КамГЭС и помчались по автостраде.

Женя, шофер, вспоминает, как раньше, когда не было еще этого шоссе, машины часами сидели в грязи после любого дождя, а на стройплощадках начинались простои. Тетя Соня поддакивает, а сама раскладывает телеграммы по порядку, какие раньше надо доставить, какие — позже. Самой первой лежит у нее вчерашняя, недоставленная: «Набережные Челны поселок Автозаводец дом 3/15 Самсонову Приеду седьмого встречай мама». Телеграмма из Лоймалы Карельская АССР. Я бывала в этом западном леспромхозовском поселке. Выбираться оттуда не просто. До прихода московского поезда на станцию, ближайшую к Челнам, осталось четыре часа. Надо найти еще этот дом 3/15, без указания улицы, и застать Самсонова, чтобы он успел вовремя добраться до вокзала.

— Может, мать у него старенькая. Обязательно едет с гостинцами, нагруженная,— рассуждает вслух тетя Соня, сортируя телеграммы.

— Клюкву везет, бруснику моченую,— продолжаю я,— грибы — соленые, сушеные. Этого добра в карельской тайге много. И еще, наверное, везет сыну калитки.

— Калитки? Как? Зачем? — в удивлении поднимает на меня взгляд тетя Соня.

— Так называют карельские пироги,— пояснила я.

— Нельзя, чтоб пироги зачерствели,— говорит тетя Соня, улыбаясь, а в глазах у нее беспокойство и нетерпение: когда же, наконец, подъедем к Автозаводцу?

Вскоре показался поселок. Он состоял из вагончиков. Как будто много-много составов расформировали на сортировочной горке, чтобы потом вагоны собрать опять в поезда, которые покатят в разных направлениях. Так кажется издали. А вблизи видишь: никуда они не двинутся. Вагоны не транспортные — жилые. Там кухня, комнаты с обычной мебелью — у кого получше, у кого поскромнее.

Раньше не было улиц в Автозаводце. Теперь появились. На каждой из них мы с тетей Соней искали

дом 3/15, спрашивали про Самсонова. Наконец нашли его комнату — с замком на двери.

— Где он работает? — спросила тетя Соня соседку.

— А кто его знает. Вроде говорил про Гидромонтаж. Шофер он. На грузовике.

И мы поспешили к управлению Гидромонтажа. Самсонов у них не работает. Ошибка.

Тетя Соня вздохнула огорченно и пошла к машине, по дороге перебирая оставшиеся телеграммы. Мы доставляли их в учреждения и на квартиры разных поселков. И всех тетя Соня расспрашивала о Самсонове. Наконец повезло, узнали, что работает он в АТХ — автотранспортном хозяйстве. Мы поехали туда. Тетя Соня вручила телеграмму Самсонову, двадцатитрехлетнему крепышу. До прихода поезда оставалось еще два часа.

За несколько дней помогая развозить тете Соне телеграммы, я освоила географию КамАЗа. Кроме поселка КамГЭС, хорошо уже знакомого (там и горком партии, и гостиница, и РУС, и многие управления), не раз побывала в Новом городе с двенадцатиэтажными домами, стоящем в степи, в стороне от автотрассы; и в поселке завода ячеистого бетона, выстроенном из пятиэтажных одинаковых коробок; и в старом городе Набережные Челны, и в деревне Орловке, в которой хозяева потеснились для строителей; и в поселках из вагончиков, имевших символические названия: Надежда, Энтузиасты, Молодежный, Автозаводец.

Ездили мы с тетей Соней и на стройплощадки каждого из пяти строящихся заводов Камского автокомплекса: литейного, кузнечного, прессово-рамного, дизельного и автосборочного. Заворачивали на ремонтно-инструментальный завод, который уже построен и работает. (Один колесный остался у нас «неохваченным»; его возводят в сорока километрах от Набережных Челнов, в городе Заинске.) Только тогда в полной мере я прочувствовала, что такое сто квадратных километров промышленной площадки КамАЗа. Только тогда на меня перестали давить своими масштабами и значительностью будущие заводы Камского комплекса. Наверное, потому, что не была наблюдателем со стороны, а приходила по делу — помогала доставлять деловые телеграммы: «Машины серии... вам отправлены», «Встречайте двадцать контейнеров оборудования», «Наладчик

Кузнецов выехал». И уже отчетливо могла представить, что литейный завод будет самым крупным в мире, ежегодно выдавая по 600 тысяч тонн различного литья. Корпуса его размахнулись внушительно. Длина цеха серого и ковкого чугуна — 900 метров — сделалась для меня сразу понятной, когда в поисках адресата пришлось подняться на крышу. Строители не ходили по кровле пешком: долго и утомительно. Ездили на велосипедах и мотороллерах. На дизельном заводе больше не изумляла цифра 250 тысяч дизельных двигателей в год. Воспринимала ее как само собой разумеющуюся, в мире нет автокомплексов, равных по масштабам КамАЗу.

Разобралась наконец, какие строительные организации участвуют в великой стройке КамАЗ: КамГЭСэнергострой, Татэнергострой, Спецстрой, Промстрой, Металлургстрой, Главмосстрой, Жилстрой, Минмонтажстрой, Татэлектромонтаж, Стальмонтаж, Спецкультбытстрой, Промвентиляция, Гидромонтаж, Стальконструкция, Спецжилстрой, Автозаводстрой, Союзшахтспецмонтаж, КПД (комбинат панельных домов), БСИ (база строительной индустрии), УСГ (управление строительства города), ЗЯБ (завод ячеистого бетона), УПТК (управление производственно-технической комплектации), ПСО (плавстройотряд) и множество других. Все гигантские цифры, которыми оперирует великая стройка КамАЗ, стали понятнее. Цифры весомые, неслыханные ранее. За четыре года (1970—1973) освоено 1 миллиард 120 миллионов рублей капитальных вложений. Выстроены ремонтно-инструментальный завод, первая очередь ТЭЦ, два завода силикатного кирпича, бетонный завод, первая очередь комбината панельных домов, поднялись корпуса шести главных заводов автокомплекса, хлебозавод, гормолзавод, двадцать магазинов, множество столовых, девять школ, десять детских садов, широкоэкранный кинотеатр, Дворец культуры «Энергетик», двести пятьдесят два жилых дома общей полезной площадью миллион четыреста тысяч квадратных метров, проложено двести пятьдесят восемь километров автомобильных и железных дорог.

РУС помог мне понять все это.

РУС необходим не только командировочным. Сто шестьдесят пять тысяч было тогда населения в Набережных Челнах (ныне — 275 тысяч человек). Девять десятых из них — приезжие. Где-то остались их род-

ные, друзья и приятели. Со всеми у них связь через РУС.

Из смены в смену сижу теперь в зале рядом с телеграфисткой-кассиром Ниной Зыбиной. В свои двадцать два года Нина имеет стаж самый долгий на РУСе — целых пять лет. Если не считать тетю Соню, начальника РУСа Ахвадеева и еще двух-трех работников, а поглядеть на основной состав коллектива, то увидишь, что Нина — «старая» среди них. Молод город, молод пятилетний РУС. Нина — из местных; родилась и выросла в старых Челнах. Но трудовая биография ее началась вместе со стройкой — от почтальона по доставке телеграмм до телеграфистки 1 класса. Нина отмечена многими званиями: «Лучший по профессии», «Победитель социалистического соревнования», «Ударник коммунистического труда». Ее портрет — на Доске почета. Она избрана депутатом горсовета.

Нина любит свою работу. Ей больше нравится в кассовом зале, чем в аппаратной. Это понятно: приходят люди, можно помочь им.

Служебные телеграммы разлетаются с РУСа повсюду: «Шлите детали», «Ждем транспорт», «Нужны вагоны», «Получили восемьдесят контейнеров», «Линия пущена», «Шлите рабочий проект», «Рекламаций нет». Около ста научно-исследовательских институтов и проектно-конструкторских организаций участвуют в камазовской стройке, 5000 заводов, комбинатов, фабрик — поставщиков строительных материалов и конструкций. Вся страна в той или иной мере помогает создавать гигантский комплекс заводов по производству большегрузных автомобилей. Идет оборудование на КамАЗ и из-за рубежа. Телеграммы отправляются в США, ГДР, ФРГ, Швейцарию, Японию, Чехословакию, Бельгию, Голландию, Италию, Англию.

Широкая география. Освоить ее помог мне РУС. Теперь можно детально знакомиться с КамАЗом.

3

РИЗ — ремонтно-инструментальный завод — привлек мое внимание прежде всего потому, что в то время он уже действовал. К 1974 году закончена была первая очередь его строительства (к 1978-му завершена вторая).

На скоростном бесшумном трамвае добралась я до РИЗа за сорок минут. Производственная площадка удалена от жилых массивов, чтоб рабочим спокойно отдыхалось в тишине.

Переступив порог заводской проходной, оказалась в просторном, светлом, высоком здании. Никаких перегородок между цехами, участками. Все производство под единой крышей. Много света и воздуха. Две противоположные стены — целиком из стекла. Две другие — длиной чуть не полкилометра — алюминиевые, рифленые. Отражая свет, они дают как бы дополнительное освещение. Станки стоят аккуратными рядами, в проходах снуют ярко-красные автокары, тупоносые легкие грузовики, над головами движутся мостовые подъемные краны.

На один из них я взобралась по лесенке — к бригадиру крановщиков Галине Александровне Арнаут. Мне захотелось сверху увидеть весь РИЗ.

Кран поплыл, вызванный снизу рабочим. Такое впечатление было, что летим мы на вертолете низко над городом, четко спланированным. Во всю длину заводского корпуса пролегли пролеты-улицы. Их пересекли короткие переулки, образуя кварталы. Вместо домов — массивные станки спокойно-зеленого цвета, серые шкафы для оргоснастки, кабинеты начальников цехов и мастеров, затянутые полиэтиленовой пленкой. Каждый угол на перекрестке пролетов-улиц отмечен низким барьерчиком в оранжево-черные полосы, загодя настораживая водителей и пешеходов: будь начеку, не столкнись, не сбей. Право, сверху завод похож на город — разлинованный, новый, красивый.

Галина Александровна рассказала мне, что́ было тут в 1972 году, когда она пришла на работу. Корпус завода уже возвели. Но внутри и снаружи были теснота и полнейшая неразбериха. Вагончики, вагончики, сотни, тысячи их под крышей завода и за его стенами, громадные контейнеры со станками. Беготня, суета — полнейший сумбур, из которого, казалось, никогда не вылезти. Выбрались. И в короткие сроки. Круговерть постепенно улеглась, хаос кончился, наладились порядок и четкость. Единая музыка слышна теперь под заводской кровлей. Ритмичная, почти маршевая. Бесшумно работают лишь мостовые краны. Они переносят в нужное место тяжеловесные заготовки, ящики с оргоснасткой

снимают тяжести с подкатившего грузовика или автокары, помещая туда готовую продукцию или трехгранные открытые контейнеры с мусором, отходами. Сброшенные грудой металлические стружки — спирали синего, желтого, лилового цвета — смотрятся как композиции, созданные художником для украшения кварталов. Трудятся краны неутомимо, вместе с внутренним транспортом, автоматическими загрузчиками доставляют все, что нужно, когда и куда надо. И так будет на всем Камском автокомплексе. Уже сейчас продумывается, проектируется четкая организация транспортных коммуникаций на короткие расстояния, чтобы экономить время, а главное, избавить людей от тяжелых неквалифицированных работ.

На КамАЗе успешно решается одна из сложнейших задач современности — ликвидация ручного труда, в котором занято пока немало городских и сельских рабочих, в основном во вспомогательном и обслуживающем производстве. В социальной программе партии, принятой на XXV съезде КПСС, первыми пунктами записаны задачи коренного улучшения условий труда, и прежде всего повсеместной механизации производственных процессов.

На РИЗе высоко, под самым потолком, работают тридцать два мостовых крана. Из каждой кабины сверху выглядывает по юной девичьей головке. Две косички вразлет, или короткая, «под мальчишку», стрижка, или длинные волосы, стянутые на макушке в тяжелый «конский хвост». Девушки улыбаются — работают с удовольствием. Внизу токарь, он же стропальщик, застропалит массивную заготовку, махнет крановщице условное «вира», подымет голову и замрет, завороженный, не в силах оторвать взор от белозубой улыбки ее. Тишина разом упала на весь завод. Обеденный перерыв. Рабочие потянулись в столовую, которая расположена под этой же крышей, но за алюминиево-рифленой стеной, за которой есть уже перегородки и перекрытия, стены, лестницы и этажи — помещения заводоуправления, служб и отделов, лаборатории, бытовки, раздевалки, библиотеки. И два зала столовой на 2800 мест.

В столовой — никаких очередей, никакой толкотни. Кассы нет: оплата производится за месяц вперед. Каждый рабочий идет прямо к постоянному персональному

месту за столом на восьмерых, где ждут его закуска, хлеб, десерт и супница с горячим первым под крышкой. А официантки уже развозят второе блюдо на многоэтажных тележках. Так отрадна эта забота о людях, эта продуманность, организованность, отсутствие очередей, из-за которых мы часто страдаем, теряя уйму дорогого времени, а заодно и нервов! В ризовской столовой за 10—15 минут заканчивают обед одновременно почти три тысячи человек.

...Я хожу по пролетам-улицам, любуясь на диво-завод, чистый, аккуратный. То остановлюсь за спиной рабочего, наблюдая за четкостью его движений. То задержусь перед внушительным станком густо-зеленого цвета и читаю название фирмы на станине. Много иностранных станков. Отечественные поступают сюда из Витебска, Клина, Коломны. То подолгу стою возле участка фрезеровщиц — молоденьких, в красных косынках, как маки в поле среди зеленых станков. Девушки работают споро. Очень споро — красный вымпел красуется над их участком.

Подхожу к молодому инженеру, склонившемуся над чертежами, которые разложены на легком металлическом столике рядом с молчащим станком. Боясь помешать, останавливаюсь рядом и наблюдаю. А инженер, рассеянно кивнув мне, посторонней, любопытствующей: мол, извините, не могу отвлечься, занят, опять углубляется в листы технической документации, что-то считает с логарифмической линейкой, потом подходит к станку, крутит гайки, заглядывает снизу в беспокоящий его узел и снова возвращается к чертежу. После смены мы знакомимся.

— Лауков Алексей Иванович,— тщательно вытерев паклей руки, здоровается он,— фрезеровщик пятого разряда.

— Признаться, я приняла вас за инженера.

— Значит, буду им,— шутит Алексей.— А пока приходится учиться в заочном техникуме, чтобы получить шестой разряд.

— Заставляют?

— Да,— улыбается он.

— Кто заставляет? Комитет комсомола? Завком?

Лет пятнадцать назад, когда меня после университета по распределению направили в школу рабочей молодежи, мы частенько через общественные организации

давили на некоторых рабочих: не пойдешь учиться — не повысят разряд. Толку от такой «агитации», как правило, было мало. У нас оставались только те, кто сам стремился к знаниям. Но нам искренне хотелось всем рабочим дать среднее образование.

— Завком? — переспросил Алексей, убирая инструмент в шкафчик.— Нет, что вы. Научно-техническая революция.

Мы шагали с Лауковым по заводскому пролету, направляясь к бытовкам.

— Каждый из нас, ризовцев, испытывает на себе влияние научно-технической революции,— сказал Алексей.

— Так уж и каждый? — не удержалась я.

— Верно-верно, каждый,— повторил Алексей.

Он то и дело кивал знакомым, перебрасывался с ними двумя-тремя словами, а повернувшись ко мне, пояснял, где кто учится:

— Вот этот парень в одиннадцатом классе ШРМ. Привет, Фарид! — помахал Алексей рукой приятелю.— Тукшаитов, тоже фрезеровщик,— повернулся он ко мне,— кстати, тоже учится. Но в институте. На третьем курсе.

— Хочет стать инженером?

— Не думаю,— ответил Алексей.— А впрочем, как знать. Пока ему нужны знания, чтобы освоить новый станок. С программным управлением. У нас много таких станков. Мой нынешний, копировальный, оптический, требует знания физики, умения читать чертежи.— И принялся Алексей подробно разъяснять мне, чем отличается его новый станок от старого, на котором он работал на прежнем заводе. Но, заметив, что я мало разбираюсь в технических тонкостях, заключил:

— Словом, небо и земля. Новый — производительнее, точнее, в управлении гораздо проще. Но простота в работе зависит от сложности устройства. Закапризничает — тут уж держись! Без знаний не приведешь его в чувство. Без знаний не сумеешь и обходиться с ним так, чтобы он не выходил из строя.

Мы давно уже стояли у входа в бытовку. Я заметила это только тогда, когда народ повалил из нее. Люди умылись, переоделись, а мы все толковали у двери. Я стала поспешно прощаться с Алексеем, усовестившись, что задерживаю его.

— Ничего, ничего. Сегодня я занимаюсь дома,— ответил он.— Завтра мне во вторую смену.

На следующий день я наметила пойти в отдел кадров. Возьму там точные данные, кто где учится и много ли таких, каков вообще образовательный уровень рабочих РИЗа.

Я знала, что РИЗ переживает стадию становления, оснащается новейшим оборудованием — по последнему слову отечественной и мировой техники, что назначение завода шире его названия: фактически это — машиностроительное предприятие, ибо здесь производят несерийные станки, автоматические линии для всего автокомплекса, уникальные детали крупногабаритного оборудования, инструмент и оснастку (будут и ремонтировать самые сложные линии и станки КамАЗа, мелкий же ремонт доверят заводам). Понимала, что РИЗу нужны высокой квалификации рабочие. Сразу много. Но не ожидала все же, что таким высоким окажется образовательный уровень рабочих. Больше половины рабочих завода — со средним и среднетехническим образованием. А те, кто по каким-то причинам не закончили в свое время какое-либо учебное заведение, учатся. Основная масса рабочих занимается на курсах технического обучения. Завод направляет рабочих на полгода-год стажироваться на предприятия Москвы, Тольятти, Минска, Казани, Волгограда, Куйбышева, Брянска, Ярославля и многих других городов, где организованы учебные базы. И на самом РИЗе действуют курсы, где можно получить новую профессию или повысить квалификацию. Причем интенсивность обучения не падает, потому что готовят уже кадры для второй очереди РИЗа, который еще только начнут строить.

Действительно, весь завод учится. И не только РИЗ. Для остальных будущих предприятий тоже набирают, обучают штат. Посылают осваивать оборудование прямо на заводах-изготовителях, в том числе и зарубежных. Многие станки и автоматические линии создаются специально для КамАЗа. Они уникальны. Это завтрашний день мировой техники.

Выходит, нет никакого преувеличения в словах Лаукова: «Каждый из нас, ризовцев, испытывает на себе влияние НТР». В наше время научно-техническая революция вызвала подлинный взрыв, переворот в области образования. Это она поставила рабочих к слож-

ным станкам. Сделала труд их интересным, привлекательным, умным и тонким. Это она подталкивает их: учитесь, учитесь всегда, потому что придет пора, когда новое оборудование повсюду будет создаваться с таким расчетом, чтобы время от времени менять технологию и без реконструкции переходить на выпуск новых видов продукции. Необходимо постоянно учиться, совершенствоваться профессионально или менять профессию, если в прежней твои возможности исчерпаны. И расширять свой общий кругозор. Это мы уже видим на КамАЗе. Рабочие имеют все условия для этого. В любой момент рабочий может поступить на курсы, в техникум, в институт. С отрывом или без отрыва от производства — как ему будет лучше. Право на образование гарантировано в нашей стране Конституцией, оно обеспечено широкой сетью учебных заведений и льготами для учащихся.

Образовательный индекс рабочих КамАЗа — самый высокий в автомобилестроении. Это видно и по данным РИЗа. Пятьдесят три рабочих имеют диплом инженера, но не уходят от станка.

Мне захотелось поближе познакомиться с кем-нибудь из рабочих, имеющих высшее образование.

В отделе кадров наугад взяла три фамилии: Анатолий Александрович Самченко, Юрий Иванович Кожевников и Фуат Гумерович Хисамов.

Несколько смен я провела возле Анатолия Александровича. Наблюдала за его работой. Подружилась с ним, но не сразу решилась задать ему один вопрос:

«Почему вы не инженер, а рабочий? Ведь есть диплом?» — «Мне за станком интересно».

И спокойно доказал. Убедительно. В Набережные Челны Анатолий Александрович приехал в 1970 году. В его биографии наступал новый этап. Рабочий-машиностроитель с двенадцатилетним стажем, он только что окончил вечернее отделение Саратовского политехнического института, получил диплом инженера.

На КамАЗе Самченко с радостью приняли в отдел технического обучения. Великая стройка только начиналась. Рыли первые котлованы, забивали первые сваи фундаментов. Но уже стали готовить кадры, чтобы не стояли потом безмолвно станки, ожидая специалистов. Анатолий Александрович понимал — важное дело подбирать толковых ребят после школы или из армии и

посылать их на заводы страны для приобретения профессии, и кадровых рабочих посылать для того, чтобы переучивались работать на новых станках. Выезжали они группами по тридцать человек во главе с мастерами. Анатолий Александрович был старшим. Через год его перевели в отдел кадров РИЗа старшим инженером по техническому обучению.

Поездки по городам, знакомство с разными предприятиями, с новыми людьми, сознание, что на твоих глазах рождается рабочий человек,— все это было интересно. Но надоели сводки, списки, отчеты, ведомости. Не лежала к ним душа, непривычно было сидеть над ними. Нестерпимо тосковали руки по инструменту. И очень тянули к себе новые станки, которые видел в Тольятти. Они поступали уже на РИЗ. И вот однажды Анатолий Александрович дрогнул. Он, руководитель технического обучения, сам подался в ученики — поступил на курсы наладчиков автоматического оборудования. Вернулся оттуда, из Тольятти, через год наладчиком шестого разряда. Сейчас осваивает швейцарский станок для изготовления кулачков.

Я наблюдала, с каким удовольствием возится он с настройкой станка. Глядит на него благоговейно.

— Весь на гидравлике,— объясняет он мне.

— А знания ваши, институтские, пригодились? — спрашиваю.

— Конечно. Такая тонкая это штуковина,— поглаживает станок.— Чтоб отладить его, настроить, надо разбираться в составе сталей, а марки их часто меняются, в механических свойствах металла, в технологии. А чертежи поглядите какие размудреные!

— Ну а не было ли вам обидно,— осторожно спрашиваю я,— что не получился у вас переход из рабочих в инженеры?

— Поначалу задевало самолюбие,— признался Самченко.— Но станочек-то у меня такой, что не всякий инженер разберется в нем.

— Зато инженер знает принцип устройства многих станков.

— И я тоже,— добавил Юрий Иванович Кожевников.

— Но ваши знания находят слишком узкое применение.

— Отнюдь нет,— возразил он,— я помогаю рабочим

нашего цеха, которые осваивают новую профессию. Кто я в этом качестве, по-вашему?

Стираются грани между физическим и умственным трудом. На КамАЗе это видишь сплошь и рядом. Совершается научно-техническая революция. В производство внедряются новейшие достижения науки и техники. Рабочий стремится к знанию. Не будешь учиться — лишишь себя интересной, престижной работы, отстанешь от жизни.

На КамАЗе отчетливо видишь: все теснее и теснее становятся экономические связи стран СЭВ. Токарные станки пришли из ГДР, горизонтально-расточные и стеллажные погрузчики — из Чехословакии. Расширились и деловые контакты с капиталистическими странами. Известные фирмы Швейцарии, ФРГ, США, Англии, Италии, Японии, Бельгии, Франции, Голландии, Дании поставили ремонтно-инструментальному заводу КамАЗа сто тридцать семь новейших станков.

На РИЗе иностранные наладчики работают бок о бок с советскими: монтируют, налаживают, настраивают станки. Так, Анатолий Самченко две недели работал с швейцарским шеф-механиком Шустером Хаггеном.

А мой другой знакомый,— рабочий Николай, несколько дней налаживал очень тонкий станок, работающий с точностью до тысячных долей миллиметра со своим напарником, французом Жаном.

Жан нахваливал мне Колю, который в это время еще не вернулся с обеда.

— Образованный молодой человек. Хорошо разбирается в электронике,— переводила мне молоденькая переводчица Люда.— Коля окончил техникум,— добавила она от себя.

Станок, который налаживали Жан и Коля, с программным управлением. Рабочий будет только составлять программу, а станок автоматически решит задачу: настроит деталь, переместит ее, сделает замеры, просверлит и т. д. Без знания математики, программирования с ним делать нечего.

— Несколько дней нам с Колей не поддавалась настройка одного узла,— продолжала переводить Люда.

— Барахлил,— сказал Жан по-русски и улыбнулся, довольный. Потом продолжал по-французски. Говорил темпераментно, торопясь мимикой, жестами раньше Людиного перевода донести смысл своих слов: — Коля,

а не я доискался, как отрегулировать микродетали. Вместе мучились, но однажды он принес из заводской технической библиотеки вот такую гору книг,— Жан показал руками.— Читал-читал, волосы ерошил,— взлохматил себя Жан.— Потом как закричит во все горло: «Эврика!» Сообразил, что́ надо было сделать. Теперь порядок. Грамотный Коля человек, образованный. А рисует как! Я у него был в гостях. Портреты, пейзажи, бытовые и производственные сюжеты... Острый глаз. Интересно видит мир. Кончил художественную школу. Бесплатно. И на гитаре играет. Поет хорошо. Русские народные, а меня порадовал песнями Жильбера Беко. Коля занимается музыкой во Дворце культуры. Тоже бесплатно.

У вас много денег тратится на личность. Очень много. Ваши рабочие ничего не платят.

В это мгновение загудели, зажужжали станки — кончился обеденный перерыв. Разговор наш пришлось прервать. Появился разгоряченный, разрумянившийся Коля: он успел поесть и сыграть с товарищем партию в пинг-понг. Наладчики вновь приступили к работе.

Когда кончилась смена, мы продолжили свой разговор с Жаном и Колей.

— Неизбежны затраты не только на технику, научные исследования и разработки,— говорила я,— но и на создание, если можно так сказать, новой личности труженика. Образованного, всесторонне развитого. Наше государство не жалеет на это средств, идет на эти траты умышленно.

Если бы такая беседа состоялась не в семьдесят четвертом году, а после 7 октября семьдесят седьмого года, я бы непременно подчеркнула, что это зафиксировано даже в Конституции, Основном Законе нашего общества. Процитировала бы Жану:

«Статья 20. В соответствии с коммунистическим идеалом «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности».

Всестороннее развитие личности — это объективная закономерность для общества, строящего коммунизм. Партия и правительство создают для этого все условия.

Так принято в нашем обществе. В обществе развитого социализма, в котором главной ценностью является человек. На удовлетворение всех его потребностей и запросов нацелено все. Доступность образования, широкая сеть культурно-просветительных учреждений, клубов, кружков самодеятельности позволяет любому советскому труженику пробовать свои силы, где он захочет, развивать свои способности и наклонности.

В этом смысле показательной мне кажется судьба и Фуата Гумеровича Хисамова, третьего рабочего с инженерным дипломом, выбранного мной в отделе кадров РИЗа.

Хисамов работал наладчиком пятого разряда в лаборатории промышленной электроники отдела станков с программным управлением. Он имел дело с электроникой, высшей математикой. Его рабочая профессия требует вузовских знаний. Хисамов их и получил, окончив ленинградский институт.

В коридоре заводоуправления в первый же день нашего знакомства с Фуатом встретилась нам девушка, веселая, хорошо одетая.

— Здравствуй, Федя! — радостно приветствовала она Фуата, которого иногда зовут на русский манер.— С возвращением! Уже кончился отпуск?

— Как видишь,— суховато откликнулся он.

— Ты загорел,— не обращая внимания на его сдержанность, льстила она ему.

Мне было трудно понять, загорел или смуглый от природы Федя. Он небольшого роста, но по-спортивному ладный (имеет второй разряд по гимнастике, третий — по штанге).

— Неужели загорел? Все время был дождь,— ухмыльнулся Федя.

— Может, от ветра,— несколько растерялась девушка, но тут же нашлась, перевела разговор на другую тему: — Когда начнешь свои среды?

— Послезавтра,— несколько смягчился парень.

— Что за среды? — спросила я Федю.

— Музыкальные. У меня дома,— ответил он.

Девушка, заглядывая ему в лицо, робко спросила:

— Мне можно прийти?

— Как всегда, двери открыты для всех, знаешь ведь. Однако учти: легкой музыки не будет. Паганини, Бетховен. Не уснешь?

— Не-ет,— откликнулась девушка.— Так я приду?

— Давай.

Когда Зина скрылась из виду, я спросила у Феди, отчего он был таким суровым с ней.

— Вертихвостка,— махнул он рукой.— На КамАЗе с девицами держи ухо востро. Много непутевых, неустроенных.

— Вот тебе раз!

— А что удивляться? Крупная стройка. Почти все приезжие. А кто срывается с места? — философствовал Федя.— У кого что-то не так. Если все хорошо, зачем куда-то ехать?

Я решила не спорить с Федей. Как-то было неловко. Он вырос в детдоме. Легко было и его причислить к «неустроенным», но, видно, он себя таковым не считает. Определенно, нет. И это хорошо! Значит, в Казанском детдоме его воспитывали сердечные люди. И может, интуитивная мудрость неграмотной старой нянечки была в том воспитании первым толчком. Няня сказала как-то ему, малолетнему, что будто привезли его из Ленинграда. Это зацепилось в детском сознании. Подрастая, Фуат ловил каждое слово, устное и печатное, о героическом городе, сложил даже версию о своем блокадном рождении, о смерти матери, отказывавшей себе в скудном питании, чтобы спасти ребенка — его, Федю, о гибели отца на фронте. И верил, что именно так все и было. Каждый детдомовец то истово ждал чудесного появления родителей, то осуждал их за то, что бросили его. А Федя — нет, не ждал, не корил отца с матерью. Напротив. Он чтил их память. Повзрослев, Федя понял, что не сходятся даты (он родился в марте 1945 года), что эта версия о его рождении — легенда. Но он уже свыкся с ней. Она помогла ему не чувствовать себя обездоленным.

По внешнему виду трудно понять, татарин Хисамов или русский. Кто зовет его Фуатом, кто Федей. Он принимает и то и другое имя. Татарская земля его вырастила. Облик города Ленина всегда был для него символом всего самого святого.

Детский дом воспитал Фуата сильным, настойчивым, ищущим, уверенным в себе. После девятого класса он перешел в ремесленное училище речного флота и в ШРМ. Через два года уже плавал по Волге и Каме от Астрахани до Перми. Был старшим электриком-радистом на грузопассажирских судах. И стал заочником

Ленинградского института водного транспорта электромеханического факультета. Со второго курса решил перейти на очное отделение, чтобы жить в Ленинграде. Нелегко приходилось Феде. Учился и работал то грузчиком на Кировском заводе, то аккумуляторщиком на электромеханическом, то лаборантом в своем институте. Каждое лето проводил в стройотрядах. Тоже зарабатывал. Зато мог продолжать учебу в институте, наслаждаться прекрасным в ленинградских музеях, в филармонии. Занимался пением во Дворце культуры моряков. Даже уроки вокала стал брать у солиста капеллы Юрия Наумовича Шефрина. Еще в детском доме Фуат пел в хоре. Потом, когда призвали в армию, пел с гарнизонным оркестром. Демобилизовавшись, Федя приехал в Набережные Челны.

— Потому что здесь идет большое строительство,— объяснил он мне.— Все новое, все впервые. Работаешь с новейшей радиотехникой, электроникой.

...В ближайшую среду в условленный час я пришла к Хисамову в общежитие.

Надо сказать, общежития на КамАЗе несколько непривычны. Это жилые дома, временно заселенные как общежития. Когда выстроят достаточно жилплощади, увеличится число семейных (молодежь взрослеет и женится), тогда дома постепенно будут использовать по их прямому назначению. Все точно рассчитывается, учитываются перспективы, как принято во всем на КамАЗе.

Когда я вошла в Федину комнату, там уже собрались гости: Зина, четверо других девушек и парень. Все тесно сидели на кроватях и стульях, углубившись в чтение. Я заглянула через Зинино плечо в каталог Фединых грампластинок. На столе стоял стереофонический проигрыватель «Вега». Хозяин, усадив меня, принялся вытаскивать из-под кроватей два громаднейших чемодана. Когда Федя раскрыл чемоданы, я ахнула. Они были полны пластинок.

— Сегодня концерт по заявкам,— не обращая внимания на мое удивление, объяснил мне Федя.— Выбирайте любое произведение,— вручил он мне каталог, просмотренный уже всеми.

Музыка эпохи Возрождения, итальянская хоровая XVIII века, органная, лютневая, симфоническая — Гайдн, Моцарт, Бах, Бетховен, Лист, Вагнер, Вивальди,

Брамс, Шопен, Чайковский, Мусоргский. Оперы, балеты, оперетты. И народная музыка многих национальностей. И современная эстрадная, советская и зарубежная. Чего только нет! Глаза разбегаются. Вот это коллекция! Собиралась она, конечно, годами.

Первой зазвучала «Аппассионата» Бетховена. Когда звуки смолкли, Федя, выждав немного, прочел вслух из книжки:

— «Ничего не знаю лучше «Аппассионаты», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка». Так сказал однажды Ленин.

— Да, нечеловеческая,— повторила Зина.— А можно Лунную сонату Бетховена послушать?

— Думаешь, мечтательная, задумчивая, как лунный свет? — спросил Федя.— В сонате Бетховен поведал нам о своей первой, очень глубокой любви, которая кончилась горьким разочарованием. Он полюбил молодую итальянскую красавицу Джульетту Гвиччарди. Джульетта была с ним нежной и ласковой, Бетховен попал во власть ее чар. Но лживая, пустая кокетка,— Федя сказал это со злостью,— переметнулась к ничтожному человеку и бездарному композитору графу Галленбергу. Для Бетховена это разочарование было таким же трагическим, как утрата слуха, о чем он с отчаянием написал в 1802 году в известном «Гейлигенштадтском завещании».

Я слушала Федю, видела, как смотрит он на Зину, и подумала, что спорить с ним не придется.

Всякие люди приезжают в Челны. Потерпевшие неудачу в любви. Разведенные. Неуверенные в себе. Не имевшие квартиры в своем городе, не любившие свою профессию, не нашедшие еще себя. Но это не значит, что каждый из них и неудачник, и дурной по натуре, и, достойный жалости, не требует участия, внимания. Мало ли как складывается судьба человека. КамАЗ помогает ему обрести себя — вокруг него оказывается много сильных, энергичных, оптимистичных людей.

Примеры? Что далеко ходить. Рядом со мной сидят камазовцы. Можно спросить: откуда приехал, кем был и кем стал, что видит примечательного на КамАЗе.

Когда концерт кончился, я задала эти вопросы. И услышала такие ответы.

Василий Дикарев:

— Приехал из Воронежа. Год назад. Там был регулировщиком радиоаппаратуры на заводе. Телевизор «Рекорд» знаете? Работа непыльная, зарплата хорошая. Но жилось как-то буднично. Вот и махнул на КамАЗ. По комсомольской путевке. Думал переквалифицироваться в строителя. Работал плотником, бетонщиком — делали опалубку. Через два месяца меня сделали начальником участка. Но скоро я понял: строительное дело — не то. Устроился на РИЗ наладчиком четвертого разряда в лабораторию отдела главного энергетика. Тут по душе. Техника! Приходится много читать технической литературы. Интересно. В лаборатории мы устроили себе филиал заводской библиотеки. Кто где найдет книгу или журнал — приносит. Обмениваемся знаниями, советуемся, помогаем друг другу. На твоих глазах рождается новый коллектив. И сам участвуешь в его создании. Я руковожу «Комсомольским прожектором» — воюем против недостатков, бьем тревогу. Но это особый разговор, для другого раза.

Надежда Пышминцева:

— Два года назад приехала сюда. Из Фрунзе. Работала там бухгалтером. Скучновато было. А тут — великая стройка. Все — от нуля. Все молодые. Вот и приехала. Работаю инженером в отделе материально-технического снабжения. КамАЗ прекрасен. Все кипит. Да я не мастер говорить. Вот, может, Тамара скажет. Мы с ней вместе живем в общежитии, в одной комнате. И работаем в одном отделе.

Тамара Соколенко:

— Что скажу? Очень нравится на КамАЗе. Везде сверкает электросварка. Как фейерверк. Будто праздник все время в Челнах. И настроение всегда приподнятое. Хотя должность у меня вроде неприметная, я товаровед, но шевелить мозгами надо, разбираться в технике. В Тамбове, откуда приехала, я работала в конструкторском бюро. После окончания техникума. Одноклассник сагитировал меня поехать в Челны. Укатил по путевке и ну слать мне «прелестные» письма. Правда, честно предупреждал про трудности, про неустроенность — стройка. Подробно написал, что́ надо взять,

когда поеду: сапоги резиновые высокие, шерстяные носки, пальто потеплее, желательно полушубок,— дуют ветры. Нам с Надей здесь все нравится. И ветер нравится, степной, бодрящий.

Людмила Парфенова:

— КамАЗ меня захватывает своим темпом. Все меняется на глазах. Просто не верится. Подъезжаешь к Новому городу с РИЗа (я там работаю в Центральной измерительной лаборатории) и каждый день удивляешься: ведь полгода назад, когда я приехала из Горького, этого квартала не было и в помине. И того не было! Да что полгода... Мы с соседкой по комнате ужинали как-то, смотрели в окно, как строят дом напротив нашего. Пока поели, помыли посуду, глянули — этаж готов. Ни за что не уеду из Челнов! Хочу увидеть, каким будет КамАЗ. Увидеть все заводы построенными. Первые грузовики, автопоезда с маркой «КамАЗ».

Мария Шлагова:

— Я закончила Сибирский металлургический институт в Новокузнецке. Распределение получила в Казахстан, в город Петропавловск. Там мне казалось, что, если не уеду на КамАЗ, упущу в своей жизни очень важное, невосполнимое. Работаю сейчас на РИЗе в Центральной заводской лаборатории. Скоро год. А как будто прошло всего несколько дней. Время здесь летит с космической скоростью.

Зина сказала совсем коротко:

— Мне на КамАЗе нравятся люди. Открытые, добрые. Вот пришли мы сегодня к Феде. Незнакомые друг другу. А как интересно нам было, правда?

Федины гости заулыбались. А хозяин уже хлопотал над чаем. Печенье и сахар поставил на стол. Разливал по стаканам то из одного заварника, то из другого, спрашивая:

— Вам индийский? Или смешанный?

Сердечно, как бывает только в кругу близких, заканчивалась музыкальная среда Феди Хисамова.

У него богатейшая фонотека. И он держит ее не для себя. Делится с другими своим богатством. Никто не давал ему такого поручения — пропагандировать музыку. Никто не поставит ему за это «галочку» в графе «обще-

ственная нагрузка», кстати, нагрузок у него и так предостаточно: он политинформатор, начальник добровольной народной дружины отдела, председатель заводского клуба интернациональной дружбы. Музыкальные среды просто доставляют Феде ни с чем не сравнимую радость от сопереживания, от сознания, что кто-то приобщается вместе с ним к таинствам музыки.

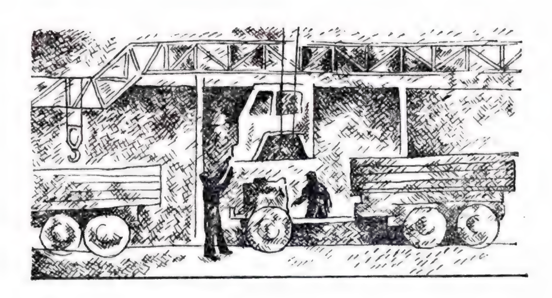
Таков еще один рабочий-интеллигент, камазовец Фуат Хисамов.

КамАЗ жаден до искусства и отзывчив, благодарен его жрецам. Артисты ехали в Челны даже в ту пору, когда еще не было тут подходящих площадок для выступлений. Ехали с большой охотой, с сознанием, что они нужны. Давали концерты не только во Дворце культуры «Энергетик», прекрасном современном здании, но и на стадионе, в цехах и раздевалках РИЗа, на стройплощадках, где кузов грузовика превращался в эстраду, в кинотеатре, в залах Дворцов культуры «Гренада», «Автозаводец». В кинотеатре «Чулпан», современном, широкоформатном, идут новые фильмы. Камазовцы участвуют в художественной самодеятельности, в литобъединении «Орфей», в вечерах интернациональных клубов, действующих во многих общежитиях.

А в выходные дни Кама оглашается веселой трескотней моторов — лодки имеют многие. Выстраивается длинная очередь у причала: камазовцы устремляются за реку, в лес — по землянику и за цветами, послушать птиц, полюбоваться синевой неба, белизной причудливых облаков. Другие едут в Елабугу, маленький старинный город, где жил и работал великий художник Шишкин, где закончилась жизнь Марины Цветаевой.

КамАЗ не только создает новый автомобиль — последнее слово техники, но и формирует новый тип человеческой личности.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

1978 год. Январь

1

Я иду опять по проспекту Мусы Джалиля. Узнаю: этот дом уже был тогда, в семьдесят четвертом, и этот, и тот, пятиэтажный. Но между ними выросли новые — в девять этажей. И магазины появились: «Кулинария», «Универмаг», «Детский мир». Тут и там — дворовые катки, спортплощадки, ледяные горки. Полно ребятни. Кричат, как галчата, перекрывая все звуки улицы. Детей в Челнах явно прибавилось.

Зашла в ЗАГС—удостовериться, так ли это. Заведует им по-прежнему Софья Исаковна Файзуллина. Как старые знакомые, мы с ней обнялись, но разговор пришлось отложить: Софье Исаковне пора было идти регистрировать брак.

Церемония как везде. Звучит «Свадебный марш». Вроде и слова обычные: «Вступая в брак...» Но каждый раз, слушая Софью Исаковну, испытываешь волнение — так торжественно и сердечно звучит ее голос, таким одухотворенным становится ее прелестное лицо. Честное слово, молодоженам запомнятся эти минуты.

Число браков в Набережных Челнах все растет и растет. Молодежный город — город свадеб и новых семей. Софья Исаковна дала мне цифры. В 1970 году, когда началось строительство КамАЗа, возникло 530 семей, в 1971 году — 1185, в 1974-м — 2931, в 1975-м — 3177, в 1976-м — 3254, в 1977 году — 3439.

И детей рождается с каждым годом все больше: в 1970 году — 806, в 1971-м — 1794, в 1974-м — 6741, в 1975-м — 7127, в 1976-м — 7839, в 1977 году — 7577.

Женился и Федя Хисамов, хотя и уверял меня в прошлый приезд, что отложит это до будущих времен, чтоб не ошибиться — много тут «неустроенных».

Софья Исаковна тоже считала, что поначалу на КамАЗе было много такого рода людей: теперь в Челнах многое изменилось.

Кто-то из «неустроенных» получил интересную работу, прочно вошел в новый коллектив, приобрел друзей. Кому-то дали квартиру, а там, где раньше жил, не имел своего угла. К кому-то пришла любовь, залечив старые сердечные раны. Многие нашли свое счастье в Челнах.

Это заметнее всего заведующей ЗАГСом Файзуллиной. Она ведь постоянно встречается с самыми разными людьми в самые разные периоды их жизни: в счастливую пору, когда они женятся или дают имя ребенку, в невеселые дни разводов, в скорбные дни, когда теряют близких.

— Люди стали спокойнее, мягче, увереннее,— говорит Софья Исаковна.

Федю я нашла просто счастливым. Души он не чает в своей жене Верочке и двух ребятишках. Музыку они по-прежнему слушают.

Работу Федор поменял. Перебрался на строительство тепличного комбината. Старшим инженером. Ушел от электроники в теплицу. «Неужели работа отошла у него на задний план?» — разочарованно подумала я. Ан нет, не таков Хисамов.

Тепличный комбинат строится по последнему слову техники. Весь на автоматике и электронике. Автоматически регулируются температура и влажность воздуха в теплице, ведется полив, вносятся минеральные удобрения; концентрация их регулируется тоже автоматически. Старший инженер должен следить за исправностью электронных регуляторов, самопишущих мостов и датчиков, исполнительных механизмов, технологической и аварийной сигнализации. Интересная работа у Федора. Интересная и важная: он участвует в создании сельской индустрии.

В пригородной зоне Набережных Челнов помимо тепличного комбината возводится современнейший механизированный животноводческий комплекс, построена птицефабрика.

— На нашем тепличном комбинате,— рассказывает мне Федя,— введены в строй три блока из пяти. Мы уже завалили город свежими огурцами.

— Да, в любом продовольственном магазине ароматно пахнет свежими огурчиками. Среди зимы! И никаких очередей. Лук, укроп, салат, щавель тоже от вас? — спрашиваю Федю.

— Конечно, наши,— с гордостью отвечает он.— И цветы выращиваем. Смотрите, какая красота! Чайные розы. Ремонтантные гвоздики.

Цветы были дефицитом три года назад в Набережных Челнах. С трудом доставали их на свадьбу — привозили из других городов. Сейчас цветы всюду: в квартирах, кабинетах, клубах, школах, кафе и столовых.

В семьдесят четвертом году школ на КамАЗе не хватало, хотя и строили их в удивительно короткие сроки — за три — четыре месяца. Выходили на субботники, стягивали сюда дополнительную технику, стройматериалы. Первого сентября начинали учебный год и в новостройках. И все-таки школ было меньше, чем требовалось. Учились ребята в три смены.

Как сейчас? Выстроено двадцать восемь школ, учатся все дети в одну смену. Каждая школа имеет предметные кабинеты, оснащенные необходимым оборудованием и приборами, актовый и спортивный залы, пришкольный сад, часто даже с теплицей.

Работают в Челнах и специальные школы: пять музыкальных, одна художественная. Скоро откроют школу искусств с отделениями хореографии, музыки, живописи.

Приобщают ребят к искусству и спорту. Прививают им и любовь к рабочим профессиям. После школы можно пойти учиться в техническое училище. Оно готовит рабочих восьми специальностей для КамАЗа. Или в сельское профтехучилище, выпускающее механизаторов для пригородной зоны. Есть автомеханический техникум, филиал Нижнекамского энергостроительного техникума, филиал Казанского инженерно-строительного института.

Да, растет КамАЗ. Вступают в строй новые его предприятия. Растет потребность в кадрах. Растут и сами строители и рабочие: осваивают сложнейшую технику, повышают квалификацию, учатся, учатся. Да и просто становятся старше годами.

Мне захотелось взглянуть на одну знаменитую «троицу». Познакомилась я с ними в семьдесят четвертом году в роддоме. Спеленатые маленькие куколки, они лежали вокруг мамы. Я взглянула на нее, войдя в палату, и оторопь меня взяла. Юное существо. Двадцать лет всего. Сама ребенок. Медноволосая, пухленькая, смотрела мать на меня улыбаясь. Не осознавала еще, видно, что три жизни лежат рядом с ней. Сразу три. Их надо беречь, кормить, растить, воспитывать. Пойдут болезни, никуда не денешься. Будет волноваться, переживать. Все в тройном размере. И расходы тройные. Три комплекта одежды. Три коляски. Три кровати. Куда все ставить? У родителей в тот момент не было даже комнаты.

А молодая мать улыбалась... От молодости, что ли, от беспечности? Или уверена была, что товарищи не дадут пропасть, не оставят без внимания человека? Вернее, пятерых. Знала, что помогут с жильем и прочим. Видела, как хлопочут возле нее и ее детей врачи, медсестры, няни, хотя и перегружены были предельно. До тридцати родов принимали в сутки врачи единственного на весь город роддома. Рождаемость в Набережных Челнах самая высокая. В тот год тридцать семь новых жизней появлялось в Челнах на каждую тысячу человек населения. А врачей в Челнинском роддоме было всего-навсего трое. С ног валились от усталости, но обязательно лишний раз забегали к Анне Синилиной и ее тройне.

А вот отца пришлось приводить в чувство. Аня, смеясь, пересказывала мне то, что услышала от нянечки, дежурившей внизу, где ждут весточки будущие отцы.

Когда Игорю Синилину сообщили: «Дочь у вас»,— он огорчился: хотел сына. Повернулся к двери, чтоб уйти, а нянечка из окошка крикнула ему: «Стойте, стойте, звонят — сын у вас!» — «То-то же! Так и знал, что перепутали»,— вздохнул обрадованно отец. «И дочь, и сын»,— уточнила няня. «Двойня, что ли? Опять напутали! Никакого порядка! Ни у меня, ни у жены в роду никогда не было близнецов. Зовите заведующую».— «Ей некогда. Придется вам подождать».— «И подожду».— Игорь решительно плюхнулся на стул. Через несколько минут в окошке показалось испуганное лицо нянечки: «У вас, папаша Синилин, еще дочь».

Папаша, двадцатидвухлетний машинист экскаватора, едва со стула не упал...

У Синилиных все сложилось нормально. Дали им сразу трехкомнатную квартиру. Местком и товарищи по работе задарили, окружили заботой. По-иному и быть не могло. Подросли детишки, их устроили в ясли-сад.

Я разыскала «тройку» Синилиных в том же детском саду. Малыши радостно бултыхались в бассейне. Потом по команде воспитательницы взялись за пенопластовые дощечки и, болтая ножками, поплыли дружно, как утята.

Детские сады — еще одна гордость челнинцев. Просторные спальни, столовые, игровые залы, бассейн, зимний сад, всюду красочные панно и витражи, двор, прекрасно оборудованный для прогулок и игр. Современнейшее и крупнейшее в мире автопредприятие, оснащенное техникой завтрашнего дня, сумело создать для детей условия, которые пока еще редко где встретишь. Завтрашний день уже сегодня наступил для «камазят».

«Троица» Синилиных не обращала на меня никакого внимания. Я поздоровалась с каждым за ручку, угостила конфетами. Но, увы, не могла удержать около себя. Ребятишки умчались от меня — к своим играм, друзьям. Когда приеду еще через несколько лет, они, может, захотят услышать, что знакомы они мне с пеленок.

Зато с мамой мы проговорили о них допоздна. Игорь Григорьевич был в командировке. Тикали часы на телевизоре. «Троица» уже крепко спала. Мы с Анной рассматривали снимки в семейном альбоме, вырезки из местных газет с фотографиями семьи Синилиных. Приметная семья: единственная тройня в Набережных Челнах. Толковали и о работе. Анна Алексеевна попрежнему трудится на стройке — на отделке зданий социально-бытового и культурного назначения. Кстати, штукатурила, красила она и тот детский сад, куда ходят ее дети. Но теперь Анна Алексеевна — бригадир.

Да, любопытно увидеть Синилиных через несколько лет, интересно встретиться с КамАЗом на новом этапе строительства.

2

Немало дней ушло у меня на то, чтобы объехать и обойти всю строительную площадку КамАЗа, все заводы его. Поднялась за эти годы, расширилась стройка. Глазам не верилось: там, где был пустырь три года назад, стоит завод, а там, где возводили стены корпуса, гудят станки. От времянок-вагончиков, «прорабской», «буфета» и следа не осталось. Первая очередь камазовской стройки завершена.

Акт об этом подписан в конце 1976 года. КамАЗ выпускает автомобили.

Я шла вдоль главного конвейера в автосборочном. От самого начала линии, где заложили автомобильную раму, наблюдала, как она начинялась деталями и узлами. Их ни много ни мало — 4898. Они вставали на место, вживлялись в организм создававшейся машины. Рабочих на конвейере семьдесят два человека — столько, сколько позиций. И вот пройдена вся линия в шестьсот семьдесят метров. Колеса коснулись пола. Сошел готовый «КамАЗ».

Вот оно новое слово советского автомобилестроения. Отличны деловые качества машины: грузоподъемность — от 8 до 11 тонн, мощность мотора от 210 до 260 лошадиных сил, скорость — до 90 километров в час, высокая проходимость (на каждую из трех осей приходится груз до 6 тонн — может ходить и по проселочным дорогам), хорошая маневренность: разворачивается на небольшом пятачке. А кабина — мечта: автоматика, сигнализация, аварийная подстраховка, теплоизоляция, отопление и вентиляция такие, что водителю в пути не страшны ни сибирские морозы, ни зной пустыни, ни пыль и колдобины бездорожья. Это проверено не только на опытных образцах «КамАЗа», изготовленных на ЗИЛе. Тысячи машин уже трудятся повсюду в нашей стране. Стали поступать они и на БАМ. Ждут их в Якутии — в северном исполнении. Уже часто можно увидеть в Москве то красный, то голубой «КамАЗ». Всякий раз я мысленно здороваюсь с посланцем Челнов, как с добрым знакомым, потому что знаю, как много хороших людей трудилось горячо и истово, сколько построено зданий, создано и установлено станков и агрегатов, чтобы появились на свет «КамАЗы».

А теперь я присутствовала при рождении одного из

них. Стояла и гладила его голубую лакированную поверхность. И представляла, какой же праздник был здесь в тот исторический день 16 февраля 1976 года, когда сошел с конвейера первый большегруз с маркой «КамАЗ» под номером 0000001.

Этого дня ждали все; каждый камазовец, причастный к созданию Камского автогиганта, где бы ни жил он, у нас в стране или за рубежом, ждал появления первого «КамАЗа», как ждут завершения одного из серьезных этапов жизни.

Автосборочный завод, украшенный огромным плакатом: «Пуск первой машины — наш подарок XXV съезду КПСС!», в тот день был полон народу. Сорок гектаров площадь заводского корпуса, но людям было тесно. Шевельнуться нельзя.

Вдоль главного конвейера стояли рабочие-автосборщики в нарядных спецовках с эмблемой завода. Рядом с ними — лучшие строители, монтажники, эксплуатационники. Те, кто строили Новый город, поднимали корпуса всех заводов комплекса, давали продукцию на РИЗе и кузнечном заводе, сданных в эксплуатацию, вели пусконаладочные работы на остальных предприятиях стройки. Они — сто семьдесят пять человек победителей социалистического соревнования за право участвовать в сборке первого автомобиля — были сосредоточенны, напряжены.

Рама двигалась, обрастала... И вот настал долгожданный миг. Последняя позиция линии сборки пройдена — резко вспыхнули фары, и первый «КамАЗ», окрашенный по традиции автомобилестроителей в ярко-алый цвет, торжественно сошел с конвейера. Завод огласился громовыми криками: «Ура! Есть «КамАЗ»!» Слово, данное партии, сдержали. Подарок XXV съезду партии готов. Стоит на постаменте, гордо поднятый над всеми, как алый флаг, символ торжества, символ победы.

Я видела «КамАЗ» № 0000001 в Москве. Он возглавлял целую колонну своих собратьев. Путь им, как почетным гостям, прокладывала милицейская «Волга» с синей мигалкой. Миновали Садовое кольцо, проспект Калинина, удивляя и радуя москвичей и гостей празднично нарядной столицы. Торжественно въехали на Красную площадь. И здесь у Спасской башни остановились. Принимай, Родина, первые «КамАЗы»!

Это было 23 февраля, в канун открытия XXV съезда партии.

А 28 февраля с трибуны съезда первый секретарь Татарского обкома КПСС Фикрят Ахмедханович Табеев сказал:

— С чувством большой радости докладываем XXV съезду, Центральному Комитету КПСС и Советскому правительству, что коллективы строителей и монтажников, автозаводцев, проектировщиков и конструкторов, участвующих в сооружении Камского комплекса по производству большегрузных автомобилей, претворяя в жизнь решения XXIV съезда партии, широко развернув социалистическое соревнование за достойную встречу XXV съезда партии, одержали замечательную трудовую победу. Начал работать в наладочном режиме главный конвейер автомобильного комплекса, и с него 16 февраля этого года сошли первые автомобили с маркой «КамАЗ»... Масштабы, темпы строительства и сроки освоения технологического оборудования Камского комплекса не имеют себе равных в практике отечественного и зарубежного капитального строительства. Этим может гордиться вся страна.

— Исторических дней у нас было много,— сказал мне сборщик Иван Юлаев.

Мы с ним стояли на его рабочем месте, у сорок седьмой позиции главного конвейера, после смены. Юлаев работает на автосборочном с семьдесят пятого года, когда перешел сюда из Лифтмонтажа, собирает толкающие конвейеры.

— Вот эти цепи гремят,— показал мне Иван наверх.— Сто двадцать километров длина цепей. Собирали звено за звеном. Это больше, чем отсюда до аэропорта Бегишево,— пояснил он.— Потом привезли нам с прессорамного завода первую автомобильную раму. Это означало — начинаем собирать автомобиль. Исторический день? — спросил у меня.

— Исторический,— кивнула я.

Поставили первый двигатель на первую раму. Опять этап. Устроили митинг по этому поводу.

Ставили шасси. Задний мост. Топливный бак — дошла очередь до позиции Юлаева. Рабочий их бригады Ильгизар подошел к Ивану, попросил гайковерт: очень хотелось ему завернуть хоть одну гайку на топливном баке.

— Тебе сигнал ставить. Жди,— ревниво ответил Иван.

— А тогда я дам тебе гайковерт на одну гайку,— пообещал Ильгизар.

На том и сошлись.

Настал день — прокатилось под сводами завода:

— Кабину везут!

На электрокаре торжественно ехала красная кабина — первая кабина «КамАЗа». Отовсюду бежал народ. Кто-то уже натягивал транспарант: «Главный конвейер, принимай кабину!» Иван потом снял это полотнище, унес к себе домой — исторический документ. Хранит.

Устанавливали кабину трудно. Поднимали вверх тельфером, но цепи толкательного конвейера гремели сбойно, дергались, потому что каждый хотел дотронуться до первой кабины — помочь посадить ее на место.

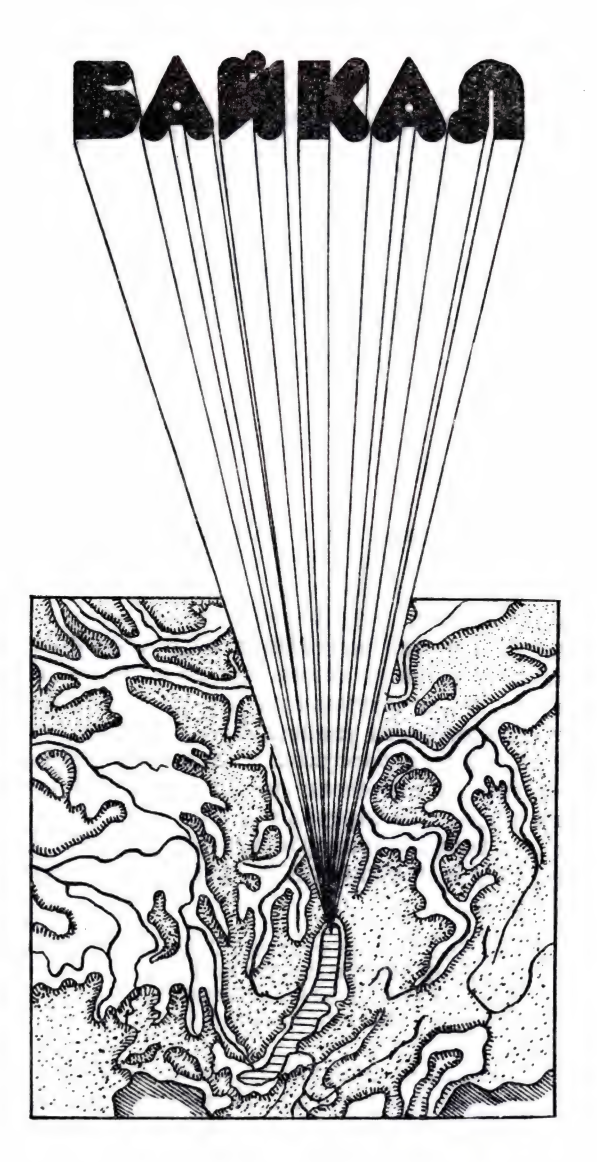
— Верите, я себя чувствую здесь исторической личностью,— сказал мне вдруг Иван. Это говорил обыкновенный рабочий в двадцать с небольшим лет.

Жизнь его началась нелегко. Мать умерла, когда Ване исполнилось всего четыре года. Отец остался вдовцом с шестерыми детьми. Одна мачеха появилась в доме. Другая. И эта не вытерпела, ушла. После восьмилетки Ваня пошел работать и продолжал учебу в ШРМ. То у одной старшей сестры жил — в Уральске, то у другой — в Стерлитамаке, то у отца — в Чимкенте. Поменял несколько профессий. Был грузчиком, бойцом на мясокомбинате, токарем на содово-цементном заводе, бетонщиком на домостроительном комбинате. Никак не мог привыкнуть к городу. Тянуло в деревню, на простор. Однажды даже здорово прогулял. Послали в подшефный колхоз на уборочную. Иван взял и остался там — у бабки, где квартировал. С завода уволили — по собственному желанию. Устроился физруком в сельскую школу. Опять оказался не на месте. Все искал. После армии махнул в Челны. И сразу «обалдел» от счастья. Грандиозная стройка. Много молодежи. Тысячи пар танцевали прямо на улицах, среди домов. Играла музыка из громкоговорителя милицейской машины. Простота в одежде — штормовки с надписями на спинах. Простота в обращении. Наткнулся на «орфеевцев» — принес в литобъединение «дохленький» первый рассказ. И обрел там близких по духу людей, неуспо-

коенных, ищущих, недовольных собой, но умеющих удивляться: как жизнь кругом хороша и значительна! Стал причастным к этой жизни, к строительству завода, автомобиля. Нашел наконец себя.

Историческая личность... Конечно. Каждый камазовец — историческая личность.

Возвращалась я с завода вместе с рабочими. С молодыми и юными. Кто-то садился в автобусы, подходившие беспрерывно. Кто-то шел пешком через поле в Новый город, как белыми парусами манивший к себе в широкой степи, застроенной заводскими корпусами. Руками камазовцев возведено все вокруг — комсомольцев семидесятых годов. Это они зачерпнули первый ковш челнинской земли 13 декабря 1969 года — начался отсчет времени на Всесоюзной ударной комсомольской стройке. Новая строка в ее летописи — с конвейера пошли «КамАЗы». В десятой пятилетке завершится строительство.

БАЙКАЛ

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

1963 год. Июль

1

С детства я мечтала попасть на Байкал. С того самого дня, когда увидела его впервые сквозь стекло вагона. Везли меня из Кировской области на Дальний Восток, куда переезжала наша семья. Простор Байкала и прозрачнейшая вода поразили меня: камешки на дне были видны все до единого. Я то на них глядела, то всматривалась в водную даль до боли в глазах. Так хотелось увидеть большую лодку, и чтобы в ней стоял детина баргузин в длинном брезентовом плаще, степенно пошевеливал бы огромный штурвал. Не знала тогда, что баргузин — это ветер, а не рыбак. Ну хотя бы бочку омулевую, что ли, увидеть. Так нет же, вода, вода и камешки. А по радио все звучала раздольная песня:

> Славное море, священный Байкал.
> Славный корабль, омулевая бочка.
> Эй, баргузин, пошевеливай вал,—
> Молодцу плыть недалечко.

Через много лет наконец-то сбылась мечта. Оказалась в Бурятии, в Улан-Удэ. И конечно, поехала на Байкал.

Машина неслась уже шестой час и никак не могла одолеть расстояние. Лес и лес. Весь мир, казалось, заполнен соснами, елями, великанами кедрами. Лишь изредка промелькнет деревенька и тут же исчезнет в зелени.

Лес, лес, лес... Есть ли предел ему?

Нам предстояла первая остановка на берегу Байкала, в деревне Максимихе, у охотника Михаила Ильича Жигжитова.

Наконец Максимиха. Жигжитовский дом на пригорке.

Во дворе распластались две разморенные сибирские лайки. Баня. Сарай. Огород. И деревенская изба. Над входом череп — острые клыки, темные пустые глазницы.

— Череп медведя,— шепнул мне шофер, задержав меня у порога.— Он чуть не убил Жигжитова в прошлом году. Однако одолел его наш Михаил Ильич. И череп повесил— по древнему обычаю охотников.

Ну и ну... Попасть в лапы к медведю — и выбраться целым. Какую же силищу надо иметь, какое хладнокровие, мужество!

Я ждала, что выйдет навстречу нам Илья Муромец, здоровенный, суровый таежник. А хозяин оказался на удивление обыкновенным человеком, среднего роста, худощавым и собранным. По-восточному узкие глаза словно смотрели тебе прямо в душу. Приветливо пожал он нам руки — и своим старым знакомым, улан-удэнцам, и мне, которую увидел впервые. Я заметила: правая рука его искривлена у запястья.

— Да проходите же, проходите. Будьте как дома,— говорил он и уже проворно таскал стулья и табуреты.

Под пятьдесят было Жигжитову, но живой он был, подвижный, гибкий, как юноша. Видно, ловкостью взял он медведя, умом и сноровкой, а не силой. Услышать бы, как это было.

Меж тем хозяйка, Зинаида Давыдовна, дородная, очень смуглая (цыгане были в роду), энергичная женщина, вырастившая семерых ребят, быстро накрыла на стол. Принялась потчевать нас.

Разговор за столом пошел про тайгу, любопытный. Я даже смирилась с мыслью, что засидимся и Байкал, наверное, не увидим сегодня.

Про кедровый орех говорили. Питательная штука орех: шестьдесят процентов в нем жира, пятнадцать — двадцать — белков. Им кормятся многие звери тайги: медведь, соболь, грызуны. Одна маленькая шустрая белочка запасает на зиму по восемь — десять килограммов. Всю зиму орех у нее цел-целехонек, не гниет, не

плесневеет. Хоть учись у белки, как сохранять заготовленное.

— Ученые так и делают,— заметил Жигжитов.— Исследуют беличье гнездо, ведут наблюдения за температурой его в разное время года, за влажностью и освещенностью. У природы учиться не зазорно. Для медведя кедровый орех — излюбленная пища, главный жировочный корм.

— Ну а если неурожай ореха? — спросила я.

— Тогда всем худо,— ответил Михаил Ильич.— Медведь с голоду лютует. Нападает на стада коров, в деревни заходит — пугает людей. А в тайге медведь, почуяв человека, нередко преследует его.

— Одно спасение от него — бежать,— предположила я.

— Э-э нет, от него не убежишь,— возразил Жигжитов.— На ногу скор. И вообще не увалень. Врут про него сказки. Еще как ловок и изворотлив, и реакция преотличная, хитер, башковит. Не бегать от него надо, а наступать, коли столкнулся. И не трусить. Если поймет, что боишься его,— пропадешь!

Пора было отправляться на покой. В четыре утра собирались на лодке встречать рассвет. Самый красивый Байкал — на заре.

Мы с шумом поднялись из-за стола, поблагодарили хлебосольную хозяйку и разбрелись спать.

...Залаял Тамбур, жигжитовский пес. Открыла глаза — почти светло. Неужели проспала? Нет, солнце еще не взошло. Половина четвертого. Встала. На цыпочках вошла в одну комнату, другую. Нет моих спутников, уехали, не разбудили! Придется встречать восход на берегу.

Деревня спала. Все ставни были закрыты. На улице ни души.

Через сосны по песчаной дорожке прошла к морю. Солнца еще не было. Байкал из этой глубокой бухты не казался огромным. Мелкий песок и сосны на берегу напоминали Прибалтику. Море было спокойно. Чуть слышно шуршала волна. Легкая дымка курилась кругом. Было зябко. Вода изумительно прозрачна, какой запомнилась с детства.

Солнце начало медленно подыматься из-за мыса. Засияло все, осветился край неба, вода заиграла живыми, веселыми бликами. И туман побежал все левее и

левее, обволакивая холм за холмом густым вспененным облаком. Пройдет туман и очистит, умоет лес, а солнечный свет сделает его сочным, ярко-зеленым.

Казалось, будто воздух запел, зазвенел мелодично. Или птицы проснулись? Поют, поют ранние птахи!

Далеко в море едва слышно застучал мотор. И не нарушил он красоты и величавой музыки утра.

2

Мы плыли по Байкалу на катере рыбоохраны «Тайфун». Курс держали на север.

Справа, совсем рядом, каменной стеной высился берег. Причудливые зубья, ноздреватые, выщербленные глыбы торчали на отвесном берегу, вот-вот готовые рухнуть в воду. А там, внизу, у самой воды, пещера за пещерой. Темные, таинственные. Байкал обрушивал на скалы волну за волной, подтачивал, хлестал, колотил мощными ударами стену, очень прочную древнюю стену. Байкал могуч: триста тридцать шесть больших и малых рек, впадая в него, дают ему силу. И только одна Ангара, приток Енисея, берет у Байкала излишки воды-энергии. Одна Ангара вытекает из славного моря.

Временами в Прибайкалье бывают землетрясения. Самое сильное из них было сто лет назад, когда в дельте Селенги провалились в воду двести квадратных километров прибрежной земли — образовался залив, который так и назвали Провалом.

Свиреп Байкал, когда заштормит. Не дай бог оказаться в эту пору в открытом море.

Поселки здесь редки. И прежние названия многих из них говорят сами за себя.

— Курбулик, где мы вчера ночевали,— сказал мне Жигжитов,— раньше назывался Покойниками. Мой Мишка, младшенький, и Альбина там родились. Так в метрике и записали: место рождения — Покойники. А Катунь, где Николай мой живет, Горемыкой звалась.

Николай — не сын, а охотник Монхонов Николай Николаевич, заезжали мы к нему вчера. За восемьдесят уже Монхонову. А все еще охотится. Крепкий старик.

— Ох и охотник он,— продолжал Жигжитов.— Сколько медведей добыл! Он их не считал. У него я учился охотничьей мудрости. Много мы с Николаем

исходили вместе. А уж сколько на лодке исплавали, трудно сказать. От Катуни в тайгу надо еще по воде добираться. Николай всю жизнь на веслах греб, а теперь под старость мотор у него. Знаю, что счастлив он от одного этого. Фелюги стали появляться у нас в подлеморье. И моторные лодки.

Моторную лодку называют здесь «мотодори». Слово «дори» — «большая», «промысловая», пришло оно сюда с берегов Белого моря.

За время путешествия я много встречала охотников в разных поселках. Подолгу беседовала с ними. И ни разу никто из них не пожаловался на судьбу, не посетовал на трудности. А когда я сама спрашивала, как им живется, смотрели с недоумением и отвечали:

— Однако, нормально.

Тайга. Древний промысел. К трудностям охотники относятся спокойно. Трудности нипочем, когда сызмала усвоены законы тайги.

Высокий профессионализм обязателен для промыслового охотника. Но работа обязывает его быть еще и выносливым, сильным, мужественным. Особенно утвердилась я в этом, когда услышала от Жигжитова о том, как он сражался с медведем.

Было так.

Отправился Михаил Ильич в тайгу к своему зимовью — кое-что починить там перед началом сезона. Понес заодно крупу и консервы. Шел, шел по тропе. Вдруг послышался ему подозрительный звук. Остановился, замер, прислушиваясь. Все тихо. Опять пошел. И вдруг из-за колодины, поваленной поперек тропы, поднялся медведь. Огромный, двухметровый. Не успел Жигжитов опомниться, как медведь выбил у него ружье и когтистую лапу протянул к голове. Жигжитов дернул головой — когти разодрали висок, щеку. К счастью, глаза уцелели. Медведь раскрыл клыкастую пасть. В какую-то долю секунды Жигжитов решил: надо рискнуть. В разверстую пасть он запустил правую руку. Есть такой прием у охотников, когда худо. Лучше одной рукой пожертвовать, чем жизнью. Потянул Жигжитов что есть силы медведя за язык, выхватил нож из-за пояса левой рукой (левша он) и вонзил его в сердце зверя. Взревел медведь, стиснул зубами руку, навалился на своего противника. Однако смерть сразила зверя.

Жигжитов, весь израненный, обессиленный, с переломанной рукой, с трудом выбрался из-под тяжелой туши, весившей без малого триста килограммов, сделал засечки вокруг, как положено, чтоб добычу потом найти, перевязал голову и руку разодранной рубахой и побрел домой. Кровь заливала глаза, рука нестерпимо ныла, силы таяли. Наступила ночь. Так хотелось ему лечь и заснуть! Прямо здесь, в буреломе.

«Нет, иди, Михаил,— подгонял он сам себя,— ишь раскис. Заснуть-то заснешь, чего проще. Да кровь вся выйдет, и помрешь тут в тайге».

Шел всю ночь. Под утро добрел до дороги и свалился без чувств у березы.

— Подобрал меня проезжий шофер. Домой, а потом в больницу свез,— закончил свой рассказ Михаил Ильич.

Я молчала и думала, что нужно иметь не меньшее мужество, спасшись от смерти, идти вновь и вновь туда, где она ждет. Говорят, что даже самый опытный охотник, выкарабкавшись из медвежьих лап, бросает свое ремесло.

Жигжитов по-прежнему ходит в тайгу, будто и не было ничего.

3

Я все слышала от Жигжитова «подлеморье» да «подлеморье».

— Что это такое? — спросила однажды, и по созвучию вспомнилась пушкинская строка: «У лукоморья дуб зеленый...»

— А это вот,— показал Михаил Ильич вдоль берега,— что между гольцами и морем.

Гольцы — гряда голых гор. И о море уже знаю: так зовут здесь Байкал. Избави бог назвать его озером: подожмут губы, нахмурятся и сухо станут с тобой говорить, натянуто. Это уже успела заметить.

Эвенки, самое древнее население подлеморья, до сих пор именуют Байкал «ламу», что в переводе означает «море».

И в самом деле, Байкал очень похож на море. Здесь тоже бывают штормы, сгоны и нагоны, сейши. И полноводностью своей он близок к морю. По объему водной

массы Байкал не знает себе равных среди озер всей планеты. В его каменном резервуаре содержится двадцать три тысячи кубических километров воды.

Байкал — самый глубокий в мире пресноводный водоем. Максимальная его глубина — 1620 метров. По чистоте и насыщенности кислородом он опять же не превзойден ни единым водоемом на всем земном шаре. А «шар» наш уже ощущает недостаток в пресной воде. С каждым годом все острее и острее. Многие страны оказались перед проблемой опреснения морской воды. В байкальской же бездонной чаше плещется десятая часть пресноводных ресурсов земли.

Бесценный кладезь Байкал.

И вся его водная толща полна жизни, поразительно разнообразной. Обнаружено здесь 600 видов растений, 1200 видов животных. И три четверти из них эндемичны, то есть нигде в мире их больше не встретишь.

Рыба водится в нем пятидесяти видов. Одних бычков, например, тут двадцать пять видов. Но не они представляют интерес для промысла, а лососевые: омуль, хариус, озерный сиг. В основном добывают омуля. Он пришел сюда когда-то из Ледовитого океана. На нерест байкальский омуль идет косяками в конце августа — в Селенгу, Большую, Турку, Безымянку, Верхнюю Ангару, Кичеру, Большой и Малый Чивыркуй, Баргузин. Поднимается вверх по реке от двухсот до трехсот километров. В конце октября — начале ноября, отнерестившись, возвращается в Байкал.

Есть тут и рыбы-диковины. Голомянка, например, эндемик. Она не мечет икру, а откладывает личинки. Голомянка почти прозрачна, столько в ней жиру, причем богата она и витаминами «А» и «В». Издавна местное население использовало жир голомянки как целебное средство: лечили открытые раны и ревматизм. Но голомянка не промысловая рыба: добывать ее чрезвычайно трудно. Она хоронится под водой на глубине до тысячи метров. И ведь тоже диво: ее не раздавливает эта водная толща давлением в 100 атмосфер, когда металлический батометр уже от двадцатипятиатмосферного давления сплющивается, если он закрыт и в нем есть воздух.

Водится в Байкале и осетр — великан, достигающий длины 130 сантиметров, а веса — 40—50 килограммов. Он на вкус нежнее европейского осетра.

Для науки Байкал — неисчерпаемый источник познания. Изучать его начали еще в середине прошлого века. Но занимались этим лишь редкие ученые, политические ссыльные: И. Д. Черский, трижды объехавший на лодке все побережье Байкала, В. Ч. Дорогостайский, Г. Ю. Верещагин, затем приехал сюда С. В. Обручев. Но к комплексному исследованию Байкала приступили только в советское время, с 1926 года, когда в Маритуе был создан стационар Байкальской экспедиции Академии наук СССР, в 1928 году реорганизованный в Лимнологическую (озероведческую) станцию. С 1961 года эта станция стала Лимнологическим институтом Сибирского отделения АН СССР. Находится он в поселке Листвянка, на юго-западном побережье.

Наш путь лежал вдоль северо-восточного берега к другому научному центру исследования и охраны Байкала — Баргузинскому заповеднику.

Жигжитов рассказал мне историю заповедника, созданного около полувека назад, чтобы уберечь соболя от истребления.

Дороже собольего, пожалуй, нет меха на свете. Подавляющая часть соболя водится в нашей стране — в лесной зоне от Северной Двины и Мезени до берегов Тихого океана, включая Курильские острова, Сахалин. За пределами СССР есть соболь в северных районах Кореи, Китая, Монголии, на японском острове Хоккайдо. Веками Россия вывозила мех соболя за границу, получая взамен золото. Много было соболя в Сибири. И его добывали столь хищнически, что к началу XX века соболей осталось по всей бескрайней тайге всего несколько сотен.

Прогрессивная интеллигенция России подняла тревогу, настойчиво требовала спасти соболя. Наконец в 1914 году были посланы две экспедиции в Сибирь: в Восточные Саяны и на северо-восточное побережье Байкала. Здесь, в Баргузинском подлеморье, экспедиция, состоявшая из ученых Г. Г. Доппельмайра, З. Ф. Сватоша, К. А. Забелина, А. Д. Батурина, провела два года. В 1915 году создали Баргузинский заповедник. Второй соболиный заповедник появился уже в советское время в Сихотэ-Алине.

В заповедниках не только запретили охоту на соболя, но и изучали его, создавали необходимые условия

для увеличения поголовья. И вот результат: соболь, почти истребленный в царское время, не только сохранен, восстановлен, но и расселен от Урала до Тихого океана. И велика в том заслуга работников Баргузинского заповедника.

— Бессменным директором заповедника в течение тридцати лет был Зенон Сватош, после Доппельмайра. Я знал Сватоша, когда жил в Давше,— сказал Михаил Ильич.

Чех по национальности, Сватош, попав в Сибирь, так полюбил ее природу, что посвятил ее изучению всю вторую половину жизни. Его исследования по биологии баргузинского соболя фундаментальны и уникальны. Ученые последующих времен только дополняли и уточняли выводы Сватоша. Изучал он и байкальскую нерпу и тарбагана.

Слушала я Жигжитова, а сама глаз не сводила с проплывавших берегов. Баргузинский хребет. Он самый высокий на всем подлеморье Байкала. Две тысячи восемьсот сорок метров его наивысший пик. Скалы подступили к воде почти отвесной стеной.

Но вот гранитная стена начала круто заворачивать в море. Достигли мы мыса, и открылась глазам глубокая бухта. Скалы ушли от берега, уступив место ровной зеленой поляне, по краю которой ниточкой стояли деревянные домики. Сзади них огороды. Потом тайга. Она круто карабкалась вверх по горам. На какой-то черте оступилась — пошел голый камень, голец.

Давше — центр Баргузинского заповедника.

Началась суета на палубе нашего катера. Жигжитов с волнением смотрел на бухту. Он уехал из Давше десять лет назад.

Вдруг в глазах Михаила Ильича мелькнула тревога. Что он заметил там, на горах слева? Лес рыжий. Видно, солнце его так высветило.

— Ох-хо-хох! Так вот какой был страшный пожар...— сощурившись, всматривался Жигжитов.— Ох-хо-хох... Не уберегли леса, не уберегли зверя! — сокрушался он, качая головой.

Директора заповедника на месте не оказалось: уехал в райцентр по делам.

Мы же отправились в музей заповедника. Я с любопытством разглядывала чучела зверей, обитающих на территории заповедника. И представляла себе: в высо-

когорных частях Баргузинского хребта встает столбиком любопытный камчатский сурок, или черношапочник, как зовут его здесь; мчится изюбр; затаилась рысь в ожидании добычи; осторожно ступает по снегу широкими лапами росомаха; промелькнул белый горностай с черным хвостиком; порхают и поют на разные лады птицы с забавными названиями: гималайская завирушка, горный конек, краснобрюхая горихвостка.

Материалов по флоре и фауне Баргузинского заповедника собрано за полстолетия множество. Особенно интересно слушать о баргузинском соболе. Да, красавец, ничего не скажешь. Мех темный, почти черный. Видно, густой. Я дунула на него, как делают меховщики. С трудом колыхнулся пышный мех, показалась голубая подпушь. Царь-соболь наш баргузинец!

«Царский» стол его чрезвычайно разнообразен. Плохо с орехами — в ход идут осы, пчелы, их личинки. Подвернется сурок — задавит его. Но вот как соболь, маленький зверек, отваживается нападать на кабаргу, которая крупнее матерого козла,— это было мне непонятно.

— Выслеживает с дерева кабаргу, набрасывается сверху ей на шею, перегрызает артерию,— объяснил мне Жигжитов.

...Михаил Ильич, набегавшись по поселку, сидел на скамейке, устало опустив руки, улыбался чему-то про себя.

— Учеников повидал,— радостно сообщил он.

— Каких учеников? — не поняла я.

— Своих.

Оказалось, промысловиком-то Жигжитов стал всего лишь пять лет назад. А до этого учительствовал в начальных школах разных рыбачьих поселков Байкальского подлеморья. Любил свое дело. Старался дать детям все, чем владел сам. И у отцов их, охотников, Жигжитов был первым человеком. Письмо ли составить, посоветоваться ли, правды добиться — шли к учителю Михаилу Ильичу.

Но и врагов он нажил себе среди тех, кто к людям был глух. Однажды по просьбе рыбаков написал в газету, что в колхозе у них беспорядки, все добро разбазарил, пропил с дружками председатель колхоза. Приехала ревизия. Председателя сняли с работы. Но родственник его, что сидел в РОНО, затаил на Жигжитова

злобу — велел перевести его в Журавлиху, в тайгу, далеко от Байкала. Жигжитов наотрез отказался.

«Не поедешь? — вскипел начальник.— Не будет тебе школы на Байкале!»

Вот и пошел из учителей в охотники. А я-то думала, что Жигжитов всю жизнь был зверодобытчиком.

Жигжитов посмотрел на часы и, вспомнив что-то, сказал, обратившись ко всем, кто был в эту минуту на палубе:

— Пойдемте-ка в гости. Пора. К бухгалтеру заповедника. Это моя ученица, Майя. Она приглашает всех.

Уговаривать нас не пришлось.

— Старательная была,— улыбаясь, вспоминал Михаил Ильич уже в Майином доме, отечески глядя на девушку.— Не случайно пошла в бухгалтерию. Аккуратность любила во всем.

Майя зарделась румянцем. И вместе с матерью подносила к столу блюдо за блюдом. Во главе стола сидела бабушка Деденьга — торжественно, прямо, по-праздничному одетая ради гостей. На ней был замысловатый бурятский чепец и на груди украшение — шемхурге. Бабушке Деденьге много, очень много лет. Сколько, даже забыла она. По-русски ни слова не понимает, а по-бурятски ей прямо в ухо кричал что-то Жигжитов.

— Я ей внучку хвалю,— объяснил нам Жигжитов.— Ну-ка скажи, Майя, москвичам, сколько стоит баргузинский соболь на мировом пушном аукционе? — спросил он тоном учителя.

А та в ответ вдруг опять покраснела, потупила взор:

— Не знаю.

— Как же так? — растерялся учитель.

— Я ведь зарплату рассчитываю работникам заповедника, приход, расход по разным статьям. По многим,— виновато оправдывалась Майя.

— Ну хотя бы спросила у знающих,— стараясь смягчить укор, сказал Михаил Ильич и сам объяснил: — Манто из нашего соболя стоит за рубежом столько, сколько легковой автомобиль.

— Неужели? — удивилась я.

— А вы думали,— с гордостью ответил Жигжитов.

— Я читала в «Правде Бурятии», что вы, Михаил Ильич, в прошлом сезоне добыли тридцать пять соболей,— постаралась замять неловкость Майя.

Покидали мы Давше через день поздним вечером. Михаил Ильич опять заговорил о пожаре, о делах заповедника:

— Люди очень нужны здесь. Работает пять лесников вместо десяти. Всю территорию им, конечно, не охватить. Научных сотрудников вместо шести двое — молодые специалисты, только-только из института. Супруги Жаровы. Руководителя у них пока нет. А от людей, которые тут живут и работают, зависит очень многое. Сватошу вон как доставалось... В мировую и гражданскую войну вместе с немногими помощниками охранял соболя в заповеднике. Вокруг война была, а они стерегли добро для народа, для будущего. Жизнью своей рисковали в те годы, когда власть еще не была налажена. А иные охотники так и норовили добывать соболя именно здесь, где его густо,— понять не могли по своей темноте, что заповедник. А сколько Сватош сделал для изучения баргузинского соболя!

Я за энтузиазм, за таких людей, как Сватош. Они близки моему сердцу. Вот что: пожалуй, напишу я о Сватоше. Пусть все о нем знают и берут с него пример.

Вот так сюрприз! Оказывается, Жигжитов пробует себя в литературе. Написал несколько рассказов. Они удались. Их напечатали в журнале «Байкал».

...Капитан дал сигнал к отплытию. Провожать нас высыпало все население поселка Давше. Передавали с нами письма, чтобы быстрее дошли они до близких, друзей, махали прощально руками.

Подошла к концу моя первая поездка по Байкалу. В Максимихе, расставаясь с Жигжитовым, я долго молча трясла его руку, не в силах объяснить, как благодарна ему: именно он открыл мне любезное сердцу его подлеморье.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

1965 ГОД. ИЮНЬ

1

Дружба наша с Жигжитовым продолжалась и после моего отъезда. Мы вели оживленную переписку.

«Дома все здоровы, ребята учатся хорошо, старуха хлопочет вокруг очага,— сообщал мне Михаил Ильич.— У нас открылся сезон охоты. Теперь с октября по март буду изредка гостем дома. Добыл медведя и кабана. Мясом обеспечился. Теперь начинаю добывать соболей. Тамбур и Найда дождались золотой поры.

Сейчас у нас стоит ясная, теплая погода. Выпавший снег растаял. Байкал ласкает взор своей нежной голубизной. Горы покрыты синеватой дымкой. Чудесно!»

«Вчера вышли из тайги,— писал он мне 30 января.— Зима в этот сезон охоты жестокая. Мороз до —50°. Соболь укочевал в другие места, так как у нас очень глубокий и тугой снег, а поэтому корм ему достается с большим трудом. Вот такие плохие дела».

Следующей зимой Жигжитов радовал меня вестью об удачном промысле:

«Соболей я добыл в два раза больше, чем надо по плану. Понерповал хорошо.

Купил себе моторную лодку (мореходку). Можем теперь в Давше поехать на ней.

Байкал-то и зимой прекрасен! Чистое-чистое сверкающее ледяное поле, и словно на льду вырос полуостров Святой Нос. Синее-синее небо. Обильное солнце. А вокруг зеленый бархат тайги. Приезжайте — сами увидите».

Почти в каждом письме Жигжитов писал мне о Байкале, как о живом существе, как сообщают о близких, об их самочувствии, о настроении, о переменах в их жизни:

«...Байкал нежится».

«...Начинает хмуриться».

«...Байкал бушует. Он сейчас седой-седой. ...Мрачный, но все такой же великолепный».

Не переставал восхищаться Жигжитов священным морем, навсегда очарованный им, звал к нему, разжигая желание поехать туда, бросив дела.

...Наконец я опять на Байкале. Мы плывем с Жигжитовым на его «мотодори», любуемся пейзажами, делаем остановки, где захочется.

Решили побродить по тайге. Идем по тропе друг за другом. Жигжитов — первый. В лесу душно. Перемешались тысячи запахов. Три километра в час, быстрее по тайге идти невозможно. А рядом, вдоль тропки, в обратную сторону бежит, спотыкаясь о камни, бурлит, клокочет, спешит к Байкалу хрустальная речка Таркулик.

Здесь, в тайге, я вспоминаю, что обо всем этом читала в книгах Жигжитова, и ясно представляю, как зимой здесь крутит «чумница» — сумасшедшая лыжня, петляющая меж деревьев, хлещущих по лицу колючими ветками, прыгающая через колдобины, проваливающаяся в неожиданные пропасти, как по «чумнице» несется жигжитовский герой Бадма, преследуя добычу.

Охотники и рыбаки, которых встречала я в поселках подлеморья, такие же, как у Жигжитова: ничем не приметны, сдержанны. Но когда поближе познакомишься с ними, видишь, как они благородны, чутки к чужой беде. Теплотой и щедростью отличаются сердца угрюмых таежников.

Жигжитов пишет о них без восторгов. Он просто рассказывает, что живут в подлеморье такие вот люди, сам вместе с ними охотится, подкрадываясь к нерпе по снегу ползком, затаив дыхание. И когда беда, бросается в ледяную байкальскую воду, в «черное провалище», спасать тонущих охотников. Греется с ними у костра в ожидании горячей, душистой ухи, вдыхая терпкую махорочную гарь. И ведут они неторопливую свою беседу, из которой «салага» Костя узнает еще один секрет их ремесла:

— Ты, братуха, в нерпу стреляй, когда усы увидишь.

Жигжитов описывает охотничью жизнь очень точно, зримо, потому что сам охотник.

...В море пустынно и дико. Вода и гольцы. Торжественная тишина. Строгая, молчаливая, величавая природа. Часами плывем, и никаких признаков присутствия человека. Лишь изредка мелькнут плывущие рыжие бревна: где-то рассыпалась сигара сплавляемого леса. Совсем редко торчат из воды квадратом гундеры ставников — вехи, отмечающие, где невод поставлен. Да на берегу одна-две избушки приткнулись средь тайги. Бригада рыбаков тут живет. Еще того реже — поселки. Суровый, но красивый край.

Байкал своенравен. Гладкий, прозрачный, спокойный, нежится под лучами теплого солнца, а то вдруг вздыбится, пойдет мелкими сердитыми барашками. И так мрачно станет кругом. А если сорвется шквальный баргузин, или верховик, пронизывающий, неумолимый ветер, быстрей плыви в закрытую бухту, а то, не ровен час, погибель тебе.

В одну из бухт мы завернули с Жигжитовым. Но не страх перед бурей загнал нас туда.

— Бригада рыбаков тут стоит,— объяснил Михаил Ильич перемену курса.

Вскоре показались на берегу две избушки.

— Гоша у них бригадир,— сказал Жигжитов.— Тоже мой ученик.

Один дом был нежилой, в другом жили шестеро рыбаков. Шесть железных кроватей, струганый стол вдоль стены и длинная скамья. На краю стола — радиоприемник.

Нас встретили радостно. Михаил Ильич расцеловался с Гошей, двадцатипятилетним поджарым парнем, присел с ним к столу, обнял, время от времени похлопывал его по спине. И все восклицал:

— Вырос-то, вырос как!

Несмотря на радость встречи, чувствовалось, что Гоша чем-то встревожен. Жигжитов скоро заметил это.

— Говори, Гоша, говори, что у тебя на душе,— затормошил его Михаил Ильич.

— С техникой плохо у нас,— пробурчал Гоша.

— Как плохо? — прервал Жигжитов.— Фелюги, мотодори появились у нас. Плохо?!

— А что, по-вашему, фелюга — техника? Вон по радио про какую говорят. А у нашей скорость десять — двенадцать километров. Пока поставишь сеть и обратно идешь, уже и день кончился.

Когда мы, распрощавшись с рыбаками, плыли с Жигжитовым дальше, он был встревожен.

— Молодежь не хочет жить в подлеморье. Техника ей нужна, городской комфорт. Как ни мудри, суровый климат Сибири не смягчишь. Но можно ли допустить, чтобы постепенно захирели охотничий и рыбачий промыслы, чтобы некому было добывать пушнину и рыбу, охранять лес и рубить его, собирать ягоды, орехи, грибы? Что предпринять, чтоб удержать молодежь в подлеморье? Что — не знаю. Одно пока мне ясно: мы, старшие, обязаны готовить себе смену сильную, не пасующую перед суровой таежной жизнью. Это уж точно.

Жигжитов к тому времени уже написал повесть о Сватоше. Она была напечатана в «Байкале» и вышла отдельной книгой в центральном издательстве, вызвала много отзывов. Письма шли и шли в Максимиху.

Он складывал их аккуратной стопкой и тихо улыбался, когда я вслух читала слова восхищения его героями, их мужеством, силой, отзывчивостью.

— Видите, дошло,— радовался он.— Так хотелось пробудить интерес к работе в условиях нашего красивого и сурового края!

2

Мы подплывали к Ушканьим островам.

На Байкале всего двадцать семь островов. Двадцать два из них постоянные, пять — периодически затапливаются, уходят под воду. Самый крупный остров — Ольхон. Семьсот тридцать квадратных километров. Он ближе к западному берегу. А к восточному примыкает второй по величине остров — Большой Ушканий.

Высадились на одном из трех Малых Ушканьих островов.

— Тут бывают нерпы,— сказал Жигжитов, вытаскивая лодку на берег.— Только, чур, тихо. Нерпы чуткие. Услышат — уйдут в открытое море. Не увидим.

Пошли по тропке через узкий остров к противоположному берегу. Ступали осторожно, глядя под ноги,

чтоб ветка не хрустнула, разговаривали шепотом, а больше молчали. Когда блеснула вода, стали красться, пригнувшись, прячась за деревьями и замирая. Подобрались поближе к воде, привалились к замшелым валунам и опасливо выглянули из-за них.

Нет, нерпы не лежали на солнышке. Плавали под водой. Лишь изредка смешно выныривала то одна, то другая нерпичья голова с круглыми черными глазищами. Выпрыгнет высоко, деловито, внимательно, с любопытством, как человек, поглядит по сторонам, вдохнет в себя воздух и уйдет надолго под воду.

Одна из нерп показалась из воды у самого берега, где мелко. Медленно заскользила, обнажив спину, засверкавшую серебром на ярком солнце. Северные нерпы желтого цвета и непременно пятнистые. Байкальские — серебристо-серые.

— Хорош мех! — шепнула я Михаилу Ильичу в самое ухо.

— Но, к сожалению, нерпичьи шкурки используются в основном лишь как кожевенное сырье.— Жигжитову снова захотелось рассказать мне «все о нерпе».— До двадцати минут проводят они под водой непрерывно. Питается нерпа бычками, глубоководной голомянкой — рыбному промыслу не приносит урона. Жир ее ценится. Идет в пищевую промышленность, используется для технических целей и в медицине.

Нерпы мало плодовиты. Самка приносит весной всего одного детеныша. Зовут его зеленцом. Через несколько дней он становится белым — бельком. А в полтора месяца принимает серебристо-серую, постоянную окраску. Таинственно появление нерпы в Байкале. Ученые еще не раскрыли эту загадку. Но про мех-то нерпичий всем известно.

— Почему же его не выделывают? — спросила я Жигжитова.

— Никак не наладят первичную обработку нерпичьей шкуры,— ответил Михаил Ильич.— Трудно это делать в кустарных условиях.

— Так можно построить меховую фабрику, с современной техникой и технологией,— предположила я.

— И с современной химией? — сердито посмотрел на меня Жигжитов.

3

В Давше, куда мы с Жигжитовым прибыли через день, снова встретились со старыми друзьями.

Супруги Жаровы по-прежнему работают в заповеднике — набрались за эти два года немало научного опыта и знаний. Научных работников был уже полный штат, руководила ими заместитель директора по научной работе, кандидат биологических наук Лидия Петровна Николаева.

И тема у них самая новая — биоценозы (сообщество живых организмов, населяющее однородный участок природы и имеющее определенный видовой состав). Ученые заповедника, обобщая накопленные данные, постепенно выяснят продуктивность биологической массы в природе без вмешательства человека. А потом смогут давать научные рекомендации промысловикам.

С увлечением окунулась в дела заповедника. Ходила с учеными в полевые экспедиции, рылась в архивах. Поднималась на лодке вверх по рекам — к лесникам, на кордоны.

В первую очередь интересовал меня соболь. Я разузнала, почему уцелел он в свое время именно здесь, в Баргузинском районе.

Причин несколько. Во-первых, охотники сюда не очень шли. Слишком далеко от населенных пунктов. Склоны Баргузинского хребта круты, опасны для человека. Обильны осадки здесь. По глубокому снегу трудно преследовать соболя. Кстати, из-за этого и волки тут не живут. Во-вторых, укрытий для соболя здесь больше, чем где бы то ни было. В-третьих, баргузинский соболь легко приспосабливается к той пище, которая попадается. Голодная смерть ему не грозит. К тому же кедр здесь особенно плодоносящий, полного неурожая не бывает. Притом урожаи его и кедрового стланика чередуются. Вот почему выжил соболь именно здесь, на северо-востоке Байкала.

Река Большая берет начало высоко в горах, на западном склоне главного Баргузинского хребта. Она с трудом пробивает себе путь, хотя и несутся ее воды вниз с бешеной быстротой. Долина там тесная, узкая, но километров за сорок до Байкала река течет по обширной Давшинско-Большереченской низменности, течет спокойно. На протяжении четырех-пяти километров

по обоим берегам Большой, между тридцать четвертым и тридцать девятым километрами от ее устья, выбиваются из земли двенадцать горячих источников. К ним-то мы и отправились на моторке.

Источники названий не имеют. Пронумерованы. Мы причалили к шестому. Он стекал в реку двумя ручейками, расположенными на расстоянии трех с половиной метров друг от друга. Измерили мы длину ручейков — примерно сто десять метров. Для этого пришлось подняться на террасу, вдыхая неприятный запах сероводорода, обходя стороной темную илистую грязь. Дно ручьев было тоже черно-илистое, но покрытое серыми соляными выцветами. Временами косматились вдоль течения ярко-зеленые тинообразные кисти водорослей. Как они тут живут? Руке горячо. У нас был с собой термометр. Опустила его в ручей — плюс 56 градусов.

Добрались до выхода источника. Запах усилился еще больше. Здесь температура воды уже плюс 75 градусов. Из глубины слышно клокотание — импульсивно выходят газы.

Во́ды и грязи источников целебны. Это издавна знают эвенки, которые приходят сюда на «процедуры», когда заболевают.

В поселке Давше тоже есть горячий источник. Его превратили в баню. Удобно: не надо воду таскать и греть. Весь поселок ходит мыться в эту баню — небольшой каменный домик, изнутри облицованный кафелем. Вытаскиваешь металлическую пробку, которой закрыт выход источника. Этой же пробкой затыкаешь другое отверстие — для стока использованной воды. Через две-три минуты комнатка-бассейн наполняется горячей (около 40 градусов) пахучей водой. Долго здесь не просидишь: душно и горячо. Состав и свойства воды в то время не были известны. Кому полезна она, кому идет во вред — давшинцы устанавливали сами, каждый на собственном опыте.

В баньке и возле источников думала я все о том, что такие бесценные лечебные воды используются плохо. Нет, я не имею в виду строительство курорта и санаториев в Давше и по реке Большой. Ни в коем случае. Заповедник опасно открывать для массовых посещений. Я думаю о соседних территориях. И там множество минеральных ключей, но на всем протяжении этой пространной термальной линии функционирует только

один курорт —в Горячинске. А ведь можно было бы создать тут свои Кисловодски, Цхалтубо, Ессентуки и Мацесты. Не пришлось бы сибирякам и дальневосточникам тратить большие деньги на дорогу к далекому Кавказу.

Каждый вечер в Давше погода хмурилась, а то и начинало дождить. Но в последний день моего пребывания в заповеднике до самого заката было ясно и солнечно.

Вышла на берег Байкала, села на отмытую, полированную корягу, выброшенную когда-то волной. Величественно и спокойно опускалось в байкальские воды раскаленное светило.

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

1977 год. Август

1

Снова я в подлеморье. Еду той же дорогой из Улан-Удэ в Максимиху. И не узнаю шоссе. Раньше пустынной и дикой была здесь тайга. Теперь то и дело встречаются огромные грузовики. Доверху наполненные, тяжко ухая, они везут и везут грузы на БАМ, который тянут от северного Байкала на восток, к Амуру. А навстречу им тоже идут отряды строителей.

Время от времени попадаются лесовозы, неуклюже выворачивающие с лесовозных дорог на шоссе. Раньше не было этих дорог, не вывозили с лесосек древесину автомашинами — сплавляли по рекам молем.

Тесно стало на трассе. Теперь уж не назовешь тайгу безлюдной.

За три километра до Максимихи вырос пансионат Бурятского отделения общества «Знание». По другую сторону деревни открылась Всесоюзная туристская база. Байкал притягивает к себе, едут сюда отдыхать люди со всех концов страны.

Во дворе дома Жигжитовых так же бездельно греются на солнце две лайки. И клички у них те же: Тамбур и Найда. Только они уже третьего поколения. На пороге избы показалась Зинаида Давыдовна. По-цыгански яркая, она, по-моему, совсем не постарела.

Разговорам нашим, казалось, не будет конца: за двенадцать лет накопилось много вопросов и новостей, хотя и переписка не обрывалась, и с Михаилом Ильичом мы встречались в Москве.

Заговорили о детях Жигжитовых. Трое сыновей остались в тайге. Двое работают шоферами, а Миша, младший, окончил техникум и вот теперь охотовед в Нижнеангарском районе, где начали строить БАМ.

После обеда пошла на Байкал. Миновала магазин. У двери прибита табличка: «Помни: отлов омуля запрещен!»

Да, пришла иная пора. Природу стали оберегать, помогать ей. На Байкале, например, построили несколько рыборазводных заводов. В семьдесят седьмом году разрешили колхозам отлов как научно-промысловую разведку, чтоб выяснить, восстановлены ли стада омуля, можно ли снять запрет, рассчитать оптимальные размеры лова на перспективу.

Недолго погостив у Жигжитова, отправилась в плавание вместе с ним на том же «Тайфуне» — катере рыбоохраны. Капитан новый — Николай Иванович Каманенков. Он принял судно всего два месяца назад. До этого ходил по Онеге на лихтере (таскали лес в кошелях), по Каспию на траулере (добывали кильку), по Черному и Азовскому морям на промыслово-транспортном судне (возили людей, стройматериал), по Ладоге на траулере рыболовецкого колхоза. Ему тридцать шесть лет. Но выглядит он моложе. В облике и поведении осталось что-то мальчишеское. Надоест ему стоять за штурвалом — вытягивает ногу, упирается ею в нижнюю часть колеса и так «одной левой» ведет судно. Пшеничные усы как будто приклеены «понарошку». Так и подмывало спеть шутливую песенку Новеллы Матвеевой про капитана. У него в подчинении двое. Два Миши. Один Миша — моторист, подлеморец. Другой Миша на катере — Михаил Александрович Пятецкий. Ему уже за сорок. Он на «Тайфуне» выступает в трех лицах: рыбинспектор, радист и матрос.

Со штатами в рыбинспекции стало трудно. С тех пор как в Северном Прибайкалье началось строительство БАМа, подлеморцы подались туда. Заработки, престижность. В Баргузинской рыбоохране осталось всего шесть инспекторов из тринадцати, необходимых по штату.

Вот и работает Михаил Александрович за троих.

Сидим с ним на палубе. Михаил Александрович зорко всматривается в даль, глядит по сторонам, стараясь не прозевать рыбачью лодку или «наплыв» сети бра-

коньера. Если обнаружит нарушителя с омулем, заберет сеть, конфискует рыбу, оштрафует, улов сдаст на рыбокомбинат или в магазин.

Слева по борту, узнала, показались Ушканьи острова, где водится нерпа. Охота и на нее ограничена. Частным лицам вообще запретили добычу нерпы. Разрешена только колхозу «Победа». Причем и тут отношение к делу стало более рациональным: нерпу ловят сетями. Отстрел взрослой нерпы запрещен, так как подбитая нерпа, часто мужественно добиралась до отдушины, уходила под лед и погибала.

Ушканьи острова остались позади. Мы вышли в открытое море. Всю ночь «Тайфун» шел вдоль берега. Команда, сменяясь, несла вахту. Пассажиры, опьяненные за день чистейшим воздухом, беспечно спали в каютах.

Утро застало нас в маленькой бухте Змеиной, которую местные жители зовут Змеевой. Берег лесистый, крутой. У подножия горы бьет горячий ключ. Выход его из-под земли забран в неглубокий широкий колодец. Из колодца ручеек вытекает в Байкал. В этом месте камни покрыты белым налетом, и толпятся там кучно стаи мальков.

— Тоже любят тепло,— улыбнувшись, заметил Жигжитов.— И змеи любили, ужи. В ручейке грелись. Поэтому и бухту назвали «Змеевая».

Мы пошли в гору по едва приметной тропе.

Внизу, у подножия горы, на которую мы взобрались, появились наши попутчики, курортологи,— высыпали на берег, начали работу — обследование источника.

Мы с Жигжитовым сбежали по тропе к колодцу, в котором уже сидел Каманенков, погрузившись по плечи в целебную воду.

Курортологи опустили в колодец термометр на капроновом шнуре. Температура воды плюс 44 градуса по Цельсию. Взяли пробу.

Алина Борисовна Авдеева, руководитель отряда, рассказывала мне, что в Бурятии они обследовали уже немало источников: в семидесяти километрах от Улан-Удэ, на Питателевском месторождении, в Курумканском районе, в Баргузинской долине. Впереди у них Давше — дождались Большереченские источники своего часа. Потом курортологи полетят в Нижнеангарск, в Иркутскую область, в Тынду, в Хабаровский край.

В Читинской области они уже изучали все места, где бьют минеральные источники.

В отряде есть гидрогеолог, врач-курортолог, климатолог, инженер-химик. Они посланы Геоминводом Центрального научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии Министерства здравоохранения СССР. Цель экспедиции — комплексное обследование минеральных вод и лечебных грязей в зоне БАМа, выяснение перспектив их дальнейшего изучения и, главное, практического использования. Придет время, построят тут санатории и курорты не хуже кавказских. На БАМе, где вырастут города, крупные промышленные комплексы, станции и поселки, будут созданы превосходные здравницы.

2

Мы высадились в Давше. Я с волнением смотрела вокруг, как смотрел когда-то Жигжитов, вернувшись в эти хорошо знакомые ему места после десятилетнего перерыва.

Что же нового в Давше?

Часть поляны, через которую шла от катера к поселку, оборудована под летную площадку. Значит, установлена авиационная связь Давше с окружающим миром. В поселке появились новые дома. Приятно пахнет свежеструганой древесиной. «Клуб», «Магазин», «Фельдшерский пункт», «Почта», «Библиотека» — читаю новые таблички, проходя по поселку. Вот и «Дирекция».

Из-за стола поднялся директор.

— Янкус Геннадий Андреевич,— представился.— Директорствую здесь с февраля семьдесят первого года.

И как-то с ходу, просто завязалась у нас деловая беседа.

Новостей в Давше, верно, много.

Открыли аэродром, провели телефон. Связь поселка с внешним миром стала проще. На душе у людей полегчало: не заброшенные, не отрезанные. И с жильем стало лучше. Открыли свою пекарню. Электричество подается с восьми утра до одиннадцати вечера. Провели и водопровод. Постепенно укомплектовали штаты. Наладили охрану заповедной территории. Заключили до-

говор с пожарной авиацией. Заповедник обзавелся своим патрульным транспортом: шесть катеров, мотонарты «Амурец», пара аэросаней, незаменимых в снежные зимы. На кордонах — на северном (на реке Большой) и южном (по реке Сосновке) — поставлены мощные стационарные радиостанции. В любую минуту можно подать сигнал в Давше, в Нижнеангарск, в Баргузин. Кстати, южный кордон не узнать: новый двухквартирный дом, дизельная электростанция, небольшая гостиница для научных сотрудников, просторный склад. Северный кордон также реконструируется. Патрульные зимовья и тропы содержатся в лучшем виде.

За организацию охраны и выполнение годовых заданий по научной и лесоводческой работе Баргузинский заповедник получил право быть участником ВДНХ по итогам 1974—75 годов.

Но это не значит, что трудности преодолены в Давше. Суровость климата никто не может изменить. В тайгу, а не в городской сад идут работать научные сотрудники.

Задачи перед Баргузинским заповедником стоят очень ответственные. В Давше будет создана биосферная станция, на которой начнутся комплексные наблюдения.

Заповедник работает по двум темам: летопись природы и изучение соболя. Летопись ведут все научные работники, каждый по своей специальности. Это — архив. Можно взять из него любые сведения для сравнения, исследования и обобщений по данной местности и для сопоставления с другими территориями. Летопись помогает ученым выяснить многие загадки природы, выработать рациональные принципы пользования природой, о чем мечтал еще Фридрих Энгельс, когда писал в «Диалектике природы»:

«...Мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над нею так, как кто-либо, находящийся вне природы... Мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри нее... Все наше господство над ней состоит в том, что мы в отличие от всех других существ умеем познавать ее законы и правильно их применять».

Флорой заповедника много занимался в последние годы старший научный сотрудник Владимир Николаевич

Сиплевинский. Он пополнил список флоры Баргузинского заповедника множеством обнаруженных им растений. Его флористическими находками интересуются ученые и у нас, и за границей.

«Соболиная», вторая тема научной работы заповедника, очень важная, за нее главный спрос.

Уже десять лет изучает соболя старший научный сотрудник Евгений Михайлович Черникин.

Когда мы с ним познакомились в 1965 году, он был в Давше новичком, еще только пытался найти возможность подступиться к хитрому, ловкому зверьку. Пробовал ставить приманки. Но когда корма в тайге достаточно, соболь обходит ловушки. Евгений Михайлович стал вести отлов соболей, используя опыт охотников. Пошел в тайгу вместе с двумя коренными таежниками — Михаилом Григорьевичем Михалевым и Юрием Феоктистовичем Татариновым. Их собаки отыскивали соболя, преследовали его, загоняли на дерево. Кто-нибудь лезет за соболем с длинным шестом, имеющим проволочную петлю на конце (самодельные «кошки» с самодельной ловушкой). Настигают соболя иногда уже на самой макушке кедра, на высоте метров в тридцать, то есть на уровне десятого этажа. И там, изловчившись, цепляют петлей огрызающегося, верткого зверька. Бывает, доберутся до вершины, а соболь шасть — перепрыгнул на соседний кедр, качнувший вершиной в его сторону. Начинай тогда спуск и восхождение сначала. Или пиши пропало: сбежал соболек по верхушкам деревьев. Обычная удача иль неудача древнего промысла.

Зато когда изловят зверька, тут уж Черникин обследует его доскональнейшим образом.

На каждого отловленного соболя у Евгения Михайловича заведено «досье»: когда и где взят, каков он, какую серию, номер получил на клейме в ухе. Двести дел в «соболиной» картотеке Черникина, двести оклейменных соболей бегают по тайге. Иные из них дважды и трижды были пойманы исследователем, и новые сведения внесены в «досье».

Накопленный материал, который тоже ложится в летопись природы, дает возможность сделать некоторые выводы по экологии баргузинского соболя.

Черникин не раз отлавливал в соседних территориях

зверьков со своими метками. Это подтверждало, что ученые заповедника имеют уже большие успехи, соболь расселяется в окрестной тайге, в заповеднике его стало много.

Однако выяснилось, что баргузинский соболь менее плодовит, чем его собратья. Самка рождает двух-трех щенят. Кормит их в течение двух месяцев: апрель — май. При этом ведет скрытый образ жизни, не отлучается далеко и надолго от гнезда. Но если заставит нужда, покидает гнездо и перетаскивает из него детенышей иногда за километр. Самец же свободен от отцовских обязанностей. Живет себе вольно, не участвует в воспитании и защите детенышей. Раньше существовало у зоологов два мнения об образе жизни соболя. Одни считали, что это оседлый зверь, другие — что кочевник. Наблюдения Черникина показали, что все зависит опять же от кормовых условий. Соболь может жить долго на одном месте, если пищи в достатке. Но может и перебраться в поисках корма на новое место обитания, новую станцию.

— Сильно развита у соболей наследственность и внутривидовая изменчивость,— заметил Черникин.— Если у самки есть горловое пятно, оранжевое или беловатое, точно такое же будет и у ее детенышей. Если мать вся белая, детеныши тоже альбиносы. Значит, в питомниках можно выводить путем искусственного отбора соболей с заданными качествами.

Черникин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Основные черты экологии баргузинского соболя». Ученый пришел к выводу: из-за того, что в Сибири более суровая природа, чем в Центральной и Южной Европе, хуже кормовые условия для зверя (исключение составляет Баргузинский заповедник) — меньше ягод, ниже урожаи ореха, часто бывают поздние весенние заморозки и снегопады, убивающие завязь, меньше грызунов — плодовитость пушного зверя в Сибири ниже, чем в Европе, плотность его меньше. Но вместе с тем суровые условия определяют лучшие меховые качества пушного зверя. Это проверено на белке. Завезли ее с Алтая в Теберду пушистой, а она там постепенно выродилась: шерсть ее стала низкой и не такой густой, сроки линьки удлинились.

Значит, к сибирским пушным богатствам следует относиться бережливо, разумно. Строго регулировать про-

мысел — размеры его определять, предварительно оценив численность зверя, состояние кормовой базы. И конечно, очень важны крупные резерваты-заповедники с большой территорией.

3

В Усть-Баргузине я простилась с командой «Тайфуна», с нашими спутниками. И пустилась в обратный путь на машине через тайгу в Улан-Удэ.

Дорога показалась мне еще более тесной и пыльной после чистоты и простора Байкала. Но сетовать не приходится: везут грузы для грандиозной стройки, которая поможет в корне изменить весь облик просторнейшего края — Сибири и Дальнего Востока. А что лесовозов стало много в тайге подлеморья это ей же на пользу, ее рекам, Байкалу.

Сплав молем запрещен теперь в подлеморье. Он засорял реки. Бревна, сброшенные в воду, плыли вниз по течению. На узких местах, мелях и косах застревали, возникали заторы. Долго оставаясь в воде, бревна, набухая, тяжелея, рано или поздно шли ко дну. Наносился урон рыбному хозяйству: рыба переставала ходить на нерест во многие реки Бурятии. Молевой сплав по рекам и буксирование древесины в «сигарах» по морю ухудшали качество байкальской воды. Дубильные вещества, терпеновые, углеводородные, скипидар, фенол, содержащиеся в коре и древесине, брали из вод Байкала кислород, вступая с ним в реакцию.

Нарушая основы научного лесоводства, рубили лес по рекам, по берегам Байкала. Малые речки, ручьи не выдерживали оголения, пересыхали. Начиналась эрозия почвы. Слишком много снимали сосны, кедра, ели. Не оставляли куртин семенников для естественного воспроизводства. На таких вырубках гнила древесина, распространяла болезни леса. Захламленные лесосеки совершенно выпадали из лесовоспроизводства, естественного и искусственного: невозможно было сажать деревья ни механизированно, ни даже вручную.

По рекам уничтожали лес, используя лишь малую долю, а в стороне от сплава перестойные деревья безнадежно угасали от старости, заражали подлесок.

Теперь в Забайкалье стали брать лес несравненно

разумнее, перейдя на автотранспортировку. Используют уже не только сосновые. В лесосеке навели порядок. Поваленные деревья с вершинами, сучьями везут на склад, там их разделывают на полуавтоматических линиях, превращая в деловую древесину. Сучья, вершины, тонкомер тоже идут в дело: рубят их в технологическую щепу — сырье для производства целлюлозы и стройматериалов: древесностружечных, древесноволокнистых плит, арболита. Очищают берега Байкала и рек, их русла от разнесенной и затонувшей древесины. Байкальская рыба, в том числе омуль, стала опять подыматься на нерест вверх по Турке, Итанце, Баргузину. Благодаря постановлениям ЦК партии и правительства об охране Байкала все шире распространяется в подлеморье культура лесопользования. Немалую роль сыграет и принятый в июне 1977 года закон «О мерах по дальнейшему улучшению охраны лесов и рациональному использованию лесных ресурсов».

В подготовке научных обоснований постановлений об охране Байкала участвовали несколько институтов, в том числе Лимнологический институт СО АН СССР. Туда-то, под Иркутск, и направилась я, завершая третью встречу с Байкалом.

4

Лимнологический институт изучает озера, в первую очередь Байкал, попутно реки. Основные направления научной деятельности Лимнологического института — исследование биологической продуктивности Байкала и проблемы рационального использования его природных ресурсов.

Установить биологическую продуктивность Байкала — это значит изучить всех его обитателей, от самого крупного животного, нерпы, до микроорганизмов, не видимых простым глазом, знать их взаимоотношения, взаимозависимость: кто кому друг или враг, кто кем кормится, когда и в каких количествах. Представлять и среду, химический состав воды: сколько в ней азота, фосфора, кремния, железа, которыми питаются водоросли, сами являющиеся пищей для ракообразных. И конечно, надо знать, сколько в воде кислорода — основы всей жизни, кто поглощает его, в каких количествах.

Скрытен старик Байкал, прячет глубоко и надежно свои секреты. Скупо расстается с ними. Но ученые упорны — они раскрывают шаг за шагом тайны «славного моря».

За последние десять лет лимнологи обнаружили в Байкале около трехсот неизвестных доселе видов животных и растений.

Байкал не просто объект научного исследования. Это — национальная гордость, драгоценное достояние народа. Понятно, что лимнологи не могут быть равнодушными к судьбе Байкала. Они вместе с другими учеными страны подняли тревогу, когда над ним нависла угроза. Огромную роль сыграло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятое в 1971 году, «О дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранения природных богатств бассейна озера Байкал». После выхода в свет этого важного постановления академические институты во главе с Институтом географии АН СССР разработали генеральную схему рационального использования природных ресурсов Байкала. Лимнологический институт принял самое активное участие в составлении научно обоснованной программы пользования уникальным водоемом.

Ученые Лимнологического института не только исследуют биологическую продуктивность Байкала, но и дают свои рекомендации народному хозяйству. Это по их рекомендации Министерство рыбного хозяйства запретило временно добычу омуля, чтобы восстановить его запасы, и построило еще один рыборазводный завод — в устье Большого Чивыркуя. По составленным институтом геоботаническим картам прибрежных участков Министерство лесного хозяйства определило границы водоохранной зоны Байкала, а Министерство лесной промышленности отменило молевой сплав древесины по нерестовым рекам и принимает меры для обезвреживания промышленных стоков двух целлюлозных комбинатов: Байкальского и Селенгинского. Эти-то целлюлозные предприятия, в свое время вызвавшие такую тревогу за судьбу «славного моря», заинтересовали меня особенно.

— Сделано много, чтобы оградить Байкал от вредоносного их воздействия,— сказала мне заведующая отделом микробиологии Милица Александровна Месси-

нева.— По требованию партии и правительства и при активном участии ученых на этих предприятиях созданы такие очистные сооружения, каких нет нигде в мире. Никто, кроме нас, не умеет до такой степени обезвреживать целлюлозные сбросы. Стоит это очень дорого. Столько же, сколько стоит опреснение морской воды на атомных установках. Но Байкал заслуживает таких трат.

— Какими способами достигают этого? — спросила я.

— Механическими, химическими и даже биологическими,— ответила Милица Александровна.— Биологические — использование бактерий, которые особенно быстро плодятся там, где находят хорошее питание: минеральные соли, органические вещества. В целлюлозных отходах такого корма предостаточно. Мы призвали бактерии на помощь, чтобы оградить Байкал и от береговых смывов. На заводской площадке при разгрузке разбрасываются химикаты. Дождь смывает их в озеро. Чтобы не пускать их туда, мы посадили тростник, на его корнях живут бактерии. В итоге вода, использованная целлюлозным заводом, очищается от органических веществ на 98 процентов, затем еще разбавляется в 50—100 раз и возвращается в Байкал чистая как слеза.

Я видела эту воду в стакане. Действительно, прозрачна и без малейшего запаха.

Трижды я возвращалась на Байкал и каждый раз убеждалась, что ученые, строители проявляют максимум заботы о Байкале, стараются оградить его от малейшей опасности. Особенно это заметно теперь, когда в Конституцию, Основной Закон нашего общества, вписана специальная статья 18, которая гласит:

«В интересах настоящих и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земель и ее недр, растительного и животного мира, сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды».

Неповторимый Байкал будет жить, приносить людям пользу.

* *
*

Я уже считала, что книга закончена, как вновь почувствовала острую необходимость отправиться в путь: захотелось узнать, что происходит сегодня на БАМе.

Но как увидеть стройку длиной в три с половиной тысячи километров? В июле 1978 года я отправилась в Новосибирск, к председателю Научного совета АН СССР по проблемам Байкало-Амурской магистрали академику Аганбегяну. Этот совет располагает информацией о строительстве БАМа. Там она анализируется, обобщается, на ее основе делаются выводы, строятся прогнозы на будущее.

Вот что рассказал мне Абел Гезевич Аганбегян:

— Все мы гордимся тем, что Байкало-Амурская магистраль успешно строится; результаты труда наших строителей вселяют уверенность в том, что в одиннадцатой пятилетке магистраль будет открыта для сквозного движения.

В связи с этим особое значение приобретает вопрос о скорейшей отдаче средств, затраченных на строительство железной дороги: как эксплуатировать построенные участки магистрали, чтобы получить наибольший экономический эффект для народного хозяйства? Нужно подготовиться к вводу в строй всей магистрали таким образом, чтобы суметь с максимальной эффективностью использовать ее сразу же после окончания работ в интересах экономики страны.

Современный период развитого социалистического общества характерен поворотом общественного производства в сторону интенсификации. В еще большей мере задачи повышения эффективности и качества будут стоять перед страной в одиннадцатой и двенадцатой пятилетках. Главный путь повышения эффективности освоения новых районов — обеспечение на деле комплексности в их экономическом развитии. Опыт освоения Сибири и Дальнего Востока убедительно показал, что наиболее эффективной формой развития производительных сил здесь является не разрозненное строительство отдельных предприятий, а создание целостных производственно-территориальных организаций в виде ТПК, совмещение разных предприятий на одной площадке с единой производственной и социально-бытовой инфраструктурой.

Здесь особенно важно иметь в виду некоторые обстоятельства, играющие в известном смысле роль резервов эффективности. Первое — опережающее создание производственной инфраструктуры, прежде всего дорог. Сибирский опыт доказал, что плохая дорога — это двойная, тройная трата средств, если учитывать результаты не одного года, а хотя бы десятилетия. Экономически целесообразно строить вдоль Байкало-Амурской магистрали сразу постоянную автодорогу, а не временную, которая быстро приходит в негодность. Отсутствие постоянной дороги снизит эффективность освоения районов, прилегающих к БАМу.

Тут я позволила себе прервать Абела Гезевича:

— Но ведь уже есть положительный опыт: строят Малый БАМ, используя превосходную Амуро-Якутскую автомагистраль.

— Вот-вот! Первое — АЯМ и Малый БАМ наглядно подтверждают, насколько экономически выгоднее иметь постоянную автомобильную дорогу по сравнению с временной, когда ведется строительство железнодорожной магистрали. Второе — все время держать в центре внимания комплексность использования сырья. Речь идет о создании лесопромышленных комплексов с глубокой переработкой, лесохимией и т. д. Третье — при освоении природных богатств Сибири и Дальнего Востока более последовательно использовать индустриальные методы освоения. В этом отношении страна обладает богатым и интересным опытом. Обратимся к примеру строительства на Зее. Привезли сборно-разборный завод по производству панелей, собрали и пустили его в течение трех месяцев. Строители отказались от сооружения временного жилья, стали строить хорошие, капитальные дома. И сейчас поселок зейских гидростроителей можно назвать образцом обустройства в трудном районе. Четвертое,— продолжал Абел Гезевич,— жесткое осуществление региональной технической политики. На БАМе много мощной современной техники. Можно смело сказать, что никогда до БАМа такая техника в транспортном строительстве у нас в стране не применялась. И эта техника, управляемая специалистами высокой квалификации, позволяет, конечно, резко повысить производительность труда. Мы обязаны помнить, что каждый новый человек на трассе БАМа стоит государству дополнительно пятнадцать тысяч рублей в год, если

учесть все: повышенную стоимость жилья и сферы обслуживания, повышенную зарплату, которую нужно платить не только строителям, но и учителям, врачам и другим работникам. Поэтому трудосберегающая политика является главным путем повышения эффективности хозяйственного освоения новых районов. Применение современной высокоэффективной техники, в том числе и в северном исполнении, было, есть и будет важнейшим условием успешного хозяйствования в районах Сибири и Дальнего Востока.

Научный совет АН СССР по проблемам БАМа видит свою главную практическую цель в подготовке научных основ комплексной программы освоения зоны магистрали. Уже проведены вариантные расчеты и определены необходимые количественные параметры программы. С использованием экономико-математических методов рассчитаны сетевые графики строительства БАМа и формирования ТПК в зоне магистрали, оптимизирующие выполнение программы в целом. В процессе подготовки научных основ создана большая информационная база для разработки проекта комплексной программы «БАМ» на ближайшие десять лет.

Информация, идеи, гипотезы, предложения... Программа «БАМ» — это огромный коллективный творческий труд, в процессе которого скрещиваются мнения, накапливаются знания и опыт, возникают новые задачи, ищутся новые ответы. Злободневность одних проблем сменяется остротой других. Важное, главное, характерное качество: оценка дел сегодняшних происходит с точки зрения будущего. Здесь особое значение имеют вопросы поиска эффективного использования природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Да, Байкало-Амурская магистраль идет по малообжитой, фактически еще не затронутой современным промышленным освоением территории. Игнорирование ее природно-климатических особенностей может привести к серьезным и необратимым процессам. С этой точки зрения наиболее опасно нарушение естественного теплового режима почв и горных пород. Даже небольшие изменения в условиях теплообмена на вечной мерзлоте могут вызвать деградацию мерзлых толщ, а это влечет за собой в конечном счете гибель существующих ландшафтов.

Благополучие окружающей среды в не меньшей степени зависит и от характера использования ресурсов. Гидрологическая роль леса достаточно хорошо известна, но в условиях вечной мерзлоты она возрастает неизмеримо: здесь сведение леса, «оголение» почвы может привести к резким изменениям режима водотоков и водоемов, возникновению высоких паводков, усилению эрозии и термоэрозионных процессов, появлению снежных лавин и селевых потоков.

Нужно сохранять чистоту рек Амура и Лены — главных речных систем Сибири.

К сожалению, проблемы обеспечения экологического равновесия в связи с хозяйственным освоением зоны БАМа все еще принадлежат к числу малоизученных.

— Но позвольте, а рекомендации Института мерзлотоведения разве не полезны? — возразила я.

— Полезны,— согласился Абел Гезевич.— Мы располагаем материалами этого и других институтов по проблемам экологического равновесия в зоне БАМа. Но размах таких работ пока еще недостаточен.

Необходимо накопленные сведения применить для составления четкой и обоснованной схемы планирования и ввода в хозяйственный оборот природных ресурсов зоны БАМа.

Нужно дать строителям научно обоснованные нормативы, учитывающие взаимодействие с окружающей средой. Строители должны иметь ясное представление о своем месте в системе отношений «природа — техника — человек», сознавать ответственность перед будущим.

Исследователи работают и над обоснованием схем и планов резервации территорий под рекреационные и заповедные зоны, зоны туризма и отдыха, намечают мероприятия по устранению вредных и опасных последствий хозяйственной деятельности человека.

Не на все вопросы, рождаемые практикой строительства и пионерного освоения, наука может сегодня ответить точно и досконально. Учебника по БАМу нет — он пишется самой жизнью, усилиями многих тысяч людей, и каждая строка будущих истин добывается ценой труда, поиска практики и мысли. БАМ для науки — это объект разносторонних исследований и испытательный полигон, и социальный заказ на решение важнейших задач в экономике и управлении, технике

и экологии, медицине и сельском хозяйстве. БАМ для науки — это поиск теоретических подходов к решению новых масштабных задач хозяйственной практики.

Дорога строится. Познание продолжается. Мы связываем с будущим наши лучшие представления об организации хозяйства и жизни. И видим зону БАМа гармонично развитым краем, где человеку интересно работать, удобно жить и радостно отдыхать.

* *
*

Поставлена последняя точка. Но мои поездки на Байкал, в Челны и Якутию на этом не завершились.

СОДЕРЖАНИЕ

Инесса Емельяновна Буркова

ЛЮБЛЮ ВОЗВРАЩАТЬСЯ

Заведующий редакцией *А. Т. Шаповалова*
Редактор *Ю. Н. Чернышева*
Художник *И. И. Суслов*
Художественный редактор *В. А. Тогобицкий*
Технический редактор *О. М. Лыгина*

ИБ № 227
Сдано в набор 29.09.78. Подписано в печать 20.12.78. А00803. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 8,40. Учетно-изд. л. 8,26. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 3275. Цена 35 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

35 коп.

ПОЛИТИЗДАТ

